

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сергеев Григорий Сергеевич

**Российский корпоративный капитал в мировом хозяйстве начала XX и XXI
веков: сравнительный политико-экономический анализ**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Бузгалин Александр Владимирович

Москва – 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования роли национального корпоративного капитала в мировом хозяйстве	17
1.1. Политико-экономическая теория монополистического капитала.....	17
1.2. Мировое хозяйство в контексте политэкономической теории монополистического капитала: исторический аспект.....	33
1.3. Сравнительный политико-экономический анализ национальных экономических систем.....	49
Глава 2. Специфика российского корпоративного капитала в мировом хозяйстве начала XX века	65
2.1. Российская империя в мировом хозяйстве в начале XX века.....	65
2.2. Роль иностранного капитала в экономике Российской империи	77
2.3. Противоречия развития российского корпоративного капитала	83
Глава 3. Изменение места и роли российского корпоративного капитала в мировом хозяйстве начала XXI века	94
3.1. Российская Федерация в мировом хозяйстве в начале XXI века	94
3.2. Российский корпоративный капитал начала XX и XXI века: общие черты и особенности	106
3.3. Роль высокотехнологичного производства в обеспечении национальной экономической безопасности и взаимовыгодной интеграции России в мировое хозяйство	113
Заключение	124
Список литературы	130

Введение

Актуальность темы исследования. К концу второго десятилетия XXI века становится все более очевидным, что масштабные технологические сдвиги, которые во многом уже определяют образ жизни людей и облик мирового хозяйства, не сопровождаются адекватными институциональными изменениями в глобальной социально-экономической системе. Вопреки провозглашенным целям устойчивого развития, сложившаяся после мирового экономического кризиса 2008-2009 гг. глобализованная реальность характеризуется нарастающей финансово-экономической и социально-политической нестабильностью.

Под действием неравномерного экономико-политического развития происходит процесс формирования новых мировых и региональных центров силы, что многократно усиливает конкуренцию за источники сырья, рынки сбыта и высокие технологии. Тем самым в капиталистической мирохозяйственной системе складывается ситуация, во многом схожая с ситуацией перед Первой мировой войной, когда процесс переформатирования геополитического и геоэкономического пространства происходил в форме борьбы за передел мира между «великими империалистическими державами».

На этом фоне постсоветская Россия, для которой характерен сохраняющийся и растущий в последние годы военно-политический потенциал, становится активным актором мирового экономического развития. Возникновение новой геополитэкономической реальности и беспрецедентное санкционное давление в отношении Российской Федерации со стороны наиболее развитых экономик мира во главе с США резко обострило противоречие между необходимостью обеспечения национального экономического суверенитета и технологической целесообразностью включения российской экономики в систему международного разделения труда.

В то же время вследствие реализации в прошлом неолиберальной экономической модели Российская Федерация приобрела на мировом рынке статус поставщика продукции низкой степени передела (энергоресурсы, металл,

удобрения и пр.), который во многом тождественен положению Российской империи перед Первой мировой войной, основной статьей экспорта которой были продовольственные товары (прежде всего зерно) и сельскохозяйственное сырье.

В связи с этим представляется актуальным пространственно-временное сопоставление места и роли корпоративного капитала Российской империи и Российской Федерации в мировом хозяйстве в пореформенные периоды (1861-1913 гг. и 1991-2021 гг. соответственно). Понимание сущности изменений, происходящих в мировом капиталистическом хозяйстве, вкупе с адекватным отображением статуса российского корпоративного капитала в стремительно меняющейся геополитэкономической конфигурации выступает необходимым условием разработки научно обоснованной концепции социально-экономического развития страны.

Степень научной разработанности проблемы. Следует отметить, что несмотря на довольно внушительный список публикаций по вопросу развития отечественного капитализма и интеграции российских предприятий в мировое хозяйство, накопленный за более чем столетний период, *комплексные политико-экономические исследования по сравнительному анализу российского корпоративного капитала, взятого в контексте и соотносимого с эволюцией мирохозяйственной системы на протяжении длительного периода времени, в настоящее время отсутствуют.*

Отчасти это объясняется тем, что на протяжении XX века основной фокус исследований экономической компаративистики как отдельного направления экономической науки был направлен на сравнительный анализ конкурирующих между собой капиталистической и социалистической экономических систем, основанный в большинстве своем на простом сопоставлении эмпирических данных. Лишь с распадом мировой социалистической системы главное внимание исследователей оказалось сосредоточено на анализе трансформационных экономических систем, то есть причин, тенденций и противоречий перехода от командной-административной системы к рыночно-капиталистической экономике.

Несмотря на явно недостаточное количество работ по обозначенной проблематике данного исследования, тем не менее различным аспектам, сопряженным с темой данного исследования, посвящен широкий спектр научных работ зарубежных и отечественных авторов, которые можно условно разбить на два блока: работы, посвященные вопросам природы, тенденций и противоречий социовременного и социопространственного развития глобальной капиталистической системы; исследования по вопросам развития российского корпоративного капитала и его интеграции в мировое капиталистическое хозяйство в начале XX и XXI веков.

Исследования природы и противоречий генезиса, становления и развития капиталистической мирохозяйственной системы берут начало в классических трудах по политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Ф. Энгельса. Трансформация классического капитализма в глобальную империалистическую систему на рубеже XIX и XX веков получила отражение в классических марксистских теориях империализма. Н. И. Бухарин, Р. Гильфердинг, К. Каутский, В. И. Ленин, Р. Люксембург в своих теоретических концепциях отмечали те или иные аспекты империализма как нового мирового порядка.

В советский период анализ природы, тенденций и противоречий мирового капиталистического хозяйства был одним из основных направлений научно-исследовательских работ отечественных политико-экономов. В работах А. З. Астаповича, Т. Я. Белоус, В. В. Жаркова, И. Д. Иванова, С. М. Меньшикова, Р. С. Овинникова, Н. Н. Петрова, Э. П. Плетнева, Е. М. Примакова, А. Н. Тягуненко, Г. Г. Чибрикова и др. исследовались процессы углубления интернационализации производства и транснационализации капитала, включая противоречивое развитие транснациональных корпораций в рамках послевоенной системы государственно-монополистического капитализма.

Проблема трансформационных (переходных) производственных отношений в рамках капитализма (концепция «монополистической» или «неполной планомерности») разрабатывалась представителями политико-экономической

школы МГУ имени М. В. Ломоносова А. А. Пороховским, В. Н. Черковцом, Н. В. Хессиным, Н. А. Цаголовым.

За последние несколько десятилетий экономическая глобализация стала важнейшим фактором эволюции мирового хозяйства. В посткризисное десятилетие на Западе был опубликован ряд монографий, посвященных исследованию с позиций неортодоксальных экономических теорий процесса развертывания глобализации, включая ее финансовые аспекты («финансиализация»). В работах С. Гиндина, Р. Десаи, А. Каллиникоса, Д. Котца, З. Коупа, П. Кругмана, П. Патнаика, У. Патнаика, Л. Панича, Э. Райнерта, Э. Скрепанти, Дж. Смита, Дж. Фостера, Д. Харви и др. указывается в той или иной степени на системный кризис, переживаемый системой глобального капитализма.

Проблематика взаимодействия социально-экономических систем, а также периферийного зависимого развития нашла свое отражение в работах таких представителей школы мир-системного анализа, как: С. Амин, Дж. Арриги, П. Баран, И. Валлерстайн. Отличительной особенностью данного направления экономической мысли является анализ глобальной системы капитализма как неоднородной иерархически выстроенной структуры, характеризующейся наличием субъектов (центр) и объектов (периферия) мирохозяйственных отношений. В рамках данного направления постсоветская Россия зачастую рассматривается как полупериферия капиталистической мир-системы.

Несмотря на глубокую проработку вопросов, связанных с социовременной и социопространственной эволюцией мировой капиталистической системы, многие аспекты трансформационных процессов требуют дальнейшего изучения, особенно в свете наблюдаемого сегодня кризиса неолиберального миропорядка и развертывающихся в связи с этим процессов деглобализации. Требуют уточнения качественные и количественные параметры отнесения национального капитала той или иной страны к центру или периферии, а также причины консервации периферийного положения на протяжении длительного периода времени и пути его преодоления.

Что касается работ, посвященных анализу развития российского капитала, то уже в дореволюционный период вопрос о «судьбах капитализма» в России в сравнении с наиболее развитыми на тот момент капиталистическими державами выдвинулся на первый план в работах отечественных исследователей различных направлений экономической мысли.

Критика экономической политики царского правительства с обращением к опыту экономического развития Соединенных Штатов Америки и Германии представлена в многочисленных работах И. Х. Озерова, основателя отечественной «социологической школы», которую можно в полной мере отнести к классическому институционализму. Представители «легального марксизма» – П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие – доказывали необходимость ускоренного развития более прогрессивных капиталистических производственных отношений, призывая «идти на выучку к капитализму»¹. Анализу места Российской империи в мировой империалистической системе, ее общественно-экономического строя и социально-классовой структуры с позиций классической марксистской политэкономии посвящены экономические работы В. И. Ленина, в которых особое внимание уделено противоречиям капиталистической эволюции сельского хозяйства и разложения крестьянства в пореформенную эпоху.

В советский период экономическое положение дореволюционной России в мировом капиталистическом хозяйстве и, в частности, роль иностранного капитала в развитии российской экономики рассматривались отечественными исследователями. Отметим в этой связи работы таких ученых, как В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин, Е. Л. Грановский, П. И. Лященко, И. В. Маевский, Н. В. Оль, С. Г. Струмилин, С. Л. Ронин, П. А. Хромов, Л. Е. Шепелев. При этом советскими исследователями могли даваться совершенно полярные оценки относительно места Российской империи в мировой империалистической системе начала XX века: одни делали акцент на стремительном развитии отечественного монополистического капитала, доказывая тем самым, что царское правительство осуществляло

¹ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 288.

самостоятельную и независимую внешнюю политику; другие справедливо указывали на существенную зависимость российской экономики от иностранного финансового капитала и конъюнктуры мирового рынка, что требовало от царского правительства придерживаться внешнеполитического курса, выгодного западным империалистическим державам.

Крах экономики царизма обострил интерес к экономическому развитию России со стороны западных исследователей, которые пытались объяснить причины революционных событий 1905-1917 г., приведших в конечном итоге к созданию СССР и последующему формированию мировой социалистической системы. В фундаментальных трудах А. Гершенкрона, П. Грегори, А. Кагана, П. Кеннеди исследуются основные показатели пореформенного социально-экономического развития Российской империи относительно промышленно развитых капиталистических стран. При этом интерпретация результатов пореформенного развития Российской империи зарубежными исследователями крайне противоречива. Если американский исследователь П. Грегори, опираясь на свой технический статистический анализ, являлся сторонником оптимистического взгляда на социально-экономическое развитие царской России, то А. Гершенкрон, напротив, считал, что ускоренная индустриализация осуществлялась за счет аграрного сектора и прежде всего на средства, полученные в результате систематического ограбления крестьянства, что привело в конечном итоге к революционному взрыву.

Современные российские исследователи М. И. Воейков, Г. И. Ханин, В. Н. Шевченко указывают в своих работах на то, что основные параметры социально-экономического развития Российской империи перед Первой мировой войной не превышали соответствующих показателей наиболее промышленно развитых стран, несмотря на довольно высокие темпы экономического развития в пореформенную эпоху.

Более или менее общим в оценке отечественными и зарубежными авторами процесса пореформенного развития Российской империи является указание на противоречивый характер экономической политики царского правительства: с

одной стороны, всемерная поддержка – вплоть до прямого «насаждения» с опорой на иностранный капитал – крупной монополистической промышленности, а с другой – торможение капиталистической эволюции аграрного сектора с сохранением помещичьего землевладения.

Наконец, итоги экономического развития постсоветской России в условиях стремительной интеграции отечественных предприятий в международную систему разделения труда рассматриваются отечественными исследователями, представляющими альтернативные по отношению к неоклассической теории школы экономической науки. Отметим в этой связи работы таких авторов, как: В. Т. Рязанов, предложивший оригинальную идею неомарксистского синтеза классической политэкономии и посткейнсианства; Р. С. Дзарасов, Б. Ю. Кагарлицкий и О. О. Комолов, работающие на стыке современной марксистской экономической теории и мир-системного анализа; А. В. Сорокин и К. А. Хубиев, являющиеся сторонниками синтеза классической политэкономии и неоклассической экономической теории; Г. Н. Цаголов, последовательно развивавший в своих исследованиях концепцию конвергенции; А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, представляющие Постсоветскую школу критического марксизма; В. М. Кульков и М. Ю. Осипов, отмечающие особую роль цивилизационных факторов в историко-экономическом развитии России в рамках национально-ориентированного подхода в политэкономической теории; С. Д. Бодрунов, развивающий на основе работ Дж. Гэлбрейта теорию нового индустриального общества 2.0 и ноономики; С. Ю. Глазьев, предложивший концепцию технологических укладов, и другие. В работах этих исследователей фундаментальной критике подвергнуты как неолиберальные экономические реформы, осуществленные в России в начале 90-х годов прошлого века, так и современная система социально-экономических отношений, сложившаяся в России в пореформенный период.

Цель диссертационного исследования – раскрыть на основе сравнительного политэкономического анализа специфику места и роли корпоративного капитала Российской империи начала XX века и Российской

Федерации начала XXI века в капиталистической мирохозяйственной системе. Для достижения вышеуказанной цели необходимо решение следующих задач:

1. раскрыть потенциал использования современной политэкономической теории и других неортодоксальных направлений экономической мысли при исследовании характера и направления эволюции мирового хозяйства с опорой на разработки отечественной политэкономической школы;

2. систематизировать этапы развития капиталистической мирохозяйственной системы и разработать критерии (признаки) места национального корпоративного капитала в центр-периферийной структуре мирового капиталистического хозяйства;

3. выявить место и роль корпоративного капитала Российской империи начала XX века и Российской Федерации в капиталистической мирохозяйственной системе и на этой основе раскрыть специфику общего и особенного в развитии российского корпоративного капитала;

4. обосновать теоретические предпосылки и разработать практические рекомендации для преодоления социально-экономического отставания современной России от наиболее развитых экономик мира.

Объект исследования – российский корпоративный капитал начала XX и XXI веков в капиталистической мирохозяйственной системе на соответствующем этапе ее эволюции.

Предметом исследования особенности и противоречия развития корпоративного капитала Российской империи и Российской Федерации, взятые в контексте и соотносимые с эволюцией мирового капиталистического хозяйства.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Раскрыт потенциал отечественной политэкономической школы и, в частности, теории монополистического капитала в исследовании особенностей и противоречий мирохозяйственной системы. Обосновано положение, согласно которому монополистический капитал является исходно-генетическим отношением ассиметричного центр-периферийного устройства мирового капиталистического хозяйства.

2. На основе политэкономической теории монополистического капитала выделены и охарактеризованы пять этапов эволюции мирового хозяйства. В частности, показана историко-генетическая связь современного этапа развития мирохозяйственной системы с империализмом начала прошлого века, а также раскрыты источники противостояния между крупнейшими акторами мировой экономики как в начале XX, так и в начале XXI веков.

3. Выделены следующие критерии сравнительного анализа места и роли национального корпоративного капитала в мировом хозяйстве в начале XX века: 1) уровень развития промышленного производства; 2) уровень монополизации промышленного и банковского (финансового) капитала; 3) участие в экономическом разделе мира; 4) участие в политическом разделе мира. Для современного этапа развития мирового хозяйства выделены следующие критерии: мера участия национального корпоративного капитала в 1) экономическом разделе мира; 2) контроле над глобальной финансовой системой; 3) контроле над глобальным научно-технологическим развитием; а также 4) уровень развития военно-промышленного комплекса.

4. На базе указанной методологии сделан вывод о том, что Российская Федерация в начале XXI века, как и Российская империя в начале прошлого столетия, занимает двоякое положение в мировом капиталистическом хозяйстве, характеризующееся, с одной стороны, исторически сформировавшейся технологической зависимостью от мировых экономических лидеров, а с другой – наличием потенциала формирования социально-экономической системы, альтернативной глобальной гегемонии корпоративного капитала стран ядра.

5. Обосновано положение о том, что потенциал развития российского корпоративного капитала, ориентированного на обеспечение экономической безопасности и суверенного социально-экономического развития страны, состоит в создании технологических и социально-ориентированных основ реализации стратегии «отключения» (delinking) с целью преодоления зависимости российской экономики от стран ядра мирового хозяйства.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В диссертации предложен новый подход к сравнительному политико-экономическому анализу национального капитала в мировом хозяйстве, опирающийся на комплексную систему показателей. Результаты исследования обогащают теоретические представления о центр-периферийной структуре капиталистической мирохозяйственной системы, а также о причинах и противоречиях кризисной трансформации неолиберального миропорядка и процессах деглобализации. Сделанные выводы позволяют по-новому взглянуть на место корпоративного капитала Российской империи и Российской Федерации в мировом капиталистическом хозяйстве и сформулировать принципы экономической политики современной России с учетом происходящих в капиталистической мирохозяйственной системе трансформационных процессов.

Теоретические и методологические основы исследования

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили монографии, научные статьи и публикации российских и зарубежных представителей классической и современной политической экономии, мир-системного анализа и других альтернативных неоклассической экономической теории школ, посвященные изучению эволюции российской экономической системы в контексте развития капиталистической мирохозяйственной системы.

Анализ генезиса и развития мирового капиталистического хозяйства основан на концепции «позднего капитализма» А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, в основе которой лежит принцип «генетической общности», сформулированный советским философом Э. В. Ильенковым в рамках разработки метода восхождения от абстрактного к конкретному, а также историко-генетический подход, раскрытый в работах советского экономиста Н. В. Хессина.

Автор исходит из того, что мировое капиталистическое хозяйство основано на гегемонии крупного финансового монополистического капитала центров мирового хозяйства, что позволяет последним посредством различных механизмов внешней торговли, трансграничных инвестиций и глобальной финансовой системы безвозмездно перераспределять прибавочную стоимость из стран периферии. В

связи с этим в основу систематизации параметров центр-периферийной структуры мирового хозяйства положены разработки отечественной политико-экономической школы в области исследования капиталистической монополии как формы производственного отношения, органично дополненные концепцией капиталистического накопления, разработанной представителями школы мир-системного анализа, в частности С. Амином, который выделял автоцентричный и экстравертный (экспортно-ориентированный) типы накопления капитала, свойственные соответственно для центра и периферии мировой капиталистической системы.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили статистические материалы, аналитические доклады и отчеты Всемирного Банка, Международного Валютного Фонда (МВФ), Банка международных расчётов, Всемирной торговой организации (ВТО), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Организации по экономическому и сотрудничеству и развитию (ОЭСР), Международной организации труда (МОТ), Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), Федеральной службы государственной статистики России (Росстат), Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), международных организаций Global Trade Alert, Global Financial Integrity, Oxfam и др., а также годовые отчеты отечественных и иностранных корпораций, материалы периодической печати и ресурсы сети Интернет.

Положения, выносимые на защиту

1. Использование современной политэкономической теории и, в частности, теории монополистического капитала позволяет сделать вывод о том, что в основе центр-периферийной структуры мирового хозяйства лежит диалектическое единство центростремительного процесса всемирного обобществления производства, в результате которого формируется единое мировое хозяйство, и центробежного процесса, углубляющего разрыв между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства вследствие господства капиталистических монополий в мировой экономике.

2. Мировое капиталистическое хозяйство, прошедшее в своем становлении и развитии пять этапов, характеризуется в первой четверти XXI века торгово-экономическими войнами, протекционизмом, снижением темпов роста мировой торговли, международного производства и иностранных инвестиций.

3. Место национальной экономической системы в центр-периферийной структуре мирохозяйственной системы на различных этапах ее развития детерминировано мерой участия национального монополистического капитала в экономическом разделе мира и регулировании мирохозяйственных связей, что на современном этапе выражается в том числе в участии национального монополистического капитала в контроле над глобальной финансовой системой и научно-технологическим развитием вкупе с наличием современного военно-промышленного комплекса.

4. Общие для Российской империи начала прошлого века и Российской Федерации в начале XXI века признаки характеризуют двоякое положение российского корпоративного капитала в мирохозяйственной системе: с одной стороны, наличие определенного промышленного и существенного военно-политического потенциала, позволяющего оказывать влияние на систему международных отношений, а с другой – сырьевой характер товарного экспорта, усиленный вывоз капитала из страны, существенная зависимость от иностранного капитала и технологий, непроизводительный характер потребления доходов от сырьевого экспорта в ущерб инвестированию в развитие отечественного высокотехнологичного производства.

5. Восстановление собственной научно-технологической базы и развитие на этой основе отечественного высокотехнологичного производства, существенно деградировавшего после интеграции российской экономики в систему международного разделения труда, является ключевым фактором обеспечения экономической безопасности современной России.

Степень достоверности результатов

Достоверность исследовательских результатов обеспечивается следующим:

1. Результаты научной работы получены на основе использования системного подхода, интегрирующего методы индукции, анализа, синтеза, научной абстракции.

2. Основой работы стали теоретические исследования и эмпирические данные, отражающие различные аспекты пространственно-временного сопоставления национальных экономических систем в мирохозяйственной системе.

3. Приводимые в диссертации положения отражены в публикациях в рецензируемых научных журналах и докладывались на международных научных конференциях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 08.00.01 – Экономическая теория:

Области исследования:

1. Общая экономическая теория: 1.1. Политическая экономия: закономерности глобализации мировой экономики и ее воздействие на функционирование национально-государственных экономических систем; взаимодействие экономических и политических процессов на национально-государственном и глобальном уровнях; вызовы глобализации и их последствия; формирование экономической политики (стратегии) государства; теоретические проблемы экономической безопасности.

2. Экономическая история: 2.2. История становления и развития социально-экономических систем и цивилизаций, их типология и сравнительно-исторический анализ; 2.3. Закономерности, особенности, этапы развития отдельных стран и регионов, факторы, обуславливающие специфику их развития. Сравнительно-исторический анализ развития различных стран; 2.4. История опыта и способов трансформации экономических систем (этапов эволюции систем, переходных эпох, социальных революций, экономических реформ).

Апробация результатов исследования

Научные результаты исследования были апробированы на международных и российских научных конгрессах и конференциях, в том числе на международной

ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения-2022» (Москва, 2022); VII Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2022) «Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геэкономической реальности» (Санкт-Петербург, 2022); XI ежегодной конференции Международной инициативы по продвижению политической экономии «Пандемия и будущее капитализма: политическая экономия обществ и национальных экономик» (онлайн, 2021); III Всемирном конгрессе по марксизму «Марксизм и модернизация» (Пекин, Китай, 2021); Международном конгрессе «СПЭК-ПНО-2020» «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (Москва, 2020); пленарной конференции МАЭФ-2019 «Экономика как объект междисциплинарных исследований» (IV международный политэкономический конгресс) (Москва, 2019); VI международном конгрессе «Производство. Наука и Образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-2019), (Москва, 2019); V Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека (Санкт-Петербург, 2019).

Основные результаты исследования представлены в 8 публикациях в рецензируемых научных изданиях общим объемом 8,2 п. л., в том числе в 5 статьях в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности.

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Работа представлена на 147 страницах, основывается на 203 источниках (в том числе на 56 источниках на иностранном языке) и включает 14 таблиц и 7 графиков.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования роли национального корпоративного капитала в мировом хозяйстве

1.1. Политико-экономическая теория монополистического капитала²

Сложившаяся после распада мировой социалистической системы капиталистическая мирохозяйственная система претерпевает существенные изменения. Общая геополитическая нестабильность, взаимные санкции, торгово-экономические войны между ведущими центрами мировой экономики, ползучая деградация наднациональных институтов – все это свидетельствует о кризисе неолиберальной глобализации.

Под действием неравномерного экономико-политического развития происходит процесс формирования новых мировых и региональных центров силы, что опосредованно отражается в геополитической концепции «многополярного мира» или «полицентричного миропорядка»³. Качественные изменения в мировой капиталистической системе, отнюдь не случайно возрождающие империалистические интенции и напоминающие трансформацию мирового порядка в начале XX века, требуют адекватного системного теоретического осмысления.

Для господствующего сегодня неоклассического направления экономической теории характерен позитивистский подход, направленный на регистрацию эмпирически наблюдаемых фактов и построение на этой основе экономико-математических моделей, поясняющих функциональные связи, но не позволяющих

² При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии. – 2019. - № 4. - С. 50-63; Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131; Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108; Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70; Сергеев Г.С. Кризис неолиберального миропорядка сквозь призму ленинской теории империализма // Свободная мысль. - 2020. - № 5 (1683). - С. 23-36.

³ Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47-66.

проникнуть в сущность общественных отношений, формирующих «внутреннюю физиологию» лежащих на поверхности действительности фактов⁴.

Между тем, как отмечают многие исследователи, экономическая теория господствующего ныне «основного течения» экономической мысли находится в глубоком кризисе⁵. Основные принципы, положенные в основу «жесткого ядра» неоклассической научно-исследовательской программы (воспользуемся терминологией И. Лакатоша), закономерно критикуются представителями неортодоксальных экономических теорий по причине несоответствия реальным социально-экономическим процессам.

Нельзя не отметить и определенную идеологизацию экономической науки в постсоветской России и в мире в целом. Так, например, критикуя современный мейнстрим экономической теории, Р. С. Гринберг отмечает его гипертрофированную математизацию, фрагментарность («балканизацию») и очевидную идеологическую направленность, а именно «преданность так называемому рыночному фундаментализму, суть которого сводится к идее безоговорочной благотворности «свободного рынка» и минимизации участия государства в экономике»⁶.

Как справедливо отмечает В. М. Кульков, глобальный экономический кризис 2008-2009 годов показал, что неоклассическая экономическая теория не способна предложить адекватный ответ на вызовы кризисной трансформации неолиберального миропорядка⁷. Достаточно сказать, что накануне мирового финансово-экономического кризиса Роберт Лукас и Бен Бернанке, ведущие представители мейнстрима американской экономической мысли, оптимистично заявляли, что проблема предотвращения депрессии успешно решена⁸.

⁴ Пороховский А. А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении современной экономики // Вопросы политической экономии. – 2016. – №4. – С. 20.

⁵ См., напр.: Худокормов А. Г. Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 1 (25). – С. 103-125.

⁶ Гринберг Р. С. Экономическая теория в кризисе: возможен ли выход без смены парадигмы? // Мир Перемен. – 2018. – №6.

⁷ Кульков В.М. Научный потенциал теории национальной экономики // Проблемы современной экономики. – 2021. – №3 (79). – С. 51.

⁸ Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. New York: W.W. Norton and Company, 2009. P. 9-10.

Неудивительно, что, по мнению ортодоксальных неоклассиков, при капитализме отсутствуют объективные основания для возникновения кризиса, то есть «кризис вызван не рынком, а людьми, принимающими неправильные решения»⁹.

Более того, использование макроэкономических моделей, построенных в рамках неоклассической теории и навязываемых глобальными акторами, обладающими реальной политико-экономической властью, в соответствии с постулируемым принципом их инвариантности по отношению к конкретно-историческим социально-экономическим условиям и уровню развития производительных сил, привело к катастрофическим последствиям для национальных экономик стран периферии мирового хозяйства. Ярким примером такого подхода является экономическая политика в рамках так называемого «Вашингтонского консенсуса», смысл которой, по выражению С. Ю. Глазьева, «заключался в демонтаже национального суверенитета стран-заемщиков в интересах международного капитала, осуществлении жесткого контроля за действиями их правительств, обеспечении соответствия проводимой ими политики потребностям иностранных “инвесторов”»¹⁰.

Необходимость целостного и системного изучения особенностей и противоречий воспроизводства глобальной системы капитализма как «органического целого», взятого в контексте конкретно-исторических этапов его развития, требует обращения к теоретико-методологическому аппарату современной политической экономии в диалоге с научными идеями неортодоксальных направлений экономической мысли: школа мир-системного анализа, классический институционализм, теория национальной экономики, посткейнсианство и другие.

В свою очередь, политическая экономия основана на диалектико-материалистическом методе исследования, который позволяет выявить, «как объективное сцепление причин и следствий, связь и взаимодействие явлений

⁹ Рязанов В.Т. Капитализм и кризисы: становление и развитие политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. – 2015. – №1. – С. 57.

¹⁰ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – СПб.: СПбГУП, 2011. С. 31.

обуславливают закономерный переход от одной ступени развития к другой»¹¹. Важнейшим теоретико-методологическим принципом материалистической диалектики является признание внутренних противоречий, их единства и борьбы, движущей силой развития конкретно-исторического способа производства. При достижении определенного этапа развитие противоречий, лежащих в основе данного способа производства, приводит к тому, что социально-экономическая система не может далее развиваться без привнесения элементов более прогрессивной системы производственных отношений. В связи с этим в данной работе автор опирается на концепцию «*позднего капитализма*» А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, согласно которой поздний капитализм представляет собой «этап возникновения в недрах капитализма ростков пострыночных отношений, отрицающих качество, сущность капитала, но вместе с тем дающих капитализму новый импульс развития»¹². Тем самым перерастание классического промышленного капитализма в империализм на рубеже XIX – XX веков и последующая эволюция капиталистической мирохозяйственной системы вплоть до настоящего времени трактуется как стадия «заката» капиталистического способа производства, который выражается в нарастании процесса самоотрицания капитала.

При этом диалектико-материалистический метод предполагает, что «сложное отношение может появиться лишь после того, как развилось предшествующее ему простое»¹³. В связи с этим познание конкретно-всеобщего целого как «единства во многообразии» может осуществляться только через форму восхождения от абстрактного к конкретному, то есть «от частного, понимаемого как частичное, неполное, фрагментарное отражение целого, к общему, понимаемому как общая (взаимная) связь, сцепление этих частных в составе конкретно-определенного

¹¹ Розенталь М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. – М.: Политиздат, 1955. С. 38.

¹² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 17.

¹³ Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. В 2-х тт. Т. 2. Изд. 3-е: переработ. и доп. – М.: Экономика, 1973. С. 71.

целого, как совокупность объективно необходимых и объективно синтезированных различных частей»¹⁴.

В этом смысле при исследовании конкретно-исторического способа производства в рамках марксистской научной парадигмы важнейшим понятием является «экономическая клеточка», то есть «простейшая экономическая форма, содержащая в зародыше все основные черты и противоречия данного способа производства»¹⁵. Такой историко-генетический подход к изучению развивающихся социально-экономических систем, основанный на принципе «генетической общности», сформулированном советским философом Э. В. Ильенковым в рамках разработки метода восхождения от абстрактного к конкретному, был использован Марксом в «Капитале» и теоретически раскрыт в работах советского экономиста Н. В. Хессина. В частности, при исследовании капиталистического способа производства Маркс показал, что товарные отношения (или «форма стоимости товара») являются исходными общественными отношениями капитализма, где товар есть «самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства», из которой в дальнейшем разворачивается все богатство содержания и разнообразие форм капиталистической системы производственных отношений¹⁶.

В последней четверти XIX века в результате второй промышленной революции (или перехода к третьему технологическому укладу в терминологии С. Ю. Глазьева) в наиболее развитых капиталистических странах происходит индустриализация, что способствует гигантскому росту производительных сил на базе производства высококачественной стали, массового строительства железных дорог, распространении электричества и продуктов химической промышленности. Кардинальные изменения в производительных силах осуществляются посредством объективных процессов концентрации и централизации капитала, отмеченных

¹⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. С. 234.

¹⁵ Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 119.

¹⁶ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. С. 92.

Марксом при анализе процесса накопления капитала¹⁷. *Развитие корпоративной формы организации капитала в виде акционерных компаний, трестов и картелей (или корпоративного капитала) трансформирует капиталистический способ производства, «превращая частные индивидуальные предприятия в коллективные предприятия капиталистов, а их частный капитал – в общественный капитал»¹⁸.*

При этом в начале 1890-х годов Энгельс замечает, что с генезисом и становлением новых форм капиталистического производства в наиболее развитых странах происходит монополизация отдельных отраслей промышленности и развитие отношений планомерности в недрах капиталистического способа производства¹⁹. К началу XX века происходит гигантское обобществление производства и труда, которое не сводится исключительно к концентрации и централизации производства, но и выражает растущую взаимосвязь и взаимозависимость хозяйствующих субъектов, технико-организационные и экономические отношения между которыми уже не опосредованы рынком как таковым, а замкнуты непосредственно на управляющее ядро крупнейших корпораций.

Напомним, что сущность товарного производства, которое лежит в основе рынка как политико-экономической категории, состоит в обособлении производителей на базе общественного разделения труда²⁰. С политэкономической точки зрения процесс обобществления противоположен обособлению товаропроизводителей, связанных общественным разделением труда. При этом

¹⁷ «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг» (см.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. С. 642).

¹⁸ Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия. – М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 191.

¹⁹ «Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами, это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизуют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» (см.: Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Политиздат. С. 234).

²⁰ Хессин Н.В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. – М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 40.

обобществление является одной из важнейших категорий, отражающей одновременно развитие и самоотрицание капиталистического способа производства. В связи с этим уровень обобществления, достигнутый к концу XIX века, позволяет сделать вывод о том, что «товарное производство по-прежнему “царит” и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано»²¹. Классический капитализм свободной конкуренции перерастает в монополистический капитализм, характеризующийся господством капиталистической монополии как противоречивого единства формы производства и типа производственных отношений²².

Важно отметить, что в марксистской экономической теории монополия как политэкономическая категория по своей сути качественно отличается от традиционного определения монополии в рамках неоклассической экономической теории. В политэкономической теории *монополистический капитал – это корпоративный капитал такой концентрации, которая позволяет ему не только сознательно и планомерно воздействовать на процесс формирования цены, но и подрывать обособленность производителей и потребителей с целью присвоения монопольно высокой прибыли.*

Исследуя мировую империалистическую систему начала прошлого века в рамках марксистской исследовательской программы, ряд теоретиков (Р. Гильфердинг, Н. И. Бухарин, В. И. Ленин) отмечали, что в основе «нового мирового порядка» лежит процесс генезиса и развития монополистического капитала в ведущих капиталистических экономиках.

Напомним, в частности, признаки империализма, сформулированные В. И. Лениным в разгар Первой мировой войны: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового»

²¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат. С. 322.

²² Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). – М.: Мысль, 1985. С. 13.

капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»²³.

Подчеркнем: каждая из данных характеристик важна и необходима для понимания империализма начала XX века не только сама по себе (как «абстрактный момент» целого), но, прежде всего, как элемент «конкретно-определенного целого», без которого невозможно понять реальный исторический процесс развертывания капитализма, переходящего на рубеже XIX и XX веков в империалистическую стадию. Последовательное прослеживание взаимосвязи и взаимообусловленности указанных «элементов» позволяет не абстрактно формулировать, а выводить каждый последующий признак империализма из предыдущего, обнимая тем самым целиком систему международных производственных отношений.

Важнейшей особенностью такой методологии является использование историко-генетического подхода, в рамках которого показывается «становление и развитие основных признаков и свойств империализма как генетический процесс»²⁴. Тем самым решающую роль, которую приобретает экспорт капитала в эпоху империализма, нельзя теоретически понять без того, чтобы не вскрыть природу образования финансового капитала как результата сращивания промышленного и банковского капитала, что, в свою очередь, является продуктом развития производственных отношений капиталистической монополии. Вне связи с конкретно-историческим анализом развития монополистического капитала борьба за хозяйственные территории и захват колоний «великими империалистическими державами» в конце XIX – начале XX века теряет свое конкретное (а тем самым и объективно истинное) содержание. В такой трактовке агрессивная политика империалистических держав по захвату и последующему

²³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат. С. 386.

²⁴ Хессин Н.В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. – М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 17.

переделу «хозяйственных территорий» представляет собой лишь верхушку империалистического айсберга.

Монополистический капитал или капиталистическая монополия как форма производственных отношений, возникшая и развивающаяся в процессе эволюции самого капиталистического способа производства, является тем стержнем, на который один за другим нанизываются вышеуказанные признаки империализма. Это в полной мере отражено в *конкретно-всеобщем определении империализма как «монополистической стадии капитализма»*²⁵. При этом экспорт капитала и последовавшие за ним раздел и передел мира характеризуют «геоэкономическое и геополитическое бытие монополистического капитала»²⁶. Господство монополистического капитала, связавшего к началу Первой мировой войны локальные экономические пространства в единый и противоречивый мирохозяйственный организм, стало «всеохватывающим по глубине и всемирным по масштабу»²⁷.

Тезис о подрыве товарного производства на монополистической стадии капитализма был в дальнейшем развит в работах советских экономистов, в частности, представителями политэкономической школы МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством Н. А. Цаголова в рамках концепции «монополистической» или «неполной» планомерности.

Механизм этого подрыва состоит в том, что, во-первых, на место атомизированных, обособленных отношениями частной собственности товаропроизводителей приходят крупные монополистические объединения, связанные между собой устойчивыми производственно-экономическими отношениями; во-вторых, монополистический капитал видоизменяет и систему общественного разделения труда: множество узкоспециализированных отраслей,

²⁵ По мнению В. Н. Черковца, в этом кратком определении выражена «политэкономическая сущность и главная отличительная особенность» империализма как новейшего этапа развития капиталистического способа производства (Черковец В.Н. Природа империализма и современный капитализм: особенности исследования их взаимосвязи // Вопросы политической экономии. – 2017. – №2. – С. 87-88).

²⁶ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 36.

²⁷ Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. В 2-х тт. Т. 2. Изд. 3-е: переработ. и доп. – М.: Экономика, 1973. С. 731.

прежде тесно связанных между собой посредством рыночного механизма, теперь подчинены господству крупнейших компаний, которые прямо или опосредованно определяют структуру и объемы производства, виды производимой продукции, цены и географию ее реализации, а также специализацию мелких и средних предприятий. Как отмечал А. А. Пороховский, «экономический комплекс любого монополистического объединения простирается далеко за его формально-юридические рамки, охватывая значительную массу поставщиков и потребителей»²⁸.

Развитие монополистического капитала обуславливает широкое распространение внерыночных форм обмена, наиболее известной из которых сегодня является трансфертное ценообразование. Далее монополистический капитал непосредственным образом деформирует рыночный механизм ценообразования: во-первых, планомерно регулируя и контролируя по сути весь производственный процесс и соответственно всю цепочку производства стоимости, капиталистическая монополия формирует общественно-необходимые затраты производства продукции; во-вторых, капиталистическая монополия в силу своих размеров препятствует свободному внутри- и межотраслевому переливу капитала, что в свою очередь затрудняет формирование рыночных цен производства и соответственно выравнивание нормы прибыли.

В исторически развивающихся социально-экономических системах, как указывает А. В. Бузгалин, «снятие одной системой другой не сводится к подрыву исходного качества системы, а должно пройти *по всей* ее структуре, видоизменяя *все* основные блоки системы и порождая внутри нее сложную систему переходных отношений»²⁹. В этом, на наш взгляд, и состоит суть известного тезиса об империализме как отдельной стадии в развитии капиталистической мирохозяйственной системы: монополистический капитал приобретает сначала ведущий, а затем и господствующий характер в системе производственных

²⁸ Пороховский А. А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). – М.: Мысль, 1985. С. 121.

²⁹ Бузгалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается) // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 24.

отношений, определяя направление и формы развития исторически и логически предшествующих ему категорий товарно-капиталистического производства (стоимость, товар, деньги, цена и т.д.)³⁰. Происходит диалектическое переверачивание причины в следствие, «которое характерно для всякого действительного развития»³¹.

Современные западные исследователи, в большинстве своем весьма слабо знакомые с теоретическими разработками советских и российских экономистов и с материалистической диалектикой вообще, «не замечают» теоретических тонкостей, связанных с отечественной политэкономической теорией империализма, анализ которой требует достаточно высокого уровня не только политико-экономической, но и философской абстракции³². В этом смысле теория империализма, последовательно развиваемая отечественной политэкономической школой в советский период, качественно отличается от различных концепций развития мирового хозяйства, предложенных западными теоретиками второй половины XX – начала XXI веков.

Так, например, в основе «геополитической экономики» канадской исследовательницы Р. Десаи лежит «теория неравномерного и комбинированного развития», согласно которой неравномерный характер развития мирового хозяйства, являясь имманентным признаком капитализма, неизбежно ведет к поляризации между странами («доминирующие государства» и «государства-претенденты») и дальнейшей борьбе между ними. Наиболее развитые капиталистические государства стремятся не только поддерживать, но и усиливать тенденцию к неравномерности развития, «экспортируя» таким образом свои внутренние капиталистические противоречия³³. Такое понимание империализма

³⁰ Так, например, как показал А. И. Колганов, в условиях растущего господства финансового капитала как формы монополистического капитала деньги перестают быть предпосылкой существования капитала, все больше представляя собой «момент» в эволюции финансового капитала, который сам становится предпосылкой существования денег (См.: Колганов А.И. Эволюция соотношения денег и капитала: как положенное превращается в предпосылку // Вопросы политической экономики. – 2020. – №4. – С. 39-53).

³¹ Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное. – М.: Канон+, 2019. С. 174.

³² См., например, критические комментарии в отношении ленинских признаков империализма со стороны Дж. Арриги (Arrighi G. *The Geometry of Imperialism*. – London, 1978. P. 10-11) и А. Каллиникоса (Callinicos A. *Imperialism and Global Political Economy*. – Cambridge: Polity Press, 2009. P. 43).

³³ Desai R. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. – London: Pluto, 2013.

очень близко С. Амину, который утверждает, что «исторический капитализм всегда был империалистическим, в том смысле, что он привел к поляризации между центрами и периферией с момента его возникновения»³⁴. Итальянский исследователь Э. Скрепанти вообще переносит время генезиса «капиталистического империализма» в XII век, выделяя при этом пять его исторических форм³⁵.

На наш взгляд, «генетически-всеобщей» вышеуказанных концепций является теория накопления капитала Р. Люксембург, которая выводит процесс интернационализации производства и обусловленный этим политический раздел мира из проблемы реализации прибавочной стоимости в капиталистической системе. «Империализм, – пишет Р. Люксембург, – является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые еще никто не наложил своей руки»³⁶. При этом Р. Люксембург справедливо указывает на то, что импортированный капитал «великих империалистических держав» взламывает национальные экономические системы, основанные на добуржуазных укладах, насаждая капиталистические отношения посредством, прежде всего, международных займов и кредитов. Однако сам процесс производства прибавочной стоимости в промышленно развитых центрах мировой экономики, а точнее – процесс монополизации экономики как качественно нового явления на рубеже XIX и XX веков, ведущего к подрыву основы товарного хозяйства – свободной конкуренции, остается за рамками ее исследования.

Между тем, начиная со второй половины XX века, типичной формой организации капитала и ядром капиталистической мирохозяйственной системы стала транснациональная корпорация («корпорация-гигант» в терминологии П. Барана и П. Суизи³⁷). Целые сектора мировой экономики, включая

³⁴ Амин С. Современный империализм. // Вопросы политической экономии. – 2016. – №1. – С. 9-10.

³⁵ Screpanti E. Global Imperialism and the Great Crisis. – Monthly Review Press, 2014. P. 41.

³⁶ Люксембург Р. Накопление капитала. / Пер. под. ред. М. Двойлацкого с предисл. В. Мотылева. Изд. 5-е. – М. СОЦЭКГИЗ, 1934. С. 320.

³⁷ Baran P., Sweesy P. Monopoly Capital. – New York: Monthly Review Press, 1966. P. 14-51.

высокотехнологичные отрасли, оказались монополизированы несколькими крупнейшими корпорациями. Как заметил Д. Харви, «текущая ситуация во многих секторах экономики свидетельствует о существенных тенденциях к олигополии, если не монополии»³⁸.

К началу XXI века масштаб экономической деятельности транснациональных гигантов оказался сопоставим с экономиками отдельных государств. Так, совокупная выручка 10 крупнейших корпораций, включая Walmart, Shell и Apple, превышает ВВП 180 стран, в список которых входят такие государства как Ирландия, Индонезия, Израиль, ЮАР и др.³⁹ Размер прибыли, полученной ExxonMobil в 2014 (\$32,5 млрд), примерно равен объему ВВП Бахрейна или Иордании; совокупная стоимость активов Volkswagen, равная \$447 млрд, сравнима с зарубежными резервами США; ежегодные расходы PepsiCo только на маркетинг и рекламу в 2016 г. (\$4,6 млрд) сопоставимы с расходами на образование из федерального бюджета России; количество персонала компании Walmart (около 2 млн сотрудников) сопоставимо с населением Ботсваны, Эстонии или Словении и т.д.⁴⁰

При этом транснациональная корпорация – это не просто сверхкрупный монополистический капитал, вышедший на мировой рынок. В этом проявляется количественный аспект углубления господства монополистического капитала на современном этапе развития мирового хозяйства. Качественная сторона состоит в том, транснациональная корпорация представляет собой сверхкрупный корпоративный капитал, формирующий «поле зависимости» и осуществляющий локальное воздействие на основные параметры мирового рынка, включая и «правила игры» на этом рынке⁴¹. Более того, являясь доминирующей силой

³⁸ Harvey D. *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism*. – New York: Oxford University Press, 2014. P. 136.

³⁹ OXFAM. “10 biggest corporations make more money than most countries in the world combined”. September, 2016. URL: <https://www.globaljustice.org.uk/news/2016/sep/12/10-biggest-corporations-make-more-money-most-countries-world-combined> (accessed: 21.02.2021).

⁴⁰ McKinsey Global Institute. “Playing to Win: The New Global Competition for Corporate Profits”. McKinsey&Company, 2015. P. 3. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-new-global-competition-for-corporate-profits> (accessed: 21.02.2021).

⁴¹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 152.

мирового капиталистического хозяйства, его главным двигателем, транснациональные корпорации играют преопределяющую роль и в надстроечных отношениях (политика, социальная сфера и т.д.).

В этом смысле термин «международная монополия», который использовался отечественными экономистами в советский период, представляется более предпочтительным, чем принятый сегодня в России и в мире термин «транснациональная корпорация» (transnational corporation) или тем более «многонациональная компания» (multinational entity). В первом случае делается акцент на отношениях капиталистической монополии как политэкономической сущности транснациональных сверхгигантов, во втором – на юридической форме данных хозяйственных комплексов. В связи с этим остается актуальным определение *международной монополии* (или *транснационального монополистического капитала*) советским и российским экономистом Г. Г. Чибриковым как *«формы капитала, участвующего в борьбе за экономический раздел мира путем монополизации факторов процесса производства и обращения за пределами национальных границ и осуществляющего регулирование мирохозяйственных отношений в интересах присвоения монопольно высокой прибыли»*⁴².

С одной стороны, в результате экспансии транснациональных корпораций взаимное переплетение национальных капиталов посредством использования банковских кредитов, наличия технико-производственных связей между отдельными звеньями ТНК, процессов слияний и поглощений локальных компаний, приобретения акций ТНК различными национальными капиталами и т.д. приводит к тому, что «возникает тесная взаимозависимость кругооборотов капитала многонациональных корпораций и связанных с ней фирм и предприятий», что «служит проявлением единства *движения, кругооборота* капитала этих компаний»⁴³.

⁴² Чибриков Г. Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 52.

⁴³ Астапович А.З. Международные корпорации США: тенденции и противоречия развития. – М.: Наука, 1978. С. 42.

С другой стороны, международные монополии были и остаются формой частнокапиталистического способа извлечения прибыли. В связи с этим рост экономической мощи международных монополий, как отмечал А. А. Пороховский, ведет к интенсификации противоречий мирохозяйственной системы: противоречие между глобальным обобществлением производства и его подчинением транснациональному монополистическому капиталу; противоречие между рыночной стихией мирового хозяйства и планомерной организацией деятельности внутри международных монополий; противоречие между растущей интернационализацией хозяйственной жизни и экономической обособленностью отдельных стран; противоречия между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства; противоречия между странами базирования и международными монополиями; противоречия между принимающими странами и международными монополиями; противоречия между самими международными монополиями и т.д.⁴⁴

В середине 1970-х годов советский экономист Э. П. Плетнев отметил, что «гигантский вырост многонациональных корпораций в организме капиталистического мирового хозяйства означает включение в систему империализма нового, неопределенного, ускользающего от контроля и опрокидывающего любое равновесие, мощного процесса капиталообразования, сообщающего всей системе крайнюю неустойчивость, ослабление ее звеньев в самых неожиданных местах»⁴⁵. Тем самым мощная экспансия транснациональных корпораций как формы монополистического капитала усиливает нестабильность протекающих в мировом капиталистическом хозяйстве процессов и неравномерность развития входящих в ее структуру частей, оказывая существенное влияние на направление и характер развития мирового хозяйства.

⁴⁴ Пороховский А. А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). – М.: Мысль, 1985. С. 20.

⁴⁵ Плетнев Э. П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. – М.: Международные отношения, 1974. С. 64.

В результате глобальный капитал в начале XXI века «восстанавливает в новом виде многие черты позднего капитализма начала XX века»⁴⁶. По мнению американского экономиста Дж. Фостера, капиталистическая мирохозяйственная система сегодня представляет собой «поздний империализм», который характеризуется господством глобального финансового монополистического капитала, основанного на глобализации производства и финансов⁴⁷. Такая характеристика современного позднего капитализма во многом перекликается с позицией профессора А. А. Пороховского, который в своем исследовании места и роли товарных отношений в системе государственно-монополистического капитализма середины 80-х гг. прошлого века показал политико-экономическую основу системы монополистического господства: со стороны производительных сил господство монополистического капитала опирается на высоко обобществлённое производство, а со стороны производственных отношений – на отношения финансового капитала, которые пронизывают все общественные отношения⁴⁸.

Таким образом, политэкономический анализ мирового хозяйства и позднего капитализма как глобальной системы социально-экономических отношений и институтов – это в конечном счете исследование процессов генезиса и развития монополистического капитала, который на протяжении уже полутора веков последовательно принимает и сбрасывает различные формы, объективно обусловленные прогрессирующим процессом самоотрицания своей сущности: от возникновения национальных промышленно-финансовых монополистических комплексов к господству транснационального монополистического капитала в форме высоко обобществлённых диверсифицированных международных монополий. Следовательно, и место национального народнохозяйственного

⁴⁶ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 22.

⁴⁷ Foster J. The New Imperialism of Globalized Monopoly-Finance Capital. Monthly Review, 2015. URL: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/the-new-imperialism-of-globalized-monopoly-finance-capital/> (accessed: 18.07.2020).

⁴⁸ Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). – М.: Мысль, 1985. С. 49.

комплекса в системе производственных отношений мирового капиталистического хозяйства во многом определяется той мерой, в какой национальный монополистический капитал оказывает влияние на международные экономические отношения.

1.2. Мировое хозяйство в контексте политэкономической теории монополистического капитала: исторический аспект⁴⁹

Мировое хозяйство отнюдь не является сообществом равноправных участников, конкурентная борьба между которыми, как это часто показывается в рамках экономического мейнстрима⁵⁰, приводит в конечном счете к всеобщему процветанию и равномерному развитию всех входящих в него национальных экономических систем. *Принципиальной чертой развития и источником противоречий мирового капиталистического хозяйства является его ассиметричная центр-периферийная структура.* Наиболее развитые экономики мира, выступая субъектами мирового хозяйства, оказывают решающее воздействие на характер и направление развития международных экономических отношений. Напротив, периферия оказывает лишь слабое обратное влияние на мировое хозяйство, подчиняясь в первую очередь потребностям развития капиталистических центров.

Политэкономическая теория рассматривает центр-периферийную структуру мирового хозяйства, а также вытекающие из этого отношения зависимости и

⁴⁹ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия Фридриха Энгельса // Вопросы политической экономии. – 2021. - № 1 (25). - С. 53-64; Сергеев Г.С. Кризис неолиберального миропорядка сквозь призму ленинской теории империализма // Свободная мысль. - 2020. - № 5 (1683). - С. 23-36; Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108.

⁵⁰ См., например, теорию «летающих гусей» Т. Озавы (Ozawa T. The Rise of Asia. The “Flying-Geese” Theory of Tandem Growth and Regional Agglomeration. – Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2009). В этой связи норвежский экономист Эрик Райнерт отмечает, что чрезмерная «математизация» неоклассической парадигмы требует предпосылок, изображающих рыночную экономику как некую утопию гармонии и равенства» (Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. С. 184).

неравного обмена между центрами и периферией мировой экономики как следствие развития процессов интернационализации производства на капиталистической основе⁵¹. Мировое хозяйство исторически возникло и сформировалось на базе рыночно-капиталистических отношений и институтов, которые на определенном этапе вышли за рамки государственных границ национальных хозяйств. Следовательно, мировому хозяйству как отдельной политико-экономической категории в полной мере присущи основные экономические законы и противоречия капиталистического способа производства, которые при этом опосредуются специфическими отношениями, выражающими те или иные аспекты развития мирового хозяйства.

Как указывал советский экономист В. Л. Тягуненко, с генезисом и становлением мирового капиталистического хозяйства любая национальная экономическая система начинает развиваться не только под влиянием внутренне присущих ей социально-экономических законов, но и как интегральная часть мирового хозяйства, подчиняясь в той или иной мере закономерностям международных экономических отношений⁵². Тем самым характер и направление социально-экономического развития национально-экономической системы во многом определяется ее местом в центр-периферийной структуре мирового капиталистического хозяйства.

Являясь динамично развивающейся системой социально-экономических отношений, капиталистическая мирохозяйственная система тем не менее характеризуется устойчивым доминированием небольшой группы стран, ядро которой за последние 150 лет практически не изменилось. В связи с этим анализ места и роли национального корпоративного капитала в мировом хозяйстве (в

⁵¹ Такой подход резко контрастирует с методологией господствующего ныне течения экономической мысли. Так, например, известно, что неоклассическая теория внешней торговли во многом опирается на теорию сравнительных преимуществ, разработанную Д. Рикардо в развитие теории абсолютных преимуществ А. Смита (см.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2009; Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. – М.: Политиздат, 1955). Несостоятельность этой теоретической конструкции с политэкономической точки зрения показана, например, А. В. Сорокиным (см.: Сорокин А.В. Несостоятельность «теории сравнительных преимуществ» (к разработке фундаментальной теории внешней торговли) // Вопросы политической экономии. – 2020. – № 4 (24). – С. 53-67).

⁵² Тягуненко В. Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. – М.: Наука, 1976. С. 133.

частности, корпоративного капитала России в начале XX и XXI веков) предполагает краткий обзор историко-логического развертывания современной мирохозяйственной системы в целях выявления общих и особенных характеристик на различных этапах ее эволюции.

В основу представленной ниже периодизации мирового хозяйства автором положены качественные изменения в структуре мирового хозяйства, а также особенности его функционирования по мере углубления транснационализации монополистического капитала.

Первый этап (1870 – 1913 гг.) характеризуется завершением формирования мирового хозяйства в форме мировой империалистической системы. Образование мирового хозяйства на рубеже XIX и XX веков органически связано с перерастанием классического промышленного капитализма в монополистический капитализм в наиболее развитых экономиках мира (США, Германии, Великобритании, Франции), что позволило последним занять доминирующие позиции в мировом капиталистическом хозяйстве⁵³.

Хроническое относительное перенакопление производительного капитала в развитых капиталистических странах приводит к возрастающей роли экспорта капитала, посредством которого крупнейшие частнокапиталистические группировки захватывают источники сырья и рынки сбыта, подчиняя своему контролю целые континенты⁵⁴. В результате экономического и территориального раздела мира в начале XX века несколько империалистических держав создали взаимосвязанные (в том числе посредством золотого стандарта, действие которого обеспечивало практически свободное перемещение капиталов между странами⁵⁵), но относительно закрытые группировки, включавшие промышленно развитые метрополии и их аграрно-сырьевые колонии. Мировое капиталистическое

⁵³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. – М.: Проспект, 2016. С. 652.

⁵⁴ «Африка, – пишет в связи с этим Ф. Энгельс в начале 1890-х гг., – прямо сдана в аренду компаниям» (Энгельс Ф. Биржа. Дополнения к третьему тому «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25 ч. II. – М.: Политиздат, 1962. С. 486).

⁵⁵ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 28.

хозяйство, по выражению Н. И. Бухарина, приняло следующий вид: «несколько сплоченных, организованных тел (“великие цивилизованные державы”) и периферия стран неразвитых, с полуаграрным или аграрным строем»⁵⁶.

При этом в сложившейся мирохозяйственной системе особое место заняли относительно независимые страны, в борьбе за влияние над которыми взаимно переплетались интересы крупнейших финансово-промышленных монополий империалистических держав. К этой группе стран, «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»⁵⁷, В. И. Ленин отнес Российскую империю, Австро-Венгрию, Японию, небольшие западно-европейские государства, а также страны Латинской Америки (в частности, Аргентину)⁵⁸.

Тем самым к началу прошлого века окончательно оформляется новый мировой порядок, основанный на глобальном геополитическом и экономическом господстве развитых империалистических держав, эксплуатирующих, хотя и в разной мере, ресурсы колоний, полуколоний и зависимых стран.

Английский экономист Дж. Гобсон в начале XX века отмечал, что империализм выражает интересы капиталистических классов, причем не только и столько промышленников и торговцев, сколько «финансирующих капиталистов»⁵⁹. Финансовый капитал становится ядром теоретической концепции империализма немецкого марксиста Р. Гильфердинга. Возникновение крупных монополистических предприятий и объединений приводит к тому, что «ранее отдельные сферы промышленного, торгового и банковского капитала поставлены теперь под руководство финансовой аристократии, которая объединяет в тесной персональной унии господ промышленников и банков»⁶⁰.

⁵⁶ Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. С. 53.

⁵⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1973. С. 383.

⁵⁸ Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. – М.: Политиздат, 1973. С. 700.

⁵⁹ Гобсон Дж. Империализм: Пер. с англ. / Предисл. В.Б. Беленко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 56.

⁶⁰ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. С. 351.

При этом Р. Гильфердинг отмечал, что в целях более эффективного осваивания «хозяйственных территорий» (полу)колоний и зависимых стран между монополистическими группировками империалистических держав возникает и получает развитие определенная «тенденция к солидаризации интернациональных капиталистических интересов»⁶¹. На основании вычленения этой центростремительной тенденции в развитии капитализма главный теоретик немецкой социал-демократии К. Каутский предложил теоретическое обоснование возможности формирования единого капиталистического организма в рамках системы мирового империализма.

Согласно теории ультраимпериализма К. Каутского, империализм является политикой капитала промышленно развитых стран по отношению к аграрным странам. В связи с этим, пишет Каутский, «нет никакой экономической необходимости в продолжении значительной конкуренции в производстве вооружений после окончания нынешней войны», а «с чисто экономической точки зрения вполне возможно, что капитализм вступает сейчас в новую фазу, которая ознаменовалась бы внедрением методов доверия в международную политику, своего рода суперимпериализм»⁶².

Однако еще Ф. Энгельс в своих поздних работах отмечал, что процесс картелирования промышленности на основе развития производительных сил и в частности средств сообщения (железные дороги, пароходы, электрический телеграф) вкупе с экономической политикой протекционизма не только приведет к «всеобщей промышленной войне», но и «носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса»⁶³. По Энгельсу, сокращение с каждым годом свободных для осваивания «национальными империализмами» территорий неизбежно должно привести к обострению противоречий между финансово-промышленными группировками Великобритании и ее «грозных соперниц»

⁶¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. С. 394.

⁶² Kautsky K. Ultra-Imperialism. Die Neue Zeit. September 1914. URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (accessed: 08.06.2018).

⁶³ Энгельс Ф. Биржа. Дополнения к третьему тому «Капитала». // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25 ч. II. – М.: Политиздат, 1962. С. 32.

(прежде всего Германии и США), подрывающих промышленную монополию Англии⁶⁴.

Идея перехода к ультраимпериализму встретила острую критику со стороны лидера левого крыла российских социал-демократов В. И. Ленина. Опираясь на работы Дж. Гобсона и Р. Гильфердинга, а также на основании анализа большого массива статистических данных, В. И. Ленин показывает, почему и каким образом в условиях развертывания монополистического капитализма взаимодействие между производительными силами и производственными отношениями трансформирует структуру мирового капиталистического хозяйства.

В своих работах В. И. Ленин доказывает, что в основе центр-периферийной структуры мирового хозяйства лежит диалектическое единство *центростремительного* процесса гигантского обобществления производства, в результате которого формируется единое мировое хозяйство, и *центробежного* процесса, углубляющего разрыв между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства вследствие господства капиталистических монополий в мировой экономике. С одной стороны, *«весь мир сливается в один организм»*, а с другой – *«весь мир разделен между горсткой великих держав»* (курсив и выделение мои – Г.С. Сергеев)⁶⁵. Эти две тенденции в развитии мирового хозяйства – центростремительная и центробежная – составляют, по Ленину, *«мировой закон капитализма»*⁶⁶.

При этом усиление неравномерности экономического развития отдельных стран в условиях перехода к монополистическому капитализму неизбежно обостряет межимпериалистические противоречия и делает невозможным мирный характер их разрешения, что в полной мере подтвердилось на втором этапе развития мирового хозяйства.

⁶⁴ Энгельс Ф. Предисловие к англ. изд. «Положения рабочего класса в Англии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Политиздат, 1962. С. 275.

⁶⁵ Ленин В. И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции. // В. И. Ленин. Полн. соб. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973. С. 282.

⁶⁶ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. // В. И. Ленин. Полн. соб. соч. Т. 24. – М.: Политиздат, 1973. С. 124.

Второй этап (1914 – конец 1940-х гг.) характеризуется глубоким кризисом мирового капиталистического хозяйства, который выразился в двух мировых войнах, распаде ряда крупнейших государств, мировом экономическом кризисе 1929-1933 гг., социально-политических революциях и, наконец, выходе Советской России из мировой капиталистической системы, что нарушило ее единство и всемирный характер.

Интенсифицированные развитием монополистического капитализма процессы переформатирования геоэкономического пространства привели к столкновению интересов и обострению противоречий между национальными монополистическими группировками империалистических держав и в конечном итоге к масштабной реконфигурации геополитического ландшафта: в результате мировых войн прекратили свое существование Австро-Венгрия, Османская империя, Германская империя и Российская империя.

На период между двумя мировыми войнами пришелся расцвет международных картелей, на долю которых в 1930-е гг. приходилось более 40% мировой торговли. Такие картели функционировали в основном в сфере патентов и лицензий или в области сбыта, что обуславливало короткий срок их существования⁶⁷. Тем не менее в этот период темпы роста мировой торговли относительно темпов роста мирового ВВП резко снизились, а доля экспорта в мировом ВВП упала до 5%⁶⁸.

К концу 1920-х годов сочетание неоклассического экономического либерализма в теории и монополистического капитализма на практике вызывает крах экономики во всех развитых странах и, прежде всего, в США, куда к этому времени уже переместился центр тяжести мировой экономики. Мировой экономический кризис и Великая депрессия 1929-1933 годов в сочетании с растущими вызовами со стороны альтернативной социально-экономической системы Советского Союза порождают кейнсианскую революцию в

⁶⁷ Овинников Р.С. Сверхмонополии – новое орудие империализма. – М.: Международные отношения, 1978. С. 11.

⁶⁸ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 29.

экономической теории и обуславливают необходимость прямого вмешательства в экономику со стороны капиталистического государства.

Третий этап (1940-е – 1970-е гг.) в развитии мирового хозяйства характеризуется образованием и развитием мировой социалистической системы, что означало отрыв значительной части экономической территории мира от мирового капиталистического хозяйства. Мировое хозяйство раскалывается на две относительно закрытые, хотя и взаимосвязанные подсистемы.

Существенное сокращение сферы влияния капиталистического мира влечет за собой интенсивное развитие интернационализации производства и капитала, в частности между самими центрами мирового капиталистического хозяйства, а также создание региональных интеграционных объединений (напр., европейский проект «Общий рынок», созданный шестью странами в 1958 г. и трансформировавшийся сегодня в Европейский союз) и наднациональных финансово-экономических институтов (МВФ, ГАТТ-ВТО, МБРР-ВБ).

Национально-освободительная борьба в бывших колониях и полуколониях (поддержанная капиталом США, Германии и Японии в их борьбе со старыми колониальными державами за свободный доступ на территорию их колониальных владений) приводит к крушению империалистической системы колониализма. Появление на мировой арене молодых, политически суверенных развивающихся стран предопределило переход к экономической политике неоколониализма, то есть к преимущественно экономическим формам контроля капитала центров мирового капиталистического хозяйства над периферией. При этом послевоенная экономическая экспансия бывших метрополий в развивающиеся страны «базировалась на уже сложившейся системе участия освободившихся стран в международном разделении труда»⁶⁹. Соответственно, в этот период складывается двухсекторная модель внешней торговли: между центрами и периферией – готовые товары в обмен на сырье, между центрами – взаимный обмен готовыми товарами⁷⁰.

⁶⁹ Современный империализм: тенденции и противоречия / ИМЭМО АН СССР; Под. ред. Е. М. Примакова, В. А. Мартынова. – М.: Мысль, 1988. С. 498.

⁷⁰ Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 30.

На данном этапе фокус политэкономических исследований закономерно смещается от изучения межимпериалистических противоречий к анализу сущности и форм взаимодействия между развитыми и развивающимися странами, в частности к выяснению методов эксплуатации периферии финансовым капиталом центров мирового капиталистического хозяйства и разработке способов преодоления финансово-экономической и производственно-технологической зависимости развивающихся стран.

В этот период формируются теоретические концепции школы мир-системного анализа, представители которого (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин и др.) «вышли из марксизма и сохранили, хотя и в разной мере, связь с исходным мировоззрением»⁷¹. Отличительной особенностью данного направления экономической мысли является тезис о том, что капитализм не может развиваться без накопления капитала за счет вовлечения в свою орбиту некапиталистических территорий и их последующей эксплуатации.

В частности, С. Амин видел механизм эксплуатации периферии в специфическом воздействии иностранного капитала на национальную социально-экономическую систему. В империалистических державах развертывание капиталистического способа производства на основе развития прежде всего внутреннего рынка («автоцентричный» тип накопления капитала, по Амину) приводит к вытеснению и, в конечном итоге, к разрушению добуржуазных укладов. В странах периферии капитализм, привнесенный извне, подчиняет и преобразует некапиталистические способы производства в соответствии с потребностями своего развития, но при этом не разрушает их, способствуя их дальнейшему воспроизводству в интересах иностранного капитала стран центра, тонкой прослойки компрадорской буржуазии и сращенной с ней высшей бюрократии эксплуатируемой периферии. Такой тип накопления капитала Амин обозначил как «экстравертный» или экспортно-ориентированный⁷².

⁷¹ Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. – 2013. – №1. – С. 51.

⁷² Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. – Hassocks, England: The Harvester Press, 1976. P. 22.

В послевоенный период в структуре мирового капиталистического хозяйства произошли определенные изменения: из группы развивающихся стран выделилась группа так называемых новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Гонконг), экономическое развитие которых было обусловлено ускоренным внедрением экспортно-ориентированных производств и открытием для них внутренних рынков наиболее развитых капиталистических стран, прежде всего США. По мнению С. Амина, данные экономические системы были созданы по инициативе и при экономической и военно-политической поддержке коллективного Запада с целью формирования привлекательной экономической модели для стран Третьего мира в ответ на развитие социализма в Китае и подъем национально-освободительных движений в странах Латинской Америки⁷³. Такой тип экономического развития, позволяющий периферийной стране переместиться в группу полупериферии капиталистической мир-системы, был обозначен И. Валлерстайном как «развитие по приглашению»⁷⁴.

В условиях жесткого регулирования рынка труда со стороны государства и возросшей конкуренции между монополистическими группировками США, Японии и Западной Европы в послевоенный период повышение цен как привычный способ повышения нормы прибыли капиталистических монополий не стимулировало экономический рост, что привело к стагфляции, усиленной энергетическим кризисом в начале 1970-х гг. Ответом большого бизнеса на кризис «регулируемого капитализма» стал демонтаж кейнсианства, отказ от концепции «государства всеобщего благоденствия» и ренессанс неолиберальных идей в виде монетаризма, который стал новой ортодоксией в экономической теории и практике⁷⁵.

Четвертый этап (1980-е гг. – 2008 г.) характеризуется прежде всего трансформацией структуры мирового хозяйства («новое международное

⁷³ Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. – Hassocks, England: The Harvester Press, 1976. P. 213.

⁷⁴ Wallerstein E. Dependence in an Independent World: the Limited Possibilities of Transformation within the Capitalist World Economy // African Studies Review. – 1974. – Vol.17. – №1. P. 1-26.

⁷⁵ Kotz D. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. – Harvard University Press, 2015. P. 9.

разделение труда») и восстановлением всемирного характера капиталистического хозяйства вследствие распада мировой социалистической системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

На протяжении нескольких десятилетий развертывания процессов неолиберальной глобализации развитие капиталистической мирохозяйственной системы характеризовалось бурной трансграничной экспансией крупнейших корпораций и колоссальной концентрацией капитала, о чем однозначно свидетельствуют данные ЮНКТАД (см. таблицу 1).

Таблица 1. Показатели концентрации и централизации капитала с 1990 по 2007 гг., \$ млрд

Показатель	1990	2007	2007 к 1990
Прямые иностранные инвестиции (ПИИ)	205	1 891	9,2
Трансграничные сделки по слиянию и поглощению	98	1 032	10,5
<i>% от ПИИ</i>	<i>47,9</i>	<i>54,5</i>	-
Стоимость зарубежных активов ТНК	6 202	74 504	12,4
Выручка зарубежных активов ТНК	7 136	26 394	3,8
<i>% от мирового ВВП</i>	<i>29,5%</i>	<i>55,5%</i>	-
<i>Справочно: мировой ВВП</i>	<i>23 522</i>	<i>47 571</i>	<i>2,0</i>

Источник: составлено автором на основании (World Investment Report 2020 / UNCTAD. P. 22⁷⁶).

За период с 1990 по 2007 гг. ежегодный экспорт капитала в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) вырос более чем в 9 раз. Совокупная стоимость зарубежных активов крупнейших транснациональных монополий за два десятилетия выросла более чем в 12 раз – с \$6,2 трлн в 1990 г. до \$74,5 трлн в 2007 г. В результате объем выручки зарубежных филиалов транснациональных гигантов резко увеличился с \$7,1 трлн до \$26,4 трлн, составив в 2007 г. более половины мирового ВВП. При этом в 2007 г. более половины ПИИ направлялось на трансграничные сделки по слиянию и поглощению, объем которых за период с

⁷⁶ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (accessed: 21.02.2021).

1990 по 2007 гг. вырос более в 10 раз, достигнув пика (более \$1 трлн) в предкризисный 2007-й год.

Уже в середине XX века наметилась тенденция переноса материало- и трудоемких, а также экологически грязных промышленных производств в страны с низким уровнем оплаты труда и «послушной» рабочей силой⁷⁷. В результате массового переноса промышленных производств в страны периферии (прежде всего в Китай) крупнейшие международные промышленно-финансовые комплексы, опирающиеся на совокупную экономическую мощь и военно-политическую силу центров мирового хозяйства сформировали систему глобальных производственных сетей, в рамках которой народнохозяйственные комплексы стран периферии обычно дезинтегрируются и низводятся на уровень поставщиков и субподрядчиков⁷⁸.

С крахом Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х годов стартовал процесс финансовой либерализации, который вкупе с прогрессом информационно-коммуникационных технологий привел к финансиализации, под которой понимается «возрастающее значение финансовых рынков, финансовых мотивов, финансовых институтов и финансовых элит в функционировании экономики и ее управляющих институтов как на национальном, так и на международном уровнях»⁷⁹.

Произошло определенное переформатирование центр-периферийной структуры мирового хозяйства, в результате которого, по выражению британского экономиста З. Коупа, страны центра стали «экономиками потребления», а страны капиталистической периферии – «экономиками производства»⁸⁰. Однако более точную, на наш взгляд, политэкономическую характеристику центр-периферийного устройства мирового капиталистического хозяйства начала XXI

⁷⁷ Астапович А.З. Транснациональный капитал США в мировом хозяйстве. – М.: Наука, 1990. С. 128.

⁷⁸ Amin S. Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. – New York: Monthly Review Press, 2016. P. 32.

⁷⁹ Epstein G. Introduction: Financialization and the World Economy. In Gerald Epstein, ed., Financialization and the World Economy. – Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2005. P. 3.

⁸⁰ Cope Z. Divided World Divided Class, Global Political Economy and the Stratification of Labour Under Capitalism. – Montreal: Kersplebedeb, 2012.

века дал Р. Т. Рязанов: «глобальные финансы и избыточное потребление – центр, производственный сектор и недостающее потребление – периферия»⁸¹.

Сформировавшаяся в результате процессов обобществления финансово-экономическая и технико-производственная взаимозависимость национальных экономик, взаимообусловленность существования центров и периферии мирового капиталистического хозяйства, наконец, органическая взаимосвязь между финансовым капиталом ведущих мировых держав – все это обусловило необходимость межимпериалистической кооперации или «коллективного империализма»⁸², которая приняла различное институциональное оформление: от неформальных встреч глобальной финансовой олигархии (например, в рамках Бильдербергского клуба) и всемирных экономических форумов в Давосе до официальных саммитов глав крупнейших государств.

Такая межимпериалистическая кооперация породила иллюзию, «будто капиталы окончательно теряют связь с национальными государствами»⁸³, а «глобальный империализм» начала XXI века, по мнению итальянского экономиста Э. Скрепанти, представляет собой «систему управления мировой экономикой без существенных межимпериалистических противоречий»⁸⁴. В частности, индийские экономисты П. Патнаик и У. Патнаик утверждают, что эксплуатация большинства населения земного шара осуществляется глобальным финансовым капиталом, «составными частями которого являются финансовые капиталы отдельных стран и который не принадлежит какой-либо конкретной стране»⁸⁵.

Тем самым, как справедливо заметил американский исследователь Д. Харви, на неолиберальном этапе развития мирового капиталистического хозяйства «многим показалось, что Ленин ошибался, а Каутский, возможно, был прав»⁸⁶. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., резко

⁸¹ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 72.

⁸² Amin S. The Law of Worldwide Value. – New York: Monthly Review Press, 2010. P. 29.

⁸³ Кагарлицкий Б.Ю. От империй - к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 615.

⁸⁴ Screpanti E. Global Imperialism and the Great Crisis. – Monthly Review Press, 2014. P. 51.

⁸⁵ Patnaik P., Patnaik U. A Theory of Imperialism. – New York: Columbia University Press, 2017. P. 5.

⁸⁶ Harvey D. The New Imperialism. – New York: Oxford University Press, 2003. P. 68.

прервавший форсированный процесс неолиберальной глобализации, развеял эти иллюзии.

Пятый этап (2009 г. – по настоящее время) характеризуется качественными изменениями в структуре мирового капиталистического хозяйства, получившими название «восстание периферии»⁸⁷, а также «Великой стагнацией», торгово-экономическими войнами и протекционизмом, что в конечном итоге приводит к снижению темпов роста мировой торговли, международного производства и иностранных инвестиций в посткризисный период.

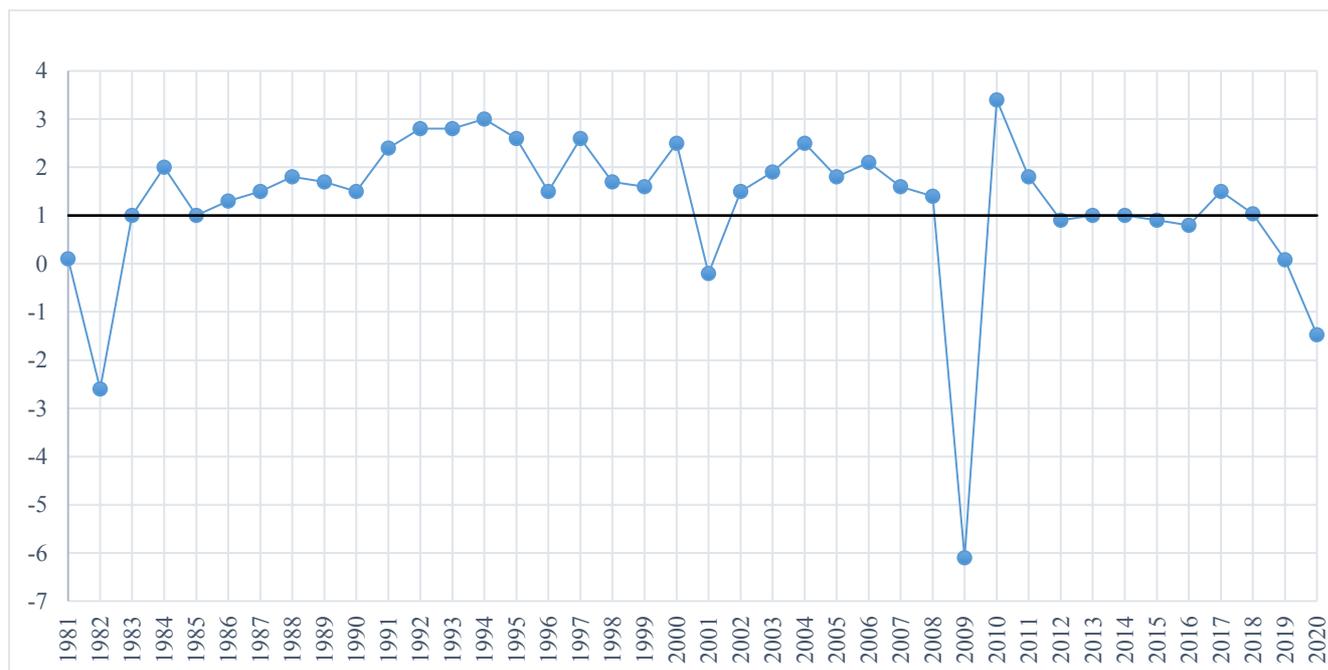
Оборотной стороной формирования переноса промышленных производств в страны с низким уровнем заработной платы и формирования системы глобальных производственных сетей стала, с одной стороны, существенная деиндустриализация наиболее развитых экономик, а с другой – ускоренная экспортно-ориентированная индустриализация ряда крупных периферийных стран (Китай, Индия, Бразилия и др.), в результате чего последние превратились в самостоятельный и все более мощный фактор международных экономических отношений и мировой политики. Крупные финансово-промышленные корпорации, базирующиеся в этих странах, претендуют на свою долю в глобальном капиталистическом пироге, тем самым существенно сокращая кормовую базу для транснациональных гигантов стран ядра.

На протяжении всего посткризисного периода интенсивность мировой торговли и инвестиций стабильно снижается⁸⁸. Так, например, ежегодные темпы прироста мировой торговли, которые с середины 1980-х годов и до 2008 г. опережали темп прироста мирового ВВП в среднем почти в 2 раза, на протяжении нескольких лет после мирового финансового-экономического кризиса остаются ниже темпов роста мирового ВВП (см. график 1).

⁸⁷ Бугалин А. В. Империализм в XXI веке: протоимперии и восстание периферии. // Экономическое возрождение России. – 2017. – №3. – С. 32.

⁸⁸ Комолов О.О. Кризис глобализации как отражение пределов капиталистического развития. // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 3. – С. 44.

График 1. Отношение прироста мировой торговли к приросту мирового ВВП, 1981-2020 гг.

Источник: составлено автором на основании данных (World Trade Statistical Review 2021 / WTO⁸⁹).

Посткризисная «новая нормальность» усугубляется резким ростом протекционизма и развязыванием торговых войн. В 2017 г. страны «большой двадцатки» установили в совокупности более 1200 нетарифных ограничений, что в 4 раза превышает показатель 2010 г.⁹⁰ О постоянном росте протекционизма в посткризисный период свидетельствуют и данные международной организации «Global Trade Alert»: за 11 лет с 2010 по 2021 количество протекционистских мер, принятых правительствами в отношении торговли, инвестиций и миграции, выросло более чем в 2,5 раза (см. график 2).

По словам Клауса Шваба, основателя Всемирного экономического форума в Давосе, «наиболее заметная форма прогрессивной деглобализации будет происходить в самом сердце его “ядерного реактора”: глобальной цепочке поставок, которая стала символом глобализации»⁹¹. Усиливающиеся тенденции к рещорингу и регионализации глобальных производственных сетей означают, по

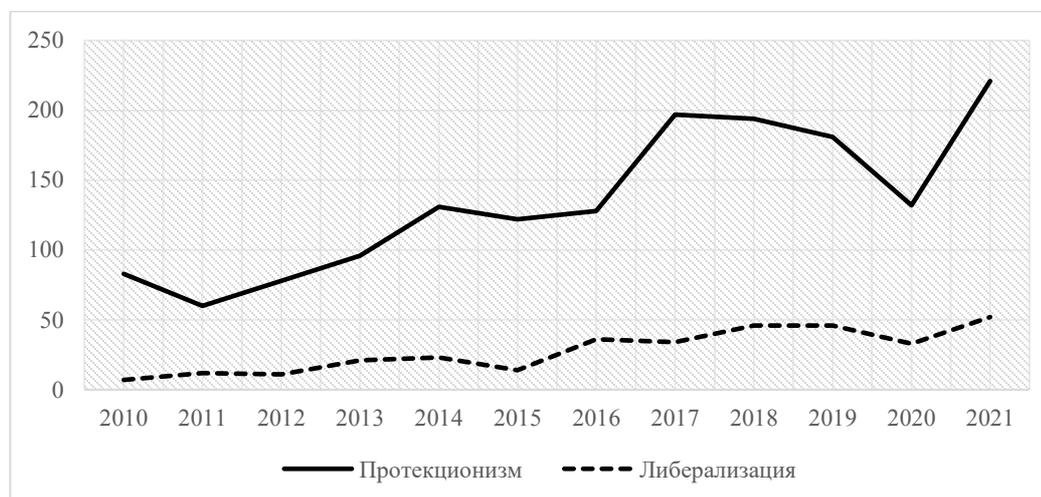
⁸⁹ URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts21_toc_e.htm (accessed: 20.02.2022).

⁹⁰ Carstens, A. Global Market Structures and the High Price of Protectionism. Overview panel remarks. // Bank of International Settlements. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp180825.pdf> (accessed: 29.04.2019).

⁹¹ Schwab K., Malleret T. COVID-19: Great Reset. – Forum Publishing, 2020. P. 82.

мнению экспертов ЮНКТАД, «драматическую трансформацию», которой подвергнется мировое хозяйство в течение предстоящего десятилетия⁹².

График 2. Количество ежегодно устанавливаемых правительствами мер в области внешней торговли, инвестиций и миграции, 2010-2021 гг.

Источник: составлено автором на основании данных Global Trade Alert⁹³.

Торгово-экономические войны между крупнейшими акторами мировой экономики и резкий рост протекционизма на фоне очевидной деградации всей системы международных финансово-экономических и политических институтов свидетельствуют о том, что мир вновь стоит на пороге экономико-политического передела. При этом беспрецедентная технико-производственная и финансово-экономическая взаимозависимость национальных экономик, достигнутая к началу XXI века по мере углубления международного разделения труда и интернационализации производительных сил на основе качественно иного уровня обобществления производства, является скорее дестабилизирующим фактором в условиях обострения глобальных противоречий⁹⁴.

⁹² UNCTAD. World Investment Report, 2020. P. 156. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (accessed: 21.02.2021).

⁹³ URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_0214 (accessed: 20.02.2022).

⁹⁴ Как справедливо заметил российский военный историк А. А. Кокошин, ни высокий уровень экономической взаимозависимости «великих империалистических держав», ни родственные связи между европейскими монархами, ни социально-культурная общность правящих классов не предотвратили развязывание Первой мировой войны (см.: Кокошин А. А. О прогнозах Энгельса относительно Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2019. – №12. – С. 15).

Таким образом, мировое хозяйство в первой четверти XXI века представляет собой сложный продукт циклического развития процесса интернационализации производства и капитала, в рамках которого переплетаются интересы крупных транснациональных корпораций, наднациональных структур, отдельных государств и целых регионов. При этом, как и сто лет назад, глобальное социально-экономическое пространство разделено на субъекты («центр») и объекты («периферия») в соответствии со своим местом в системе международного разделения труда, сформировавшимся под непосредственным давлением и в интересах транснационального монополистического капитала, который пронизывает иерархическую центр-периферийную структуру мирового капиталистического хозяйства и посредством которого мировое хозяйство сопрягается в единый, хотя и опутанный различными противоречиями, хозяйственный организм.

1.3. Сравнительный политико-экономический анализ национальных экономических систем⁹⁵

Место той или иной национальной экономической системы в мировом капиталистическом хозяйстве обычно определяется на основании ранжирования стран по общепринятым макроэкономическим показателям, например, по объему валового внутреннего продукта, с учетом стандартных показателей внешнеэкономической деятельности, характеризующих уровень вовлеченности в

⁹⁵ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131; Сергеев Г.С. Кризис неолиберального миропорядка сквозь призму ленинской теории империализма // Свободная мысль. - 2020. - № 5 (1683). - С. 23-36; Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия Фридриха Энгельса // Вопросы политической экономии. – 2021. - № 1 (25). - С. 53-64; Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70; Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102; Сергеев Г.С. Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии. – 2019. - № 4. - С. 50-63.

международные экономические отношения: внешняя торговля товарами и услугами, валютно-кредитные операции, трансграничное движение капитала и т. п.

Данная совокупность параметров сегодня легко фиксируются в отношении любой национальной экономической системы международной статистикой, хорошо изучена экономической наукой и относительно проста для понимания. Однако сами по себе данные показатели чрезвычайно спекулятивны и требуют дальнейшего анализа. Увлечшись анализом таких чисто количественных показателей и остановившись тем самым на первом эмпирическом уровне анализа, исследователь рискует «не увидеть за деревьями лес». Видимость логической простоты данных показателей оставляет место совершенно различным интерпретациям, что может привести к некорректным выводам.

В условиях всеохватывающей по глубине интернационализации производственных процессов мировое капиталистическое хозяйство не может рассматриваться как «простая совокупность национальных экономик, анализ которых возможен только в терминах валового национального продукта отдельных стран, а также торговли и обмена капиталами между ними»⁹⁶.

Как отмечает Р. Десаи, в начале прошлого века классические теории империализма (Р. Гильфердинг, В. И. Ленин, Н. И. Бухарин) оказались по сути первыми теориями международных производственных отношений, отражающими возрастающую конкуренцию между империалистическими акторами мирового хозяйства в начале XX века⁹⁷. Тем самым империалистическая мощь в то время определялась уровнем развития промышленного производства, степенью монополизации промышленного и банковского (финансового) капитала, как следствие, размером экспорта капитала и, наконец, участием в разделе геоэкономического и геополитического пространств.

В частности, в картине экономического и политического раздела мира, которую составил В. И. Ленин при анализе мировой империалистической системы

⁹⁶ Suwandi I, Jonna J. and Foster J. (2019). Global Commodity Chains and the New Imperialism. Monthly Review. URL: <https://monthlyreview.org/2019/03/01/global-commodity-chains-and-the-new-imperialism/> (accessed: 21.02.2021).

⁹⁷ Desai R. Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. – London: Pluto, 2013. P. 88.

начала XX века, действительно империалистическими накануне Первой мировой войны являлась «горстка» стран (Великобритания, Франция, Соединенные Штаты Америки и Германия), которая «развила монополии в необъятных размерах»⁹⁸ (см. таблицу 2).

Таблица 2. «Картина дележа мира (в связи с национальным развитием)»⁹⁹

Группа стран	Уровень финансовой и политической самостоятельности	Ведущие страны
Великие империалистические державы	Финансово и политически самостоятельные	Великобритания, Германия, США, Франция
Зависимые страны	Финансово несамостоятельные, но политически независимые	Российская империя, Австро-Венгрия, Япония, Италия
Полуколонии	Финансово несамостоятельные, политически отчасти несамостоятельные	Китай, Персия, Турция
Колонии	Финансово и политически зависимые	

Источник: Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин. В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. – М.: Политиздат, 1973. С. 700.

На этой основе автором предложены следующие критерии и параметры места и роли национального монополистического капитала в мировом капиталистическом хозяйстве начала прошлого века:

⁹⁸ Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – М.: Политиздат, 1973. С. 173.

⁹⁹ Отметим, что опыт «эшелонирования» стран в зависимости от уровня экономического развития был в дальнейшем развит в работах А. Гершенкрона (Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015), У. Ростоу (Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1962) и других. При этом, по оценке советского и российского специалиста по экономической истории В. И. Бовыкина, принцип группировки В. И. Ленина, «основывающийся на учете качественных отличий положения в мировой капиталистической системе стран, приобщавшихся к капитализму на разных этапах ее формирования, выдержал экзамен времени» (см.: Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 12).

1. Уровень развития промышленного производства. Количественные характеристики:

- a. Объем промышленного производства*
- b. Уровень индустриализации*
- c. Доля промышленных изделий в экспорте товаров*

2. Уровень монополизации промышленного и банковского (финансового) капитала. Количественные характеристики:

- a. Количество и доля промышленных и банковских монополий (картелей, синдикатов и т.д.) в национальной экономике*

3. Участие в экономическом разделе мира. Количественные характеристики:

- a. Размер экспорта капитала*
- b. Участие в международных картелях и синдикатах*

4. Участие в политическом разделе мира. Количественные характеристики:

- a. Наличие и количество колониальных владений и зависимых территорий*

Сегодня современное мировое капиталистическое хозяйство продолжает характеризоваться господством монополистического капитала, который при этом является «транснациональным монополистическим финансовым капиталом, сращенным с государством»¹⁰⁰. Транснациональная корпорация как наиболее типичная форма организации монополистического капитала выступает в процессе «освоения хозяйственных территорий» в качестве механизма перераспределения прибавочной стоимости, произведенной в странах периферии, в наиболее развитые экономики, что обеспечивает непрерывный процесс накопления капитала в центрах мирового капиталистического хозяйства.

При этом остается актуальным утверждение советских экономистов о том, что «истинные владельцы ТНК – это не аморфная масса держателей акционерного капитала, а вполне определенные весьма немногочисленные финансовые группы, концентрирующиеся вплоть до настоящего времени в странах базирования

¹⁰⁰ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 47.

ТНК»¹⁰¹. Юридическая «прописка» и национальный состав управляющих органов крупнейших транснациональных финансово-промышленных конгломератов четко указывают на национальный мундир сквозь видимость космополитизма неолиберальной формы глобализации.

В частности, в результате анализа 37 миллионов хозяйствующих субъектов, проведенного в 2011 г. группой ученых Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе, было выявлено «малое ядро» из 147 международных монополий, контролирующих 40% мировых активов и 90% активов банковского сектора¹⁰². Характерно, что $\frac{3}{4}$ компаний представляют собой финансовые конгломераты, абсолютное большинство которых прописаны в «старых» империалистических державах (США, Великобритания, Германия, Франция и Япония). По расчетам итальянского экономиста А. Борона, 96% из 200 крупнейших ТНК мира юридически зарегистрированы, имеют свои штаб-квартиры и проводят заседания советов директоров всего лишь в *восьми* странах ядра мировой капиталистической системы. При этом менее 2% членов совета директоров не являются гражданами данных государств¹⁰³. Тем самым сферой интересов глобального финансового капитала выступает весь мир, однако владельцы капитала, как и их собственность, имеют очевидную национальную основу.

Правила игры, институционально оформляющие процесс изъятия «империалистической ренты» (термин С. Амина¹⁰⁴), устанавливаются наднациональными финансово-экономическими структурами (прежде всего МВФ, Всемирный Банк, ВТО), требующими минимизации государственного вмешательства в функционирование национальных экономик. Как справедливо отмечает А. А. Пороховский, «ведущие международные экономические

¹⁰¹ Петров Н. Н. Интернационализация монополистического накопления и развивающиеся страны. – М.: Наука, 1986. С. 232.

¹⁰² Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. 2011. PLoS One. No. 6. P. 6. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0025995&type=printable> (accessed: 21.02.2021).

¹⁰³ Boron A. Empire and Imperialism. A Critical Reading of Michael Hardt and Antonio Negri. – London: Zed Books, 2005. P. 46.

¹⁰⁴ Amin S. The Law of Worldwide Value. – Monthly Review Press, 2020. P. 127.

организации, прежде всего МВФ и Всемирный Банк, находятся по существу под контролем США, что позволяет им благодаря своей доминирующей роли не допускать ни одного решения, противоречащего американским интересам»¹⁰⁵. Таким образом, декларируемое «раскрепощение» рыночных сил в условиях господства крупнейших монополистических финансово-промышленных конгломератов приводит только к усилению эксплуатации капиталистической периферии и перераспределению прибавочной стоимости в пользу монополистического капитала центров мирового хозяйства¹⁰⁶.

Как указывал С. Амин, наиболее развитые экономики мирового капиталистического хозяйства контролируют процесс накопления капитала на периферии посредством пяти видов монополий, что приводит в свою очередь к углублению поляризации мировой капиталистической системы: монополия на передовые технологии, монополия на международные финансовые потоки, монополия на доступ к природным ресурсам, монополия на систему средств информации, монополия на оружие массового поражения¹⁰⁷.

В связи с этим стандартные показатели внешнеэкономической деятельности являются скорее производными от уровня развития национального монополистического капитала, который выражается в способности международных монополий той или иной страны участвовать в экономическом разделе мира и регулировать мирохозяйственные связи. Тем самым место национального корпоративного капитала в мировом капиталистическом хозяйстве в начале XXI века определяется совокупной монополистической силой транснациональных корпораций страны базирования, причем как в количественном аспекте (совокупный размер международных монополий в

¹⁰⁵ Пороховский А. А. Глобализация, экономический цикл и будущее капитализма. // США и Канада: экономика, политика и культура. – 2012. – №3. – С. 6.

¹⁰⁶ По выражению С. Амина, «так называемые нерегулируемые рынки – это рынки, регулируемые властью монополий, находящихся за пределами рынка» (см.: Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Издательство «Европа», 2007. С. 18).

¹⁰⁷ Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар.: Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 237.

абсолютных и относительных показателей), так и в качественном отношении, включающем научно-технологический уровень национальной экономики.

Важным показателем является место и роль национального монополистического капитала в системе глобальных производственных сетей, которая является материальной производственной основой глобальной гегемонии центров мирового хозяйства. По оценкам ЮНКТАД, в 2013 г. на глобальные производственные сети приходилось около 80% мировой торговли, а две трети объема мировой торговли представляли собой передвижение промежуточной продукции различной степени передела¹⁰⁸ в рамках глобальной системы офшоринга, представляющего собой «закупки промежуточных товаров за рубежом, независимо от того, осуществляются ли данные закупки посредством так называемых “близких рыночных отношений” или в рамках внутрифирменной торговли транснациональных корпораций»¹⁰⁹. По расчетам Международной организации труда, в 2013 г. в сорока крупнейших экономиках мира более 450 миллионов человек были заняты непосредственно на предприятиях, работающих в рамках глобальных производственных сетей¹¹⁰.

Тем самым транснациональный монополистический капитал стягивает локальные экономические пространства в единый мирохозяйственный организм посредством сложных сетей взаимодействия между поставщиками и различных режимов управления в странах периферии: производство в зарубежных филиалах ТНК, международный аутсорсинг или коммерческие сделки на основе «близких рыночных отношений» (arm's length transactions).

В рамках глобальных цепочек добавленной стоимости высокодоходные производственные звенья (НИОКР, дизайн, маркетинг, брэндинг) сконцентрированы на территории центров мировой экономики, а само

¹⁰⁸ World Investment Report 2013 / UNCTAD. P. 122. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2013_en.pdf (accessed: 21.02.2021).

¹⁰⁹ Milberg W., Winkler D. Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 2.

¹¹⁰ World employment and social outlook 2015: The changing nature of jobs / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2015. P. 134. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_368626.pdf (accessed 18.07.2020).

производство расположено в странах периферии с низкой стоимостью рабочей силы¹¹¹. При этом львиную долю стоимости, произведенной в странах периферии, присваивает, прежде всего, интегратор производственной цепочки (транснациональная корпорация, которая организует и контролирует производственный процесс), а также многочисленные посредники и государственная бюрократия стран ядра в виде различных налогов и таможенных сборов (см. таблицу 3).

Таблица 3. Распределение дохода от продажи одной единицы товара

Товар	iPhone		Футболка		Чашка кофе	
ТНК (интегратор ГПС)	Apple		H&M		Nestle	
Страна базирования интегратора ГПС	США		Швеция		Швейцария	
Страна-производитель (сборщик)	Китай		Бангладеш		Руанда	
<i>Ед. изм.</i>	\$	%	€	%	£	%
Розничная цена единицы товара	500,0	100	4,9	100	3,0	100
Себестоимость единицы товара, в том числе:	179,0	35,8	1,4	27,3	0,3	10,0
<i>Стоимость импортного сырья / комплектующих</i>	172,5	34,5	0,4	8,1	0,15	5,0
<i>Доход страны-производителя (сборщика)</i>	6,5	1,3	0,9	19,2	0,15	5,0
Доход страны базирования интегратора ГПС	321,0	64,2	3,6	72,7	2,7	90,0

Источник: составлено автором на основании данных: Smith J. Imperialism in the Twenty-First Century: The Globalization of Production, Super-Exploitation, and Capitalism's Final Crisis. Monthly Review Press, 2016. P. 13-33).

Так, например, в 2013 г. только государственный бюджет США получил около \$810 млн в виде налогов и сборов от импорта текстильной продукции из Бангладеш. При этом фонд оплаты труда бангладешских рабочих, которые являются непосредственными производителями данной продукции, составил всего \$690 миллионов¹¹².

При этом перенос производственных звеньев в страны с низкой стоимостью рабочей силы позволяет международным монополиям существенно снизить издержки производства, что становится источником получения монопольных сверхприбылей. По оценкам американского экономиста Д. Клиленда, сборка одного iPad на территории Китая позволяет Apple экономить около \$1 тыс. (при

¹¹¹ Dzarasov R. The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World-System. – London: Pluto Press, 2014. P. 16.

¹¹² Smith J. Imperialism in the Twenty-First Century: The Globalization of Production, Super-Exploitation, and Capitalism's Final Crisis. – Monthly Review Press, 2016. P. 18.

розничной цене в \$499 за штуку) за счет заниженной оплаты труда рабочих и служащих, услуг домохозяйств и неформального сектора экономики, а также за счет экономии на экологических платежах¹¹³ (см. таблицу 4).

Таблица 4. Неоплаченная стоимость производства одной единицы iPad в Китае

#	Источник извлечения сверхприбыли	Дополнительные затраты при сборке в США, \$ за ед.
1	Заниженная зарплата рабочих	397
2	Заниженная зарплата профессиональных служащих и управленческого персонала	175
3	Заниженная оплата или неоплата труда в домохозяйствах	171
4	Заниженная оплата или неоплата услуг неформального сектора	144
5	Неоплата экологических платежей	190
	ИТОГО	1 077

Источник: Cleland, D. The Core of the Apple: Dark Values and Degree of Monopoly in Global Commodity Chains. *Journal of World-Systems Research*. 2014. 20(1). P. 103

Отличительной чертой «капитала-империалиста» начала XXI века является его способность контролировать мировую финансовую систему¹¹⁴. Как отмечает американский экономист Д. Котц, на неолиберальном этапе современного капитализма роль финансового сектора и финансовых институтов как в национальной, так и в мировой экономике существенно возросла, что проявилось в процессе финансиализации¹¹⁵.

При этом стремительное разрастание финансового сектора в форме финансиализации во многом обязано сверхприбылям от офшоризации производства, которые транснациональные промышленно-торговые гиганты стран центра предпочитали вкладывать в покупку финансовых активов, выплату

¹¹³ Cleland D. The Core of the Apple: Dark Values and Degree of Monopoly in Global Commodity Chains. *Journal of World-Systems Research*. – 2014. – №20(1). – P. 103.

¹¹⁴ Бугалин А. В., Колганов А. И. «Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния) // *Вопросы политической экономии*. – 2015. – №4. – С. 17.

¹¹⁵ Kotz D. *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. – Harvard University Press, 2015. P. 32-33.

сверхвысоких дивидендов и компенсаций высшему менеджменту, а не инвестировать в реальное производство¹¹⁶.

По величине активов в списке 500 крупнейших компаний мира Fortune Global 500 за 2019 год первые 56 мест принадлежали банковским, страховым и инвестиционным конгломератам, а активы крупнейших западных промышленных корпораций – американской AT&T и немецкой Volkswagen Group – были более чем в 8 раз меньше активов крупнейшего банка мира – китайского ICBC¹¹⁷.

Финансовые компании в совокупности являются крупнейшими акционерами промышленных корпораций, воплощая «на деле наиболее полное слияние ... банковского капитала с промышленным капиталом»¹¹⁸. Так, например, в результате исследования структуры собственности в 2012 г. было выявлено, что по состоянию на 2009 г. около 70% акций 299 крупнейших транснациональных корпораций принадлежали различным финансовым институтам¹¹⁹. Исследование швейцарских ученых 2011 года показало, что основная часть крупнейших корпораций мира контролируется «малым ядром» из 147 транснациональных монополий, в большинстве своем относящихся к финансовому сектору¹²⁰.

В связи с этим американский социолог Г. Криппнер (опираясь на концепцию циклов накопления капитала, предложенную Дж. Арриги), охарактеризовала финансиализацию как «модель накопления, при которой получение прибыли происходит все чаще через финансовые каналы, а не через торговлю и товарное производство»¹²¹. Действительно, доля финансовых доходов в структуре

¹¹⁶ Milberg W., Winkler D. Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 237.

¹¹⁷ Fortune Global 500. URL: <https://fortune.com/global500/> (accessed: 21.02.2020).

¹¹⁸ Сифакис-Капитанакис К. Новые акторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 88.

¹¹⁹ Peetz D., Murray G. The Financialization of Global Corporate Ownership. In: Financial Elites and Transnational Business: Who Rules the World? – Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 30.

¹²⁰ Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. PLoS One. 2011. No. 6. P. 6. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0025995&type=printable> (accessed: 21.02.2020).

¹²¹ Krippner G. R. The financialization of the American economy // Socio-Economic Review. – 2005. – Vol.3. P. 174.

совокупной прибыли американских корпораций резко выросла с 10% в начале 1950-х гг. до 45% в начале XXI века¹²².

Профессор В. Т. Рязанов выделял несколько признаков финансиализации мировой экономики: от разрыва связи с реальной экономикой и автономизации функционирования сферы финансов до формирования особого типа поведения инвесторов и потребителей («*homo finansus*»). Однако с точки зрения воздействия на центр-периферийное устройство мирового капиталистического хозяйства ключевым параметром финансиализации представляется финансовая либерализация, то есть «демонтаж сложившейся ранее системы государственного регулирования и контроля финансовой деятельности»¹²³.

Следует отметить, что финансиализация стартовала с крахом Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х годов, когда «отказавшись от выполнения своих международных обязательств по обмену долларов на золото, финансовые власти США навязали всему несоциалистическому миру использование своей валюты в качестве мировой»¹²⁴.

В начале прошлого столетия В. И. Ленин отмечал, что финансовый капитал «особенно подвижен и гибок, особенно переплетен, внутри страны и интернационально, — особенно безличен и оторван от непосредственного производства»¹²⁵. Прогресс производительных сил во второй половине XX века (прежде всего в сфере информационно-коммуникационных технологий) привел к тому, что финансовый капитал получил, выражаясь языком Гегеля, адекватную форму своего наличного бытия, став на деле обезличенным, виртуальным и глобальным.

Развитие науки идет не само по себе, а в конечном счете определяется экономическими (производственными) отношениями, сложившимися на данной

¹²² Там же. Р. 179.

¹²³ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 71-73.

¹²⁴ Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – СПб.: СПбГУП, 2011. С. 21

¹²⁵ Ленин. В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.27. – М.: Политиздат, 1973. С. 95.

ступени общественного развития¹²⁶. Следовательно, достигнутый уровень научно-технологического развития национального народнохозяйственного комплекса в определенной мере характеризует степень «империалистичности» того или иного актора в мировом капиталистическом хозяйстве.

Тенденция превращения науки в «непосредственную производительную силу» общества была отмечена Марксом еще в середине XIX века¹²⁷. Сегодня формирование четвертой промышленной революции и переход к шестому технологическому укладу свидетельствуют о том, что «человечество вступило в период качественных трансформаций в сфере технологий»¹²⁸. В связи с этим одним из ключевых условий обеспечения конкурентоспособности страны является внедрение новых прорывных технологий и опережающее инновационное развитие на базе высокотехнологичного производства, уровень развития которого определяет «состояние производительных сил, основные тенденции их динамики и инновационную составляющую экономического роста»¹²⁹.

Согласно методике, предложенной ЮНКТАД, место конкретной страны в мировом хозяйстве определяется уровнем технологической сложности экспорта, от вывоза природных ресурсов до экспорта знаниеёмких продукции и технологий¹³⁰. Технологическая сложность экспорта в свою очередь детерминируется общим уровнем развития производительных сил в стране, включая уровень развития человеческого потенциала как главной производительной силы.

Отметим несколько принципиально важных моментов в развитии высокотехнологичного производства, которые способствуют углублению противоречий между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства.

¹²⁶ Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 39. – М.: Политиздат, 1966. С. 174.

¹²⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46 ч. II. – М.: Политиздат, 1969. С. 215.

¹²⁸ Бодрунов С.Д. Государство и революция. // Экономическое возрождение России. – 2019. – №2. – С. 10.

¹²⁹ Варнавский В.Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 11. – № 2. – С. 103.

¹³⁰ World Investment Report 2013 / UNCTAD. P. 172. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2013_en.pdf (accessed: 30.12.2019).

Согласно данным ЮНКТАД, в 2015 г. более 70% оборота высокотехнологичных ТНК приходилось на зарубежные продажи, в то время как за рубежом они имели лишь 41% своих активов. Для сравнения: соответствующие показатели для «традиционных» ТНК составляли 65% и 64%, то есть доля зарубежных продаж примерно соответствовала доле активов за рубежом. Другими словами, достижения ИКТ-индустрии (использование «облачных» технологий, интернета и соответствующей конфигурации сетевого и серверного оборудования) позволяют высокотехнологичным ТНК осваивать зарубежные рынки «экстерриториально» путем отказа от инвестиций в производственные активы за рубежом и предоставления организации промышленной сборки необходимого оборудования национальному капиталу принимающих стран периферии. При этом, по оценкам экспертов ЮНКТАД, «доля нерепатриированной зарубежной прибыли у цифровых ТНК США, составившая в 2015 году 62% от совокупной зарубежной прибыли, почти втрое превышает соответствующую прибыль других американских ТНК»¹³¹.

Более того, абсолютное доминирование высокотехнологичных ТНК стран ядра мирохозяйственной системы позволяет последним монопольно извлекать «интеллектуальную ренту» путем эксплуатации творческого труда работников. Бурное развитие ИКТ неизбежно требует постоянно возрастающей численности высококвалифицированной рабочей силы, ориентированной на выполнение задач с творческой составляющей. Воспроизводство такой рабочей силы в массовом порядке возможно лишь в странах с высоким уровнем жизни (образования, науки, здравоохранения и т.п.), то есть преимущественно в странах ядра мирохозяйственной системы, которые помимо прочего еще и активно привлекают высококвалифицированные кадры из стран периферии, тем самым консервируя научно-технологическую отсталость последней.

Следует отметить, что экономико-политический передел мира в эпоху империализма прошлого века привел к двум мировым войнам, которые оказались

¹³¹ World Investment Report 2017 / UNCTAD. P. 31-32. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed: 06.08.2018).

закономерным разрешением межимпериалистических противоречий. Сегодня возможность ограниченного или полномасштабного применения ядерного оружия открыто включается в программные документы ведущих военных держав, что дает основания экспертам «Стокгольмского института исследования проблем мира» (SIPRI) говорить о «снижении порога применения ядерного оружия»¹³². Как отмечают американские исследователи Э. Мониц и С. Нунн, «там, где сталкиваются национальные интересы, страны все меньше используют диалог и дипломатию, а по мере того как контроль за вооружениями деградирует, на сцену выходят передовые ракетные системы, новые технологии и кибероружие»¹³³.

В связи с этим одним из признаков, позволяющих отнести страну к субъектам империалистического воздействия, является наличие в стране базирования мощного военно-промышленного комплекса, который выступает гарантом эффективной экспансии транснационального монополистического капитала и инструментом против «непослушных» объектов мирового хозяйства¹³⁴.

С учетом обозначенных выше характеристик автором разработана следующая система показателей для определения места национального монополистического капитала в центр-периферийной структуре капиталистической мирохозяйственной системы начала XXI века:

1. Участие национального монополистического капитала в экономическом разделе мира. Количественные характеристики:

- а. Количество, совокупная стоимость активов (включая зарубежные активы) и отраслевая специализация нефинансовых ТНК*
- б. Характер участия в глобальных производственных сетях*

¹³² Tytti Erästö And Tarja Cronberg. Opposing Trends: The Renewed Salience Of Nuclear Weapons And Nuclear Abolitionism. // SIPRI Insights on Peace and Security. September 2018. URL: <https://www.sipri.org/publications/2018/sipri-insights-peace-and-security/opposing-trends-renewed-salience-nuclear-weapons-and-nuclear-abolitionism> (accessed: 21.02.2020).

¹³³ Moniz E.J., Nunn S. Sleepwalking Toward the Nuclear Precipice: the World Needs a Wake-Up Call. // Foreign Affairs. December 15, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-12-15/sleepwalking-toward-nuclear-precipice> (accessed: 29.04.2019).

¹³⁴ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 160.

с. Стоимость накопленных прямых иностранных инвестициях за рубежом и их динамика

2. Участие национального монополистического капитала в контроле над глобальной финансовой системой. Количественные характеристики:

а. Количество, совокупная стоимость активов и зарубежные филиалы финансовых ТНК

б. Динамика оттока – притока капитала

3. Участие национального монополистического капитала в контроле над глобальным научно-технологическим развитием. Количественные характеристики:

а. Количество и стоимость активов высокотехнологичных ТНК

б. Расходы на НИОКР

с. Уровень технологической сложности экспорта

д. Доля в мировом экспорте высокотехнологичной продукции

4. Обладание мощным современным военно-промышленным комплексом.

Количественные характеристики:

а. Обладание ядерным оружием

б. Расходы на оборону

с. Доля в мировом экспорте вооружений

Суммируя выводы первой главы, следует отметить, что использование теоретико-методологического аппарата политэкономической теории и, в частности, теории монополистического капитала позволяет сделать вывод о том, что способность обеспечивать и поддерживать непрерывное накопление капитала в конкретной социально-экономической системе является ключевой характеристикой центра мирового хозяйства, позволяющего отличить его от стран периферии капиталистической мирохозяйственной системы. При этом такая способность обеспечивается генезисом, становлением и развитием национального монополистического капитала (сегодня в форме международных монополий или транснациональных корпораций), который участвует в экономическом разделе

мира и регулировании мирохозяйственных связей, перераспределяя потоки капитала в пользу центров мирового капиталистического хозяйства.

Глава 2. Специфика российского корпоративного капитала в мировом хозяйстве начала XX века

2.1. Российская империя в мировом хозяйстве в начале XX века¹³⁵

Пореформенный период существования Российской империи и, в особенности, его поздний этап характеризуется быстрыми темпами роста промышленного производства, монополизацией ключевых отраслей промышленности и банковского сектора и интеграцией экономики Российской империи в формирующееся мировое капиталистическое хозяйство.

С 1885 по 1913 гг. произошел определенный сдвиг в структуре производства чистого национального дохода в сторону индустриальной экономики: доля сельского хозяйства упала с 57% до 51%, а доля промышленности выросла с 23% до 32%¹³⁶. Численность промышленных рабочих, по разным оценкам, выросла до нескольких миллионов человек, но не превышала 5% населения страны. Для сравнения: доля промышленных рабочих в США – около 11%, в Германии – около 13%, в Великобритании – около 20%¹³⁷. Таким образом, Российская империя оставалась преимущественно аграрной страной, большинство населения которой было занято в сельском хозяйстве. «Перед Первой мировой, - пишет советский историк П. А. Хромов, – в нем было занято 2/3 населения страны»¹³⁸.

Американский исследователь П. Грегори отмечает высокие темпы экономических перемен в пореформенной России, сравнимые с соответствующими показателями наиболее развитых европейских стран. С 1860-х гг. до начала Первой

¹³⁵ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108; Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102.

¹³⁶ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 79.

¹³⁷ Колганов А.И. Путь к социализму: пройденный и непройденный. От октябрьской революции к тупику «перестройки». Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 17.

¹³⁸ Хромов П.А. Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. С. 207

мировой войны объем промышленного производства в Российской империи увеличился примерно в 12 раз, быстрее чем в Германии, Англии или Франции. В 1913 г. доля Российской империи в мировом промышленном производстве составила 5,5%¹³⁹. По этому показателю Россия занимала 5 место после США, Германии и Великобритании, вплотную приблизившись к Франции (см. таблицу 5). Однако, следует отметить, что отставание от мировых лидеров промышленного производства США и Германии продолжало увеличиваться. При этом по абсолютным показателям промышленного производства доля Российской империи не соответствовала (за исключением добычи нефти – 17,8% и производства сахара – 10,1%) доле российского населения в мире (10,2%)¹⁴⁰.

Таблица 5. Доли России, США, Великобритании, Германии и Франции в мировом промышленном производстве (в %)

Страна	1881-1885 гг.	1896-1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,5
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

Источник: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

В 1914 г. совокупный национальный доход России составил \$7 млрд, что вывело страну на 4 место в мире после США (\$37 млрд), Германии (\$12 млрд) и Англии (\$11 млрд)¹⁴¹. Однако по производству промышленной продукции на душу населения Российская империя «продолжала находиться на уровне Италии, Испании и Японии, уступая не только передовым индустриальным державам, но и ряду стран, вступивших на путь индустриализации во второй половине XIX века»¹⁴². По уровню индустриализации (подушевое производство обрабатывающей

¹³⁹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

¹⁴⁰ Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. – Петроград, 1922. С. 27.

¹⁴¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House, 1987. P. 243.

¹⁴² Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 34.

промышленности) Российская империя в 1913 г. все еще отставала от Великобритании образца 1830 года¹⁴³.

Промышленное развитие Российской империи было неразрывно связано с крупномасштабным железнодорожным строительством, развернувшимся во второй половине XIX века, особенно в 1890-х годах. «Железнодорожная горячка» в Российской империи оказалась мощным фактором развития отечественной промышленности, создавая спрос на товары тяжелой индустрии (прежде всего, металлургической и каменноугольной), расширяя внутренний рынок сбыта предметов потребления и содействуя увеличению экспорта российского хлеба. В результате Санкт-Петербург и Москва оказались связанными с важнейшими промышленными и аграрными районами страны, включая – с завершением строительства Транссибирской магистрали – Сибирь, что дало известный толчок к хозяйственному освоению данных территорий, распространяя капиталистические отношения «вширь». К началу Первой мировой войны по общей протяженности железных дорог (346,2 тыс. км) Российская империя выходит на второе место в мире после США (410,9 тыс. км). При этом несмотря на высокие темпы строительства железных дорог, Российская империя катастрофически отставала от империалистических держав по плотности железнодорожной сети: в 1913 г. в России было 0,36 км. на 100 тыс. км², в Англии – 12,0, в Германии – 11,8, во Франции – 9,5, США – 4,4¹⁴⁴.

К началу XX века накопленные инвестиции в железнодорожное строительство России составили 4,7 млрд руб., из которых 3,5 млрд руб. были государственными. Основным источником государственных вложений были прямые или косвенные (через систему «гарантированных правительством» частных займов) правительственные займы. За последнее десятилетие XIX века размер «железнодорожных займов» увеличился более чем в 2 раза, составив к началу XX

¹⁴³ Ханин Г. И. Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1917). // Альтернативы. – 2013. – № 4. – С. 108.

¹⁴⁴ Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. – Петроград., 1922. С. 33.

века 2,8 млрд. руб. или 45,2% от всего государственного долга¹⁴⁵. За период с 1881 по 1900 гг. выплаты по иностранным займам на железнодорожное строительство составили более 2,5 млрд руб., «что более чем в полтора раза превышало сумму иностранных капиталов, вложенных в железнодорожное строительство за тот же время»¹⁴⁶.

*В итоге к началу Первой мировой войны Российская империя являлась крупнейшим заемщиком в мире, на которого приходилось более 10% совокупного объема международных кредитов*¹⁴⁷. К концу Первой мировой войны общая сумма долга царской России равнялась 13,7 млрд руб., без военных займов – 7,1 млрд руб., или 35% от национального дохода в 1913¹⁴⁸. За период с 1885 по 1913 года ежегодные платежи по внешним государственным займам выросли почти в 2 раза, с 134 млн руб. до 240 млн руб.

В конце XIX века процессы концентрации и централизации капитала в российской экономике приводят к существенной монополизации промышленности. Как указывает П. И. Лященко, «к концу первого десятилетия XX века не было ни одной даже сравнительно мелкой промышленности или транспорта, в которой не имелось бы налицо синдицирования»¹⁴⁹. Количество торгово-промышленных картелей и синдикатов достигло нескольких сотен организаций (см. таблицу 6).

К началу XX века в российской банковской системе также отчетливо проявилась тенденция к концентрации и централизации¹⁵⁰. По состоянию на начало 1914 г., на долю семи крупнейших банков (с капиталом более 30 млн руб.) приходилось более половины (52,1%) основного капитала всей банковской отрасли

¹⁴⁵ Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 160.

¹⁴⁶ Бovyкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 34.

¹⁴⁷ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 41.

¹⁴⁸ Там же. С. 45.

¹⁴⁹ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М., Ленинград: Госиздат, 1927. с. 433.

¹⁵⁰ Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 41.

страны. Небольшие банки (с капиталом менее 10 млн руб.) сократили свою долю по сравнению с 1900 г. почти в 4 раза до 10,8%¹⁵¹.

Таблица 6. Крупнейшие синдикаты Российской империи до Первой мировой войны

Наименование	Отрасль	Доля в общем производстве продукции
«Продамет»	Металлургия	66%-75%
«Продуголь».	Добыча каменного угля	75%
«Продаруд»	Добыча железной руды	80%
«Продвагон»	Паровозостроение	95%
«Трубо-продажа»	Производство стальных труб	100%
«Медь»	Добыча и переработка меди	94%
«Русское товарищество торговли цементом»	Производство цемента	90%
«Треугольник»	Производство резины	100%
«Табачный синдикат»	Табачная отрасль	95%

Составлено автором. Источник: Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М., Ленинград: Госиздат, 1927.

При этом крупнейшие банки являлись совладельцами контрольных (или значительных по размеру) пакетов основных промышленных предприятий, включая вышеуказанные монополистические объединения. Интересы банкиров были тесно переплетены посредством личной унии с органами управления российских промышленных монополий, а также с царским министерством финансов. Во главе «первоклассных» столичных банков стояли бывшие чиновники министерства финансов, а в период промышленного кризиса начала XX века министерством финансов «в распоряжение банков были предоставлены, помимо 130 млн руб. железнодорожных средств, еще 83 млн руб. железнодорожных ценностей»¹⁵². Таким образом, по словам В. И. Ленина, «слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»¹⁵³.

¹⁵¹ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М., Ленинград: Госиздат, 1927.

¹⁵² Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 44.

¹⁵³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1973. С. 350.

Оставаясь преимущественно аграрной страной, Российская империя занимала ведущие позиции в мировом сельскохозяйственном производстве. В 1913 г. по сбору пяти главных хлебов (пшеница, рожь, овес, ячмень и кукуруза) Россия заняла второе место в мире после США, которые удерживали лидерство за счет колоссального преимущества в производстве кукурузы. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось 24,8% мировых сборов пшеницы (второе место в мире после США), 47,5% – ржи (первое место в мире), 35,4% – ячменя (второе место после Германии) и 23,6% – овса (первое место в мире)¹⁵⁴.

Однако Россия значительно уступала большинству стран по урожайности хлебов, занимая одно из последних мест в мире. В 1913 г. урожайность пшеницы в России составила 55 пудов с десятины, тогда как в США – 68, Австро-Венгрии – более 80, во Франции – 89, в Германии – 157, а в Бельгии – 168. Низкая урожайность была связана с недостаточным уровнем механизации сельского хозяйства, а также с явно недостаточным внесением минеральных удобрений.

Так, в начале XX века применение современных сельскохозяйственных машин в наиболее механизированных хозяйствах США позволило сократить время производства одного бушеля (около 27 кг) зерна до 10 минут человеческого труда¹⁵⁵. В дореволюционной России производство четверика пшеницы (чуть больше 26 кг) требовало в 10 раз больше времени¹⁵⁶, так как практически все сельскохозяйственные работы производились вручную или при помощи животных.

В результате столыпинских реформ в русской деревне появился слой, хотя и довольно узкий, зажиточных крестьян, у которых были средства на покупку сельскохозяйственных машин. Как следствие, с 1901 г. по 1913 г. наличный парк сельхозмашин в пересчете на единицу посевной площади увеличился в три раза¹⁵⁷. Однако такие технические новшества, как трактора с двигателем внутреннего

¹⁵⁴ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

¹⁵⁵ Лан В.И. США: От испано-американской до Первой мировой войны. – М.: Наука, 1979. С. 9.

¹⁵⁶ Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 6.

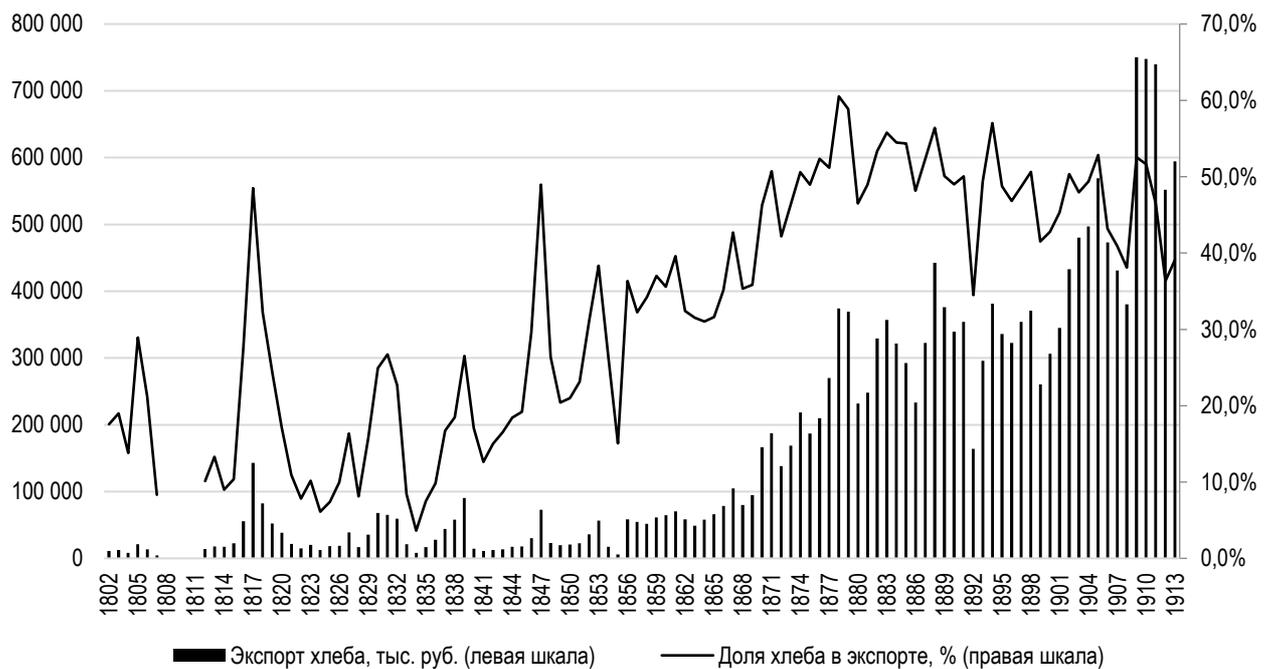
¹⁵⁷ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

сгорания и электрические плуги, активно внедрявшиеся в США и Германии, в дореволюционной России практически не применялись.

По количеству внесенных удобрений на единицу посевной площади царская Россия в десятки раз отставала от наиболее развитых держав: количество внесенных искусственных удобрений в 1910 г. составило в Российской империи менее половины пуда на десятину, в США – 5,2 пудов, в Германии – 8,8 пудов, в Бельгии – 21,4 пуда¹⁵⁸.

С началом промышленного подъема небывалыми темпами начал расти экспорт хлеба, увеличившись к началу Первой мировой войны более чем на порядок: с 65 млрд руб. в 1861 г. до рекордных 750 млрд руб. в 1909 г. (см. график 3).

График 3. Динамика экспорта хлеба, 1802-1913 гг.

Источник: составлено автором на основании данных: Валетов Т.Я. Структура экспорта Российской империи по ежегодникам внешней торговли 1802—1915 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61)¹⁵⁹.

Примечание: данные за 1808-1811 гг. отсутствуют.

¹⁵⁸ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

¹⁵⁹ URL: <https://history.jes.su/s207987840001954-8-1/> (дата обращения: 18.07.2019).

При этом хлеб вывозился преимущественно в зерне, а не в муке. Доля муки, то есть продукции с более высокой добавленной стоимостью, в экспорте хлебов редко превышала 10%, а в последней четверти XIX – начале XX века сократилась до 5%¹⁶⁰. Накануне Первой мировой войны доля муки в экспорте пшеницы упала и вовсе до 2,1%. Для сравнения: доля муки в зерновом экспорте США и Германии составляла 81,2% и 58,1% соответственно¹⁶¹.

Существенным недостатком российской хлебной торговли являлось отсутствие классификации зерна, что открывало «безграничные возможности к злоупотреблениям и подлогам»¹⁶². По результатам официальных проверок было выявлено, что более ½ экспортируемой пшеницы загрязнено до 22%, более ¾ ржи – до 82%, ячменя – до 33%¹⁶³. В результате, несмотря на достаточно высокое процентное содержание клейковины в российском зерне, высокая загрязненность (сорность) была основной причиной заниженных цен на российское зерно на мировом рынке, а также трудностей со сбытом российского зерна на внешних рынках. В результате, как писали современники, за Российской империей закрепилась «дурная слава поставщика наиболее засоренного зерна»¹⁶⁴.

Попытки экспорта промышленной продукции из Российской империи не увенчались успехом вследствие конкуренции со стороны английского и западноевропейского капитала. Созданные для продвижения сбыта российских промышленных товаров «Московская компания судоходства и торговли» и «Компания для заграничной торговли русскими произведениями» существовали только на бумаге.

Предпринимались определенные попытки объединения национальных капиталов. Так, например, в 1909 г. было организовано Российское экспортное

¹⁶⁰ Валетов Т.Я. Структура экспорта Российской империи по ежегодникам внешней торговли 1802—1915 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2017. – Т. 8. – Выпуск 7 (61). URL: <https://history.jes.su/s207987840001954-8-1/> (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁶¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. 2011. – СПб: Дмитрий Буланин. С. 247.

¹⁶² Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 70.

¹⁶³ Там же. С. 71.

¹⁶⁴ Кулыжный А.Е. Может ли русский земледелец выгодно продавать свой хлеб? Устройство хлеботорговли и товарищеский сбыт хлеба в России. – М.: И. Горбунов-Посадов, 1913. С. 13.

товарищество, которое объединило крупнейших текстильных фабрикантов: Рябушинских, Коновалова, Коншина, Кнопа и др. Однако в целом, как указывает американский историк С. Р. Томпстон, объем операций данной компании оставался незначительным в масштабах российских внешнеторговых операций¹⁶⁵.

Некоторых успехов российский капитал добился в сбыте промышленных товаров в странах по азиатской границе Российской империи, главным образом, в Персии и в Китае. В частности, Россия была главным внешнеторговым партнером Персии: на Россию приходилось 62% персидского внешнеторгового оборота. Основными экспортными товарами здесь были сахар, керосин и другие промышленные товары.

За период с 1898 по 1913 годы Российская империя вывезла товаров на сумму около 17,5 млрд руб.¹⁶⁶ При этом доля сырьевого (продовольственного – около 60% и непродовольственного – около 35%) экспорта на всем протяжении пореформенного периода составляла более 90% от совокупной стоимости вывезенных из страны товаров.

Таким образом, в пореформенный период Российская империя прочно закрепила в системе международного разделения труда как поставщик продовольственных товаров («жизненных припасов»: зерна, сахара, яиц, масла сливочного и пр.) и сельскохозяйственного сырья (лен, пенька). При этом доля России в мировом товарообороте на всем протяжении пореформенного периода не превышала 4%, что резко контрастировало с размерами и населением Российской империи. Для сравнения доля в мировом товарообороте США, население которых было в два раза меньше российского, в 1913 г. составила 9,6%¹⁶⁷.

Основным направлением в экспансии российского капитала было азиатское (см. таблицу 7). Из всей суммы капитала, вывезенного Российской империей, 547 млн руб. были потрачены на строительство китайско-восточной железной дороги в

¹⁶⁵ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 304.

¹⁶⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995.

¹⁶⁷ Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. – Петроград, 1922. С. 29.

Маньчжурии, финансирование которого осуществлялось Русско-Китайским банком (в 1910 г. – преобразован путем слияния с Северным банком в Русско-Азиатский банк).

Таблица 7. Экспорт капитала из Российской империи за 1870-1913 гг., млн руб.

Страна	Сумма
Китай, вкл. Маньчжурию	~750
Персия	~100
Турция	103,7
Монголия	~20-50
Болгария	40,9
Греция	7,3
ИТОГО	~1020 – 1050

Источник: составлено автором на основании данных в (Хромов П.А. Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982).

Вторым направлением российского экспорта капитала стало балканское направление (Болгария, Греция, Черногория), которое рассматривалось правящими кругами Российской империи в качестве опорного пункта влияния в регионе в контексте геополитического противостояния с Австро-Венгрией и Османской империей. В связи с этим российский капитал вывозился преимущественно в форме ссудного капитала и представлял собой государственные займы, предоставленные царским правительством при посредничестве российских банков.

В целом, экспорт капитала из Российской империи за весь период с конца XIX века по 1914 г. составил около 1 млрд руб.¹⁶⁸ Это в десятки раз меньше суммы капиталов, размещенных за границей европейскими империалистическими державами перед Первой мировой войной (см. таблицу 8).

В этой связи сложно говорить об участии российского капитала в экономическом разделе мира. Напротив, Российская империя сама выступала в качестве «хозяйственной территории», которую активно осваивали международные картели и тресты. Так, например, добыча и переработка нефти, а

¹⁶⁸ Хромов П.А. Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. С. 180.

также электротехническая промышленность практически полностью контролировались «международными союзами капиталистов».

Таблица 8. Капитал, размещенный за границей к началу 1914 г., млрд руб.

Страна	Сумма
Англия	27,8-37,0
Франция	22,2
Германия	16,3
Россия	1,0

Источник: составлено автором на основании данных (Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1973); (Хромов П.А. Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982). Перевод франков в рубли по обменному курсу в 1913 г. 0,37 руб. за один франк Франции.

Экспорт капитала из царской России был на порядок меньше экспорта товаров, то есть ни о какой преобладающей роли экспорта капитала над экспортом товаров речи не шло. Еще раз отметим, что «экспорт капитала из данной страны предполагает перепроизводство капитала в этой стране, его перенакопление»¹⁶⁹. Россия, напротив, развивала капитализм во многом с опорой и при непосредственном импорте финансового капитала наиболее развитых стран, который, по выражению Е. Л. Грановского, стал «главной движущей силой промышленного подъема»¹⁷⁰.

Наряду с промышленно развитыми европейскими державами, Российская империя принимала некоторое участие в политическом разделе мира. Так, в конце XIX века Россия присоединила Туркестан и фактически ввела протекторат над Маньчжурией.

Целями аннексии Туркестана были, во-первых, «запрудить русскими изделиями Среднюю Азию, благо здесь конкурентов не бог знает сколько»¹⁷¹, и, во-

¹⁶⁹ Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм. // Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. С. 66.

¹⁷⁰ Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л.: Прибой, 1929. С.14-15.

¹⁷¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Корпоративный рабочий, 1922. С. 434.

вторых, обеспечить текстильную промышленность Центральной России стратегическим сырьем – необработанным хлопком-сырцом. В связи с этим после российского завоевания в Туркестане развернулось масштабное железнодорожное строительство, в результате чего накануне Первой мировой войны общая длина среднеазиатской железной дороги составила более 5 тыс. км¹⁷².

По мнению Дж. Гобсона, специфическая особенность колониальной политики Российской империи заключалась в том, что империалистическая экспансия России распространялась на близлежащие страны в азиатском направлении, которые затем включались в состав империи, превращаясь по сути во внутренние колонии¹⁷³. С. Амин, напротив, считал, что экспансия Российской империи на Восток – в силу в целом некапиталистического характера российской социально-экономической системы – принципиально отличалась от колониальных захватов, например, Британской империи, в результате которых были практически уничтожены целые народы Северной Америки и Австралии¹⁷⁴.

Отметим, что территориальная экспансия царской России привела к столкновению с интересами ведущих империалистических держав. Захват Туркестана привел к скрытому столкновению с Англией, а продвижение на Дальнем Востоке привело к открытому конфликту и последующему поражению в войне с Японией при поддержке той же Британской империи. Попытка же полномасштабного участия в политическом переделе мира путем вступления в Первую мировую войну обернулась для Российской империи крахом.

¹⁷² Фурсов К. А. Имперская экономическая политика в русском Туркестане и британской Индии: сходства и различия. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2010. – №6. – С. 33.

¹⁷³ Гобсон Дж. Империализм: Пер. с англ. / Предисл. В.Б. Беленко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 33.

¹⁷⁴ Amin S. Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. – New York: Monthly Review Press, 2016. P. 26-27.

2.2. Роль иностранного капитала в экономике Российской империи¹⁷⁵

Как указывает советский исследователь С. Л. Ронин, «вся экономическая политика царского правительства, особенно начиная с 90-х годов, проходила под знаком привлечения иностранного капитала в Россию»¹⁷⁶. Министры финансов царского правительства (как С. Ю. Витте, так и сменивший его В. Н. Коковцев) считали «иностраннные капиталы абсолютно необходимыми в деле промышленного развития страны. Они рассматривались как та сила, которая в условиях таможенного покровительства дополнит и активизирует национальный промышленный капитал»¹⁷⁷.

К 1913 г. доля иностранного капитала в российских акционерных обществах достигала, по разным оценкам, от 30 до 40% совокупного акционерного капитала, составив примерно 2,2 млрд руб. Основным объектом иностранных капиталовложений была тяжелая промышленность, где доля иностранцев была особенно велика: горнорудная – 90%, металлургическая и металлообрабатывающая – 42%, химическая – 50% и т.д.¹⁷⁸

Французский (и отчасти его «младший брат» – бельгийский) капитал практически монополюно контролировал металлургическую и каменноугольную промышленность на юге России. Контроль осуществлялся через участие в акционерном капитале, а также посредством личной унии через членство в руководящих органах соответствующих компаний и крупнейших синдикатов «Продуголь» и «Продамет» (правление последнего вообще располагалось в Париже). Существенное влияние французский капитал оказывал и на производство

¹⁷⁵ При написании данного раздела были использованы материалы из ранее опубликованной работы автора: Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108.

¹⁷⁶ Ронин С.Л. Иностраннный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России; Предисл. Л. Крицмана. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 91.

¹⁷⁷ Шепелев Л.Е. Проблема промышленного развития России в финансовой политике царизма начала XX века. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX - начале XX в.: К пробл. ист. предпосылок Великой Окт. соц. Революции. – Л.: Наука, 1987. С. 177.

¹⁷⁸ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М., Ленинград: Госиздат, 1927. С. 453.

платины, а также на судостроение (включая постройку военных судов) и паровозостроение.

Английский капитал контролировал более половины производства меди в стране, четверть всей добычи золота, сто процентов добычи изумрудов и производства ниток.

Самые высокотехнологичные на тот период времени отрасли промышленности (электротехническая, электромеханическая и химическая) управлялись германским капиталом, под финансовым и производственно-техническим контролем которого находилась также значительная часть предприятий машиностроения, включая предприятия, производившие продукцию военного назначения.

Нефтяная промышленность почти полностью находилась под совместным контролем шведского, английского, голландского и германского капиталов.

По оценке П. Грегори, за период с 1885 по 1913 гг. иностранный финансовый капитал обеспечил около половины всего прироста внутренних инвестиций¹⁷⁹.

К началу XX века в банковском деле также проявилась тенденция к укреплению связи «русских банков с иностранными на основе совместной деятельности по финансированию русской промышленности»¹⁸⁰. Вообще важнейшей особенностью российской финансовой системы, по мнению советского историка И. Ф. Гиндина, было «широкое проникновение иностранных банковских монополий в главные русские банки»¹⁸¹. Такого глубокого и всеохватного проникновения иностранного капитала на национальный рынок банковских услуг не было не только в передовых индустриальных державах (США, Германия, Англия и Франция), но и в империалистических хищниках второго эшелона (Австро-Венгрии, Италии и Японии).

¹⁷⁹ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 80.

¹⁸⁰ Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 40.

¹⁸¹ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М. 1948. С. 373.

По расчетам С. Л. Ронина, «из основного акционерного капитала 18 главных банков к 1914 г. в сумме 435,5 млн руб., 185,5 млн руб., т.е. 42,6%, принадлежало иностранному капиталу»¹⁸². Достаточно вспомнить о «большой пятерке» петербургских банков, общая доля которых в совокупном балансе российских акционерных коммерческих банков к 1914 г. составляла около 50%. Все они в той или иной мере контролировались иностранным капиталом, в основном, французским или германским (см. таблицу 9).

Таблица 9. Крупнейшие банки Российской империи на начало 1914 г.

Наименование	Сумма балансов к 1914 г., млн руб.	Доля иностранного капитала в основном капитале, %	Страна
Русско-Азиатский	834,9	79,0	Франция
Русский для внешней торговли	628,4	40,0	Германия
Петербургский Международный	617,5	40,0	Германия
Азовско-Донской	543,5	36,7	Франция
Русский Торгово-промышленный	496,2	42,8	Англия

Источник: составлено автором на основании данных в (Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М. 1948)

Растущая интеграция российской экономики в мировое капиталистическое хозяйство потребовала использования в международных расчетах золотого рубля, введенного в ходе денежной реформы 1897 года. Золотой стандарт, представлявший собой по сути определенный аналог современной Ямайской системы плавающих валютных курсов, фактически обеспечивал беспрепятственное трансграничное движение капитала с минимальными транзакционными издержками. Как отмечал американский исследователь А. Каган, введение золотого рубля в Российской империи было обусловлено, по большому счету, двумя соображениями: 1) способствовать развитию внешней торговли, обеспечивая большую уверенность и сохранность средств иностранных

¹⁸² Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 81.

инвесторов; 2) упростить правительственные операции по обслуживанию иностранных займов¹⁸³.

В условиях действия золотого стандарта необходимость оплаты импорта машин и оборудования, а также вывода сверхприбылей, полученных иностранным капиталом на российском рынке, требовала постоянного оттока золота за рубеж. Уже к концу XIX века отток золота из страны превысил размер иностранных займов и инвестиций, что сделало Российскую империю нетто-экспортером капитала. За последующие 15 лет с 1898 по 1913 гг. в виде процентов и дивидендов из страны было вывезено более 5 млрд золотых рублей, что примерно на четверть превысило общий размер иностранных инвестиций и займов за тот же период. Единственным источником покрытия дефицита платежного баланса оказалось поддержание активного сальдо торгового баланса, в основном за счет усиленного вывоза хлеба, экспорт которого за разные года пореформенного периода составлял от 35 до 60 процентов российского экспорта.

При этом следует отметить, что сверхприбыльные внешнеторговые операции по экспорту хлеба и других сельскохозяйственных продуктов осуществлялись также через иностранные компании, «ведущие свое происхождение из стран – потребителей русского экспорта»¹⁸⁴. Так, например, ведущие места по объему хлеботорговых операций занимали французская «Луи Дрейфус и К^о» и немецкая «М. Нейфельд и К^о», которые суммарно экспортировали ежегодно около 100 млн пудов зерна, что составляло порядка 15% всего российского экспорта зерна¹⁸⁵.

Само финансирование российского экспорта осуществлялось во многом иностранным капиталом посредством открытия филиалов западных контор и обществ, приобретения контроля над морскими портами, предоставления кредитов крупным поставщикам, скупки продукции у мелких сельхозпроизводителей, строительства элеваторов и покупки дорогостоящих машин и оборудования (в

¹⁸³ Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. – Chicago; London: University of Chicago press, 1989. P. 51.

¹⁸⁴ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 276.

¹⁸⁵ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб: Дмитрий Буланин, 2011. С. 238-239.

особенности, холодильного оборудования и рефрижераторного транспорта, что объясняет резкий рост объемов и доли экспорта таких скоропортящихся товаров как сливочное масло и яйцо на рубеже XIX-XX веков).

Экспортные операции частично контролировались российскими банками, за которыми стоял в том числе и национальный торговый (купеческий) капитал (например, группа купца Н. Д. Стахеева). Однако, как отмечает Т. М. Китанина, у российского капитала практически отсутствовали экономические стимулы к внедрению прогрессивных изменений во внешнеторговые операции в силу огромных прибылей, получаемых от торгово-ростовщической эксплуатации крестьянства¹⁸⁶.

Еще одной формой зависимости российского хлебного экспорта от иностранного капитала была необходимость использования и, соответственно, оплаты фрахта за транспортировку грузов иностранными судами. Так, в 1911 г. только 5% экспортных грузов перевезли суда под российским флагом¹⁸⁷. При этом инвестиции в инфраструктуру морских портов были явно недостаточными, что препятствовало использованию крупных и более экономичных кораблей. По расчетам американского исследователя С. Р. Томпсона, расходы только на погрузку товаров в российских портах равнялись всем транспортным расходам на перевозку товаров в странах Западной Европы¹⁸⁸.

Указывая на основные причины проникновения иностранного капитала в Россию, М. И. Туган-Барановский отмечал, что промышленные монополии под контролем иностранного капитала получали в Российской империи норму прибыли, которая в несколько раз превышала норму прибыли в развитых империалистических державах: «барыши крупных капиталистов промышленных предприятий достигают иногда 100% в год», а «20% дивиденда не представляют

¹⁸⁶ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб: Дмитрий Буланин, 2011. С. 244.

¹⁸⁷ Там же. С. 247.

¹⁸⁸ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 71.

ничего исключительного для акционерных предприятий»¹⁸⁹. При этом защищенные высокими таможенными пошлинами, российские промышленные монополии также извлекали монопольные сверхприбыли путем существенного завышения внутренних цен на промышленные и продовольственные товары.

Следует отметить, что к началу прошлого века финансовый капитал всех «великих» империалистических держав так или иначе оказывается взаимно переплетен: «французский, голландский, но в значительной мере и английский капитал превращаются в ссудный капитал для промышленных отраслей, находящихся под германским и американским руководством»¹⁹⁰. Однако здесь речь идет именно о переплетении капиталов (с одной стороны, взаимовыгодное сотрудничество в освоении «туземной» территории, с другой – острейшая конкуренция между империалистическими державами), а не об одностороннем участии монополистического капитала наиболее развитых капиталистических стран в экономике царской России.

Чрезмерная зависимость от иностранных займов требовала от царского правительства придерживаться внешнеполитического курса, выгодного империалистическим державам. Предоставление французскими банками царскому правительству займа в размере 2,25 млрд франков в разгар Первой русской революции, с одной стороны, фактически спасло зашатавшееся после поражения в русско-японской войне самодержавие, а с другой – окончательно определило характер участия Российской империи в грядущей мировой войне на стороне Антанты против Тройственного союза. Комментируя условия заключения данного соглашения, французский историк Р. Жиро высказался следующим образом: «Никогда отношения между союзниками не были столь неравными, никогда, может быть, финансовое оружие, применяемое Францией, не было столь разрушительно»¹⁹¹.

¹⁸⁹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Корпоративный рабочий, 1922. С. 283.

¹⁹⁰ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. С. 395.

¹⁹¹ Ерофеев П.В. Экономические отношения России и Франции в конце XIX века - начале XX века в донесениях агента министерства финансов А.Г. Рафаловича. Дисс. канд. ист. наук. 2007. С. 77.

К 1914 г. совокупный капитал стран Антанты (Франция, Великобритания, Бельгия), вложенный в Россию, составлял около 70% против чуть более 20% капитала стран «Тройственного союза» (Германия, Австрия). «Это обстоятельство, - пишет П.И. Лященко, - конечно, предрешало вопрос о характере участия России в мировой войне»¹⁹².

2.3. Противоречия развития российского корпоративного капитала¹⁹³

Несмотря на достаточно высокие темпы экономического роста и развитие отечественного монополистического капитала, для абсолютного большинства зарубежных и отечественных исследователей экономическая отсталость дореволюционной России относительно наиболее развитых капиталистических экономик в начале прошлого века является очевидной. Как справедливо указывает М. И. Воейков, «фантастический взгляд, что Россия в начале XX в. представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему [...], к науке никакого отношения не имеет»¹⁹⁴. Американский исследователь П. Грегори, несмотря на свое в общем и целом положительное отношение к пореформенному экономическому развитию Российской империи, вынужден был признать, что «Россия была явно отсталой по сравнению со своими основными европейскими соперниками как в начале “современного периода” (1861 г.), так и в последние годы царизма»¹⁹⁵.

Если в развитии российской промышленности при непосредственном влиянии иностранного капитала наблюдались некоторые успехи, хотя и весьма скромные по сравнению с наиболее передовыми индустриальными державами, то положение в сельском хозяйстве было значительно менее оптимистичным.

¹⁹² Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М., Ленинград: Госиздат, 1927. С. 454.

¹⁹³ При написании данного раздела были использованы материалы из ранее опубликованной работы автора: Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108.

¹⁹⁴ Воейков М.И. Великая российская революция: экономическое измерение: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 29.

¹⁹⁵ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 22.

Производство товарного хлеба составляло не более одной трети, а товарность продукции бедняков и середняков, производивших более половины всего хлеба, вообще составляла 14,7%¹⁹⁶, что свидетельствует о преобладании натурального хозяйства в российской деревне, которая, по выражению М. И. Воейкова, была «опутана не капиталистическими, а еще феодальными отношениями»¹⁹⁷.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи указывают на «крепостнический характер реформы 1861 г. и последующей аграрной политики царизма», так как «реформа не осуществила радикальной чистки феодальных порядков, сохранила экономические привилегии и политическое господство помещиков»¹⁹⁸. Тем самым крестьянская реформа 1861 г. и последующие преобразования не решили ключевого для аграрно-индустриальной России противоречия между крупным помещичьим и мелким крестьянским землевладением.

Отсутствие необходимого для нормального воспроизводства количества земли у подавляющего числа крестьян (так называемые «кошачьи наделы»), бремя возложенных на них платежей объективно тормозили развитие сельскохозяйственного производства. При этом сельское хозяйство оставалось ведущей отраслью экономики царской России, в которой создавалось более половины национального дохода. Более этого, сельское хозяйство была по сути единственной экспортно-ориентированной отраслью российской экономики.

«В середине 1880-х, – пишет Б. Ю. Кагарлицкий, – вывозили 17% от общего производства зерна, к началу 1890-х – уже четверть»¹⁹⁹. По нашим расчетам, за период с 1896 по 1913 гг. Россия вывезла за рубеж более 25% всей произведенной (за вычетом зерна на корм скоту и семена) пшеницы, 35% ячменя и 6% ржи (см. график 4).

¹⁹⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. – М. 1956. С. 279.

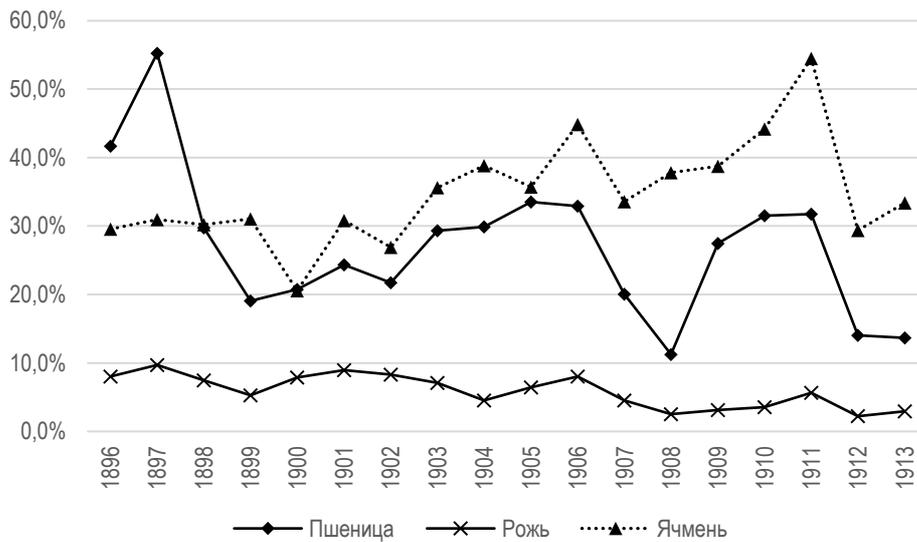
¹⁹⁷ Воейков М. И. Противоречия развития капитализма в России к 1917 году. // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 49.

¹⁹⁸ Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861-1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 27.

¹⁹⁹ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 307.

В условиях отсутствия сколько-нибудь значимого платежеспособного спроса как на потребительские, так и на инвестиционные товары со стороны российской деревни, где проживало более $\frac{3}{4}$ населения Российской империи, развитие крупной промышленности без глубоких буржуазно-демократических преобразований могло опереться только на иностранный финансовый капитал.

График 4. Отношение экспорта зерна (пшеница, рожь и ячмень) к чистому внутреннему производству, 1896-1913 гг.

Источник: рассчитано автором на основании данных по нетто-производству зерна в млн пудов, за вычетом зерна на семена и корм скоту: (Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003, с. 126-128); данных по экспорту в млн пудов (Статистика внешней торговли Российской империи // Проект Исторического факультета МГУ имени Ломоносова: «Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв.». URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm (дата обращения 18.07.2019)).

При этом следует учесть, что коренной причиной создания крупных промышленных предприятий иностранным финансовым капиталом на территории Российской империи были сверхприбыли, размер которых существенно превышал доходы монополий в странах базирования. В конечном счете, именно «низкая заработная плата, длинный рабочий день и безгласность рабочего», по мнению М.

И. Туган-Барановского, составляли «одну из важнейших причин технической отсталости русской промышленности»²⁰⁰.

С одной стороны, в ходе начавшейся индустриализации и, соответственно, привнесения в страну технических инноваций извне отечественная наука получила мощный импульс к развитию, в результате чего по ряду направлений российские ученые смогли занять ведущие позиции в мировой науке: И. И. Лобачевский, А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, Н. И. Миклухо-Маклай, И. И. Мечников, И. П. Павлов, А. С. Попов, Н. Е. Жуковский, В. И. Вернадский, С. В. Лебедев и др.

С другой стороны, достижения отечественной дореволюционной науки можно рассматривать лишь как успехи талантливых одиночек, которые в большинстве своем не находили поддержки ни у представителей национального монополистического капитала, ни у царского правительства, получавших наравне с иностранным капиталом колоссальные прибыли в результате сверхэксплуатации рабочих и крестьянства и не заинтересованных в развитии собственной научно-технологической базы.

Так, например, попытки Д. И. Менделеева добиться рациональной добычи и переработки нефти «наталкивались на упорное сопротивление российских промышленников, которые в условиях характерной для Бакинского нефтеносного района простоты и дешевизны добычи нефти не спешили вкладывать средства на ее техническое усовершенствование и развитие переработки, предпочитая хищнически сжигать большую часть добываемой нефти под топками первых котлов»²⁰¹.

Нужно отметить, что в Российской империи отсутствовали крупные химические лаборатории и специальные высшие учебные заведения для подготовки специалистов химической промышленности, а общее количество

²⁰⁰ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Корпоративный рабочий, 1922. С. 295.

²⁰¹ Бovyкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861-1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. — М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 41.

химиков, имевших высшее образование, в 1913 г. не превышало 500 человек²⁰². Отметим, что проблема производственно-технической отсталости и критической зависимости отечественной химической промышленности от иностранного капитала, сырья и технологий во весь рост проявилась в период Первой мировой войны, которая «предъявила колоссальные требования на взрывчатые вещества, на средства газовой борьбы, на продукты фармацевтического производства и т. д. Однако эти требования отечественная химическая промышленность не в состоянии была удовлетворить, поскольку она не располагала ни достаточной сырьевой базой, ни, тем более, современным производственно-техническим аппаратом»²⁰³.

Проблема научно-технологического отставания усугублялась чрезвычайно низким уровнем расходов на образование со стороны царского правительства, которое, по выражению А. Кагана, «колебалось между Сциллой спроса на образованную рабочую силу со стороны промышленности и Харибдой сохранения жестко стратифицированного общества, скрепленного традиционными (или архаичными) сословными критериями»²⁰⁴. Расходы на образование в пересчете на одного человека в Российской империи составляли 18 копеек в год, в США – 4 рубля 85 копеек, в Англии – 3 рубля, во Франции – около 2 рублей. Неудивительно, что по уровню грамотности населения (27% по данным всеобщей переписи населения в 1897 г.²⁰⁵) Российская империя занимала одно из последних мест среди европейских стран.

Привлечение иностранного капитала сыграло двойственную, противоречивую роль в эволюции социально-экономической системы дореволюционной России. С одной стороны, ввоз высокотехнологичных машин и оборудования, внедрение наиболее передовых организационных форм промышленного производства, обучение инженерных и управленческих кадров – все это значительно ускорило

²⁰² Будрейко Е.Н. Химическая наука в XX столетии. 1900 г. – 1940-е гг. URL: <https://www.portal-slovo.ru/impressionism/43278.php> (дата обращения: 18.07.2019).

²⁰³ Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Политиздат, 1957.

²⁰⁴ Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. – Chicago; London: University of Chicago press, 1989. P. 173.

²⁰⁵ Там же. P. 171.

промышленное развитие и продвижение капиталистических отношений «вглубь». С другой стороны, привлечение иностранного капитала обеспечило поддержку реакционному политическому режиму, тем самым способствуя консервации феодально-крепостнических производственных отношений, что «находилось в вопиющем противоречии с потребностями общественного развития»²⁰⁶. Однако, по мнению А. Кагана, «это был, по-видимому, единственно возможный путь индустриализации страны при сохранении в ней политического режима, являвшегося главным препятствием для ее промышленного развития»²⁰⁷.

Неизбежным следствием привлечения иностранного финансового капитала, ради которого в Российской империи был введен золотой стандарт, стал усиленный вывоз капитала из страны. Очевидно, что такая экономическая политика имеет смысл только в том случае, если в долгосрочной перспективе вывоз капитала из страны как минимум не превышает приток инвестиций в страну, что предполагает в том числе сведение до минимума расходы на непроизводительное потребление.

Между тем необходимость сохранения политического господства и экономических привилегий класса помещиков, как основной опоры российского самодержавия, вела к гигантским непроизводительным расходам в ущерб развитию отечественной промышленности и платежеспособного спроса основной массы населения. К началу 1890-х гг. около 1/5 иностранного капитала, размещенного в форме правительственных займов и вложений в акционерные общества, оказались направлены на так называемые «общие нужды», то есть на непроизводительные расходы по содержанию царской семьи, правительственного аппарата и т.п.

При этом норма реинвестирования доходов, полученных от экспорта зерна, в развитие отечественной промышленности было явна недостаточной. Показательны данные, которые приводит А. И. Колганов: из общего дохода, полученного от продажи за рубеж зерна в 1907 г., в российскую экономику было реинвестировано

²⁰⁶ Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861-1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 22.

²⁰⁷ Kahan A. Government Policies and the Industrialization of Russia // Journal of Economic History. – 1967. – №4. – P. 467.

менее 14%. Остальное пошло на так называемое непроизводительное потребление: покупка иностранных предметов роскоши, а также расходы российских туристов за границей (казино, отдых, покупка недвижимости)²⁰⁸. По расчетам П. Грегори, с 1898 по 1913 гг. расходы российских туристов за рубежом составили более 2 млрд руб.²⁰⁹, что превышает размер иностранных инвестиций и эквивалентно правительственным займам, привлеченным за тот же период.

Появление и стремительное развитие монополистического капитала привело к возросшему влиянию финансовой олигархии на государственный аппарат, что выразилось прежде всего в коррупции, принимавшей различные формы: взятки, льготная подписка на акции, беспроигрышная игра на бирже, устройство чиновников на высокооплачиваемые места в органах управления крупнейших компаний. В частности, царский министр финансов Иван Вышнеградский, известный людоедской фразой «недоедим, но вывезем», сколотил такой «беспроигрышной» игрой на бирже приличное состояние в размере 10 млн руб.²¹⁰

Советский историк П.А. Зайончковский приводит массу примеров взяточничества и различного рода злоупотреблений со стороны самого императора, членов его семьи и высших чиновников²¹¹. Коррупция, хищения и различного рода мошенничества, сопровождавшие развитие железнодорожной сети и пронизывавшие весь государственный аппарат от членов царской семьи и правительства до низших чинов различных ведомств, объективно были одной из главных причин хронической убыточности железнодорожного хозяйства царской России. Так, например, царская казна за 1901 г. получила убыток от управления железнодорожным хозяйством в размере 33 млн руб., тогда как в Германии

²⁰⁸ Колганов А.И. Предреволюционный кризис российского общества // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под общей ред. Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. С. 85.

²⁰⁹ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 228.

²¹⁰ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. – М. 1956. С. 359.

²¹¹ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978.

прибыль от эксплуатации государственных железных дорог за тот же период составила более 500 млн марок²¹².

Отдельного упоминания заслуживает взаимодействие царского министерства финансов и иностранных банков, заключавшееся в особом кругообороте капитала. Сотни миллионов золотых рублей размещались в виде казенных вкладов под «ничтожный процент» в заграничных банках (в основном, французских и германских), которые затем предоставляли краткосрочные ссуды российским банкам под гораздо более высокие проценты. Отечественные банки, в свою очередь, использовали деньги для спекулятивной деятельности, а полученная сверхприбыль делилась между Санкт-Петербургом, Берлином и Парижем. После неизбежного падения спекулятивного ажиотажа Министерство финансов вновь предоставляло кредиты отечественным банкам. Однако деньги быстро заканчивались, что вынуждало царское правительство брать очередной кредит за рубежом. С увеличением внешней задолженности необходимо было снова пополнять золотой запас в иностранных банках. Такое «взаимодействие», в результате которого значительные суммы размещались в иностранных банковских монополиях в ущерб инвестированию в развитие российской экономики, подвергалось критике со стороны отечественных экономистов²¹³.

Как отмечает П. Грегори, в начале XX века «российский деловой цикл определялся европейским»²¹⁴. Однако в условиях глубокой зависимости страны от экспорта зерна такая синхронизация воспроизводственных циклов неизбежно оборачивалась для Российской империи неравномерным, «разорванным», скачкообразным развитием, крайне зависимым от конъюнктуры мирового рынка. По образному выражению Н. Х. Озерова, экономическая жизнь царской России в

²¹² Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 156.

²¹³ Щетинина Г. И. И. Х. Озеров и его воспоминания. // История и историки. Историографический сборник. – М.: Наука, 1981. С. 240.

²¹⁴ Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 52.

поздний пореформенный период представляла собой «жизнь игрока в зависимости от урожая или неурожая»²¹⁵.

Порочный круг, связанный с необходимостью все возрастающего экспорта товаров для оплаты услуг иностранного капитала в виде процентов и дивидендов, и его гибельность для экономического развития страны вполне осознавался отечественными экономистами того времени. Как писал Н. Х. Озеров, «стремление удержать золото в стране в настоящее время оказывает роковое влияние на нашу экономическую политику, направляя ее не на то, чтобы расширить емкость нашего внутреннего рынка, не на то, чтобы вновь производимый продукт потреблялся внутри страны, а на то, чтобы возможно большее количество этого продукта выбросить за границу, иначе золото уйдет – ведь золото у нас постоянно течет из страны на Запад, течет туда, где помещены наши долги, и мы должны вновь вычерпывать его с Запада, а это можем делать только ценой усиленного вывоза»²¹⁶.

Любопытно, что использование методологического аппарата неоклассической экономической теории также позволяет сделать вывод о негативных последствиях возросшего в пореформенный период экспорта сырья и продовольствия. Так, российские экономисты Г. Г. Попов и Е. И. Чибисова в своем исследовании показывают, что «прирост экспортной выручки за счет увеличения экспорта хлеба, других продуктов, а также древесины привел к оттоку полученных от рентных прибылей денег за рубеж»²¹⁷.

Суммируя выводы второй главы, отметим, что, с одной стороны, статистические данные о развитии капиталистических предприятий в царской России на протяжении пореформенного периода войны позволяют говорить о достаточно быстрых темпах роста промышленного производства, монополизации ключевых отраслей промышленности и банковского сектора, а также интеграции экономики Российской империи в формирующееся мировое капиталистическое

²¹⁵ Щетинина Г. И. И. Х. Озеров и его воспоминания. // История и историки. Историографический сборник. – М.: Наука, 1981. С. 239.

²¹⁶ Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 182.

²¹⁷ Попов Г.Г., Чибисова Е.И. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // Terra Economicus. – 2016. – №3. – С. 97.

хозяйство. С другой стороны, как было показано выше, развитие монополистического капитализма в России было обусловлено острейшими внутренними противоречиями и существенной зависимостью от иностранного финансового капитала.

Российский капитализм начала XX века как конкретно-всеобщее не выкристаллизовался из «раствора» добуржуазных, феодально-крепостнических производственных отношений, основанных на ручном труде и натуральном хозяйстве. По отношению к пореформенному социально-экономическому развитию Российской империи капиталистические производственные отношения имели ведущий, но отнюдь не господствующий характер. Как указывает А. И. Колганов, «капитализм в России был представлен довольно узким, хотя и быстро растущим укладом, постепенно проникающим и в общинное полунатуральное крестьянское хозяйство»²¹⁸.

Можно солидаризоваться с российским историком В. Н. Шевченко, который указывает на то, что в процессе трансформации в капиталистическое общество «пореформенная Россия оказалась в историческом тупике»²¹⁹. Российская империя являлась объектом экономической экспансии монополистического капитала западных империалистических держав, импортируя в значительном объеме капитал и, соответственно, вывозя за границу значительную часть произведенной в стране прибавочной стоимости в ущерб внутреннему развитию²²⁰.

При этом нужно отметить, что в конечном счете финансовая зависимость неизбежно трансформируется в политическую несамостоятельность. В рамках мировой империалистической системы начала XX века установление политической зависимости, особенно в отношении крупных государств, становится не обязательной для «великих цивилизованных держав». Российская

²¹⁸ Колганов А.И. Путь к социализму: пройденный и непройденный. От октябрьской революции к тупику «перестройки». Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 10.

²¹⁹ Шевченко В.Н. Россия: историческая судьба «второго мира» // Философские науки. – 2014. – №7. – С. 14.

²²⁰ Русский экономист начала XX века Н.Х. Озеров писал в связи с этим: «Мы вывозим не избытки, а самое необходимое — хлеб, и в то же время сами недоедаем, керосин — и сами сидим во тьме, даже вывозим свои собственные волосы, самих себя (русские рабочие в Пруссии)» (Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 189).

империя, будучи формально политически независимой, тем не менее была экономически крайне зависима от иностранного финансового капитала, который интенсивно извлекал империалистическую ренту из российской экономики и, в конечном итоге, посредством дипломатии – «верного друга» финансового капитала – обеспечил вступление страны в Первую мировую войну. Вызванное последней резкое обострение сущностных противоречий сложившейся в дореволюционной России социально-экономической системы в итоге привело к революционному взрыву 1917 г., положившему конец 300-летней монархии.

Глава 3. Изменение места и роли российского корпоративного капитала в мировом хозяйстве начала XXI века

3.1. Российская Федерация в мировом хозяйстве в начале XXI века²²¹

Российская Федерация занимает первое место в мире по территории, занимая 12,6% суши. При этом в 2020 г. население России составляло лишь 1,9% от населения мира. Более того, доля России в мире постоянно сокращается (в 1991 г. – 2,9%, в 2000 г. – 2,4%) в силу негативного демографического роста на фоне увеличивающегося населения мира. По численности населения Россия занимает девятое место в мире после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана, Нигерии и Бангладеш²²².

В 2020 г. Российская Федерация являлась шестой экономикой мира (по ППС) после Китая, США, Индии, Японии и Германии. Доля России в мировом ВВП (по ППС) составляет 3,1%. Для сравнения: Китай – 18,3%, США – 15,9%, Индия – 6,8%, Япония – 4,0% и Германия – 3,4%. При этом прослеживается тенденция к сокращению доли России в мировом ВВП. Так, в 2008 г. доля России составляла 3,7%, а в 1992 г. – 4,8%. При сравнении ВВП стран в текущих ценах Россия оказывается на двенадцатом месте позади США, Китая, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Индии, Италии, Бразилии, Южной Кореи и Канады²²³.

По уровню ВВП на душу населения (по ППС) Россия (\$27,9 тыс. 2020 г.) входит в группу стран с высоким уровнем дохода (по классификации Всемирного

²²¹ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131; Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия Фридриха Энгельса // Вопросы политической экономии. – 2021. - № 1 (25). - С. 53-64; Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70; Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102; Сергеев Г.С. Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии. – 2019. - № 4. - С. 50-63.

²²² IMF WEO database of April 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (accessed: 20.01.2022).

²²³ Там же.

банка), занимая по этому показателю 53 место в мире. При этом доход на душу населения в России в 2020 г. составил 45,9% от уровня США и 53,8% от уровня Германии, но превышал ВВП на душу населения в крупнейших развивающихся странах: Китая – в 1,7 раза, Бразилии – в 2 раза, Индии – более чем в 4 раза²²⁴.

По уровню концентрации и централизации капитала российская экономика начала XXI века превосходит крупнейшую экономику мира Соединенных Штатов Америки. Обратимся к спискам пятисот крупнейших корпораций России и США за 2017 год по данным рейтингов РБК 500 и Fortune 500 соответственно²²⁵. Так, например, на 10 крупнейших российских компаний приходилось 38,3% совокупной выручки РБК 500, а на топ-10 Fortune 500 — всего 18%. При этом совокупная выручка РБК 500 составляла 77% ВВП России, тогда как выручка Fortune 500 составила 65% американского ВВП. Впрочем, как отмечал С. М. Меншиков, российский капитализм, в отличие от других стран, «сразу возникал как капитализм крупных монополистических концернов и банков»²²⁶, являвшихся продуктом полураспада отраслевых комплексов советской эпохи.

Совокупная стоимость активов крупнейших российских компаний в списке 2000 крупнейших компаний мира по данным Forbes за 2020 год составила \$1,8 трлн, или 0,8% от совокупной стоимости активов в списке. Для сравнения: Китай (вкл. Гонконг), занимающий второе место, представлен 350 компаниями, совокупная стоимость активов которых равна \$50,2 трлн (см. таблицу 10).

Абсолютное большинство (20 из 24) российских компаний представляют компании топливно-энергетического и химико-металлургического секторов, а также финансовые корпорации, что указывает на экспортно-сырьевую ориентацию российской экономики. При этом в российской части списка отсутствуют высокотехнологичные компании ИКТ-индустрии, фармацевтические компании, предприятия электротехнической отрасли, приборо- и станкостроения,

²²⁴ IMF WEO database of April 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (accessed: 20.01.2022).

²²⁵ Большая разница: сравнение РБК 500 и Fortune 500. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2017/59c100d19a794716034fff05> (дата обращения: 20.06.2019).

²²⁶ Меншиков С.М. Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004. С. 9.

характерные не только для ведущих экономик мира, но и для сравнимых с Россией по уровню развития и масштабам экономики развивающихся стран.

Таблица 10. Распределение активов 2000 крупнейших корпораций мира по странам базирования в 2020 г.

№	Страна базирования	Кол-во корпораций	Совокупные активы, \$ млрд	% от ИТОГО
1	США	590	51,8	23,2
2	Китай (вкл. Гонконг)	350	50,2	22,5
3	Япония	215	25,1	11,2
4	Великобритания	66	13,6	6,1
5	Франция	53	12,2	5,5
6	Канада	56	8,3	3,7
7	Германия	54	7,9	3,5
8	Южная Корея	62	5,4	2,4
9	Италия	23	5,0	2,2
10	Испания	21	4,5	2,0
11	Швейцария	42	4,5	2,0
12	Австралия	30	3,6	1,6
13	Индия	50	3,4	1,5
14	Тайвань	45	3,1	1,4
15	Нидерланды	20	3,0	1,4
16	Россия	24	1,8	0,8
17	Швеция	32	1,6	0,7
18	Бразилия	21	1,5	0,7
19	Сингапур	9	1,4	0,6
20	Саудовская Аравия	13	1,4	0,6
	<i>Прочие</i>	<i>224</i>	<i>14,1</i>	<i>6,3</i>
	ИТОГО	2000	223,4	100,0

Источник: составлено автором на основании данных Forbes Global 2000²²⁷.

Накопленные прямые инвестиции российских компаний за рубежом, по состоянию на 2019 г., составили \$396,6 млрд (20 место в мире). По этому показателю Россия опережает Индию (\$178,7 млрд) и Бразилию (\$223,9 млрд), однако колоссально отстает от лидеров трансграничной экспансии США, Китая, Японии, Германии, Великобритании и Франции (см. таблицу 11).

²²⁷ URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/#416cf6b45ac0> (accessed 20.01.2022).

Таблица 11. Накопленные прямые инвестиции по странам на 2019 г.

Страна	Накопленные прямые инвестиции за рубеж, млрд \$	% от мира	место в мире
Россия	386,6	1,1	20
США	7 721,7	22,3	1
Китай	3 917,5	11,3	2
Великобритания	1 949,4	5,6	3
Япония	1 818,1	5,3	4
Германия	1 719,4	5,0	6
Франция	1 532,8	4,4	8
Бразилия	223,9	0,6	25
Индия	178,7	0,5	30

Источник: составлено автором на основе данных UNCTAD за 2020 г.

Анализ сотни крупнейших нефинансовых ТНК по данным ЮНКТАД за 2019 г. по количеству компаний и размерам их активов за пределами страны базирования позволяет однозначно выделить группу стран, имеющих наибольшее количество ТНК (от 9 до 19) с крупнейшими зарубежными активами (от \$1 трлн): США, Великобритания, Германия, Франция и Япония, представляющие три глобальных центра накопления капитала (см. таблицу 12). На эти пять стран совокупно приходится порядка 70% иностранных активов компаний из вышеуказанного списка ЮНКТАД. К ним вплотную приближается китайский транснациональный капитал, совокупный размер иностранных активов которого составляет \$907 млрд и таким образом сопоставим с зарубежными активами крупнейших монополий Японии и Франции.

Российские транснациональные корпорации в силу незначительности размера иностранных активов не попали в вышеуказанный список. При этом нужно подчеркнуть, что экономика постсоветской России достаточно глубоко интегрирована в систему глобальных производственных сетей. Интегральный индекс участия России в глобальных цепочках создания стоимости превосходит аналогичные показатели США, Германии, Китая, Индии и других крупных стран мирового капиталистического хозяйства. В 2018 г. $\frac{3}{4}$ экспорта продукции

обрабатывающей промышленности из России поступило в промежуточное потребление за рубежом ²²⁸. Однако преимущественное участие российских предприятий в восходящих звеньях глобальных производственных сетей в качестве поставщиков сырья и энергоресурсов на мировые рынки фактически свидетельствует о периферийном статусе постсоветской России в капиталистической мирохозяйственной системе.

Таблица 12. Количество и иностранные активы 100 крупнейших ТНК мира по странам базирования

Страна базирования	Кол-во ТНК	Совокупные иностранные активы, \$ млрд	% от ИТОГО иностранных активов
США	19	1 634	17,0
Великобритания	12	1 463	15,2
Германия	12	1 417	14,7
Франция	13	1 098	11,4
Япония	9	1 047	10,9
Китай	11	907	9,4
<i>Прочие</i>	24	2 072	21,5
ИТОГО	100	9 637	100,0

Источник: составлено автором на основе данных ЮНКТАД за 2019 г.

Как мы указывали выше, экономико-политическая мощь государства сегодня характеризуется не только господством в сфере производства, но и способностью учета, контроля и регулирования международных финансовых потоков, включая «производство» собственно мировых денег. Следует отметить, что практически абсолютной монополией на управление глобальными финансовыми потоками обладают финансовые институты стран, базирующихся в центрах мирового хозяйства: крупнейшие транснациональные финансовые конгломераты, центральные банки ряда государств (прежде всего, ФРС США) и надгосударственные структуры типа МВФ, в определенной мере обособившиеся от национального капитала в процессе своего развития.

Основными акторами глобальной финансовой системы являются транснациональные финансовые конгломераты или «супермаркеты финансовой

²²⁸ Варнавский В.Г. Роль России в глобальных производственных сетях. // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы Одиннадцатой междунар. конфер., 1 - 3 окт. 2018 г., Москва: в 2-х т. / Ин-т проблем упр. им. В.А.Трапезникова Рос.акад. наук; под общ. ред. С.Н.Васильева, А.Д.Цвиркуна. – Т. 1: Пленарные доклады, секции 1 - 7. – М.: ИПУ РАН, 2018. С. 96.

деятельности»²²⁹, сети которых раскинуты по всему миру. По данным ЮНКТАД, немецкий Allianz SE имеет более тысячу филиалов, расположенных в 76 странах мира. Крупнейшие транснациональные банки Франции, Великобритании, Италии и других стран ядра имеют более 500 филиалов в более чем 50 странах мира²³⁰.

Особое место в иерархии глобального финансового капитала занимают инвестиционные фонды. Величина активов, которые находятся под управлением компаний данного сектора, превышает активы крупнейших банковских групп. По данным международного агентства Willis Towers Watson, по состоянию на конец 2018 г. размер активов под управлением 500 крупнейших инвестиционных компаний мира составил \$91,5 трлн, из которых 52% находились под управлением американских фондов²³¹. При этом «четверка» крупнейших независимых американских инвестиционных фондов управляла почти одной пятой всех активов (см. таблицу 13).

Тем самым несколько десятков финансовых структур имеют реальную экономико-политическую власть, позволяющую им управлять воспроизводством глобального финансового капитала и, следовательно, во многом определять финансово-экономическую политику правительств в развивающихся странах. Как отмечал С. Амин, «около 20 гигантских банков (все из которых базируются в США и крупных капиталистических странах «триады», связывающей США, Европу и Японию) контролируют более 98% гигантского объема транзакций, производимых на этом рынке (триллионы долларов, цифра, которая в сотни раз превышает объем переводов, необходимых для удовлетворения международной торговли и потоков капитала, вложенных в реальное производство»²³².

²²⁹ Сифакис-Капитанакис К. Новые акторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 87.

²³⁰ World Investment Report 2017 / UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed 20.01.2021).

²³¹ Willis Towers Watson. The World's 500 Largest Asset Managers, 2019. URL: <https://www.thinkingaheadinstitute.org/research-papers/the-worlds-largest-fund-managers-2019/> (accessed 20.01.2021).

²³² Амин С. Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // Вопросы политической экономии. 2019. № 1. С. 24.

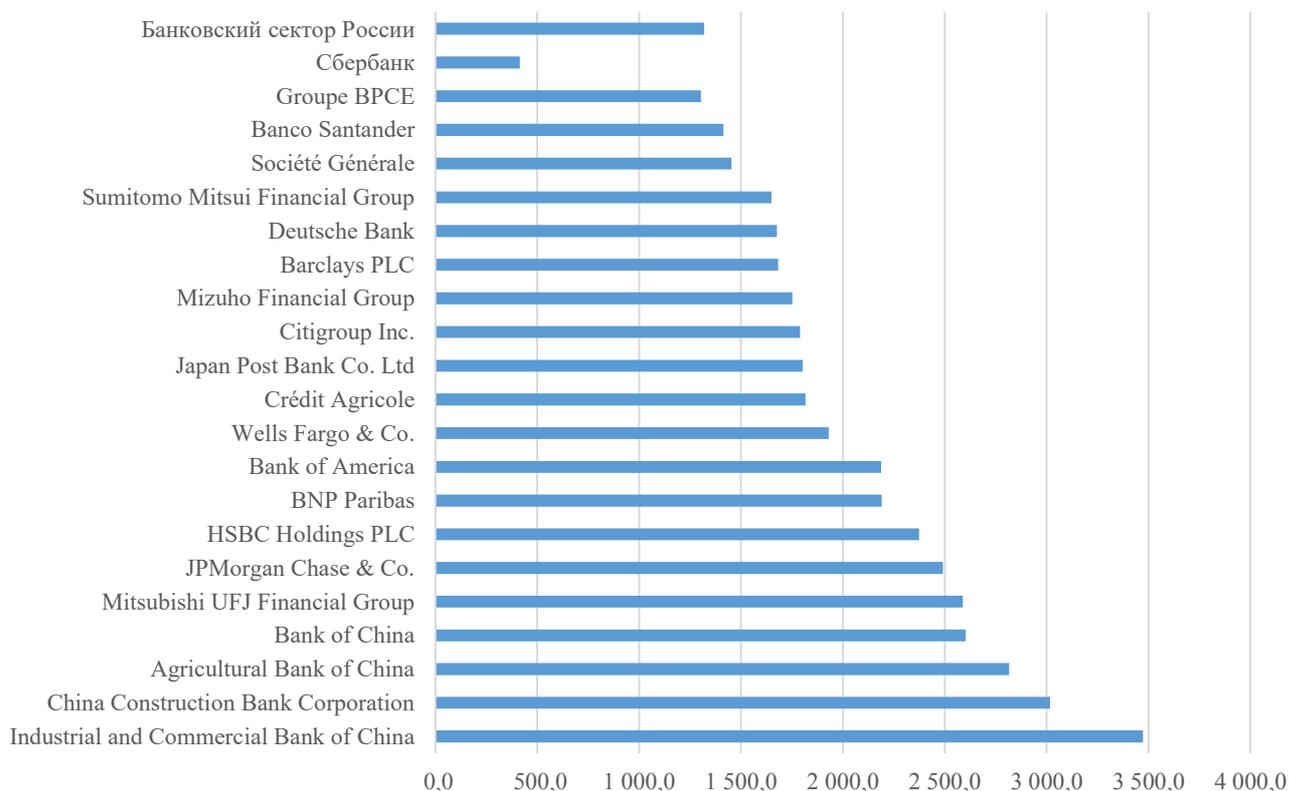
Таблица 13. Активы под управлением крупнейших инвестиционных компаний мира

№	Компания	Страна базирования	Активы под управлением, \$ трлн
1	BlackRock	США	5,9
2	Vanguard Group	США	4,9
3	State Street Global	США	2,5
4	Fidelity Investments	США	2,4
5	Allianz Group	Германия	2,2
6	J.P. Morgan Chase	США	1,9
7	Bank of New York Mellon	США	1,7
8	Amundi	Франция	1,7
9	Capital Group	США	1,7
10	AXA Group	Франция	1,6
11	Goldman Sachs Group	США	1,5
12	Prudential Financial	США	1,4
13	Deutsche Bank	Германия	1,3
14	Legal & General Group	Великобритания	1,3
15	UBS	Швейцария	1,2
16	BNP Paribas	Франция	1,2
17	Northern Trust Assets Mngt.	США	1,1
18	Wellington Mgmt.	США	1,0
19	Wells Fargo	США	0,9
20	T. Rowe Price	США	0,9
	ИТОГО ТОП-20		38,3

Составлено автором. Источник: Willis Towers Watson. The World's 500 Largest Asset Managers, 2019.

На этом фоне российский финансовый капитал выглядит более чем скромно. Так, крупнейший банк России ПАО «СБЕРБАНК» занимает 64 место в мире по величине активов, а совокупные активы российского банковского сектора суммарно в 12 раз меньше активов банковской системы США. В каждой стране центра мирового хозяйства есть один или несколько банков, активы которых превышают активы всего российского банковского сектора вместе взятые: в США – 4 банка, в Японии – 3, во Франции – 3, в Великобритании – 3, в Германии и Испании – по одному (см. график 5). Активы крупнейшего банка Китая (Industrial and Commercial Bank of China – ICBC) более чем в 2,5 раза и более чем в 8 раз превышают активы всего банковского сектора России и ПАО «Сбербанк» соответственно. При этом активы «большой четверки» китайских банков совокупно в 9 раз больше активов всей банковской системы России.

График 5. Активы банковской системы России, Сбербанка и крупнейших банков мира на конец 2016 г., \$ млрд

Источник: составлено автором по данным сайта Центрального банка РФ и S&P Market Intelligence: The world's 100 largest banks²³³).

Российские инвестиционные фонды не представлены в глобальном рейтинге 500 крупнейших инвестиционных компаний мира. По состоянию на 2011 г. совокупные активы российских инвестиционных фондов составляли \$3,1 млрд, т.е. менее одной сотой процента совокупных активов инвестиционных фондов всего мира.

Поддержание искусственно заниженного курса рубля, характерное для всех стран экспортно-ориентированной периферии, путем изъятия Банком России денег из российской экономики («стерилизация денежной массы»), с одной стороны, позволяет российским экспортерам и финансовым спекулянтам получать сверхприбыли, а с другой – ведет к дальнейшей деградации и примитивизации российского промышленного сектора, сажая, по выражению С. Ю. Глазьева, все не экспортно-ориентированные отрасли на «финансовую мель».

²³³ URL: <http://www.snl.com/web/client?auth=inherit#news/article?id=40223698&cdid=A-40223698-11568> (accessed 20.01.2022).

Как отмечают американские экономисты Л. Панич и С. Гиндин, финансиализация в значительной мере способствовала оттоку капитала из стран периферии²³⁴. Господствующая роль доллара США и других валют центром мировой экономики в глобальной финансовой системе приводит к тому, что финансовые потоки из стран периферии направляются в США и другие центры мирового хозяйства.

Более того, согласно весьма консервативным оценкам международной организации Global Financial Integrity, около 20% внешнеторгового оборота развивающихся стран приходится на так называемые незаконные финансовые потоки (*illicit financial flows*). За период с 2005 по 2014 гг. объем финансовых активов, незаконно выведенных из развивающихся стран, ежегодно увеличивался в среднем на 7,5%, достигнув в 2014 около \$800 млрд²³⁵.

На этом фоне отметим, что сумма чистого оттока капитала из постсоветской России (включая частный капитал, валютные резервы Центробанка РФ и выплаты по государственному долгу) за последние 20 лет (с 1998 по 2017 гг.), по разным оценкам, составила от нескольких сот миллиардов²³⁶ до 1,2 трлн долларов США²³⁷.

Как мы указывали выше, одной из характерных черт империализма XXI века является монополия транснациональных корпораций, базирующихся главным образом в центрах мирового капиталистического хозяйства, на научно-технологический прогресс и, в частности, на достижения информационной революции, на основе которых осуществляется переход к так называемой цифровой экономике.

В списке 100 крупнейших нефинансовых ТНК по версии ЮНКТАД за 2019 г. присутствуют 20 высокотехнологичных корпораций. Из них 15 компаний базируются в развитых капиталистических странах во главе с США. В

²³⁴ Panitch L., Gindin S. *The Making of Global Capitalism: The Political Economy of the American Empire*. – Verso, 2013. P. 286.

²³⁵ Global Financial Integrity. *Illicit Financial Flows to and from Developing Countries: 2005-2014*. 2017. P. VII.

²³⁶ Гузикова Л.А., Люкевич, И.Н., Колесников А.М. Российский капитал: бегство или дорога домой? // *Экономическое возрождение России*. – 2016. – №1. – С. 105.

²³⁷ Komolov O. *Capital Outflow and the Place of Russia in Core–Periphery Relationships*. // *World Review of Political Economy*. – 2019. – Vol.10. – №3. – P. 338.

Соединенных Штатах находятся около двух третей материнских компаний высокотехнологичных ТНК и почти 40% их дочерних предприятий. Исключения из этого списка (южнокорейская Samsung, тайваньская Hon Hai Precision Industries, а также китайские Huawei, Tencent и Legend Holdings) только подтверждают общий вывод о безусловном лидерстве центров мирового хозяйства в развитии цифровой экономики²³⁸. При этом российские компании в данном списке не представлены. В списке 100 крупнейших высокотехнологичных транснациональных корпораций по версии ЮНКТАД российские корпорации также отсутствуют.

Существенное научно-технологическое отставание российской экономики во многом определяется колоссальным разрывом в финансировании науки по сравнению с ведущими странами. Так, например, совокупные расходы на НИОКР всего лишь трех американских цифровых гигантов Apple, Google и Microsoft в 2016 г. составили \$36 млрд. Для сравнения: за тот же период расходы на гражданскую науку (в том числе на фундаментальные и прикладные научные исследования) из средств федерального бюджета России составили всего около \$16 млрд (или 402,7 млрд руб.), а совокупные расходы на научные исследования и разработки (включая расходы бюджетов всех уровней и расходы предприятий) в России составили не многим более \$37 млрд.²³⁹ В целом же, Россия «тратит на НИОКР менее 100 долл. США в год на душу населения, тогда как развитые страны – до 500 долл. США»²⁴⁰.

Научно-технологическое отставание российской экономики выражается в мизерном по сравнению с наиболее развитыми экономиками мира объеме

²³⁸ Китай занимает второе место после США по объемам внутренних расходов на НИОКР, а Южная Корея стабильно входит в первую пятерку стран по расходам на НИОКР, опережая Францию и Великобританию (см.: Место России среди ведущих стран мира: ресурсы науки // Бюллетень ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/482453668.html> (дата обращения: 20.02.2022)). Тайваньская корпорация Hon Hai Precision Industries (более известная под своим торговым наименованием Foxconn), являющаяся крупнейшим в мире контрактным сборщиком высокотехнологичной продукции для западных гигантов ИКТ-индустрии (таких как Apple, Sony, Intel, Nokia, Hewlett Packard и пр.), широко известна заводами, специально спроектированными для широкого использования дешёвого ручного труда, и серией скандалов, связанных с серьезными нарушениями трудового законодательства (см.: Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. – 2013. – №3. – С. 65-66).

²³⁹ Рассчитано автором на основании данных Росстата: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения 18.07.2020)

²⁴⁰ Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 21.

высокотехнологичного экспорта. В 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из России составил \$6,8 млрд. Для сравнения: высокотехнологичный экспорт из Китая составил \$496,0 млрд; из Германии – 169,6; из США – 153,5; из Сингапура – 126,3; из Южной Кореи – 118,4²⁴¹. В целом, российская экономика, по оценке российских исследователей, «обладает самым высоким индексом в области низких технологий среднего уровня в связи со значительной долей экспорта в области продуктов нефтяной переработки»²⁴².

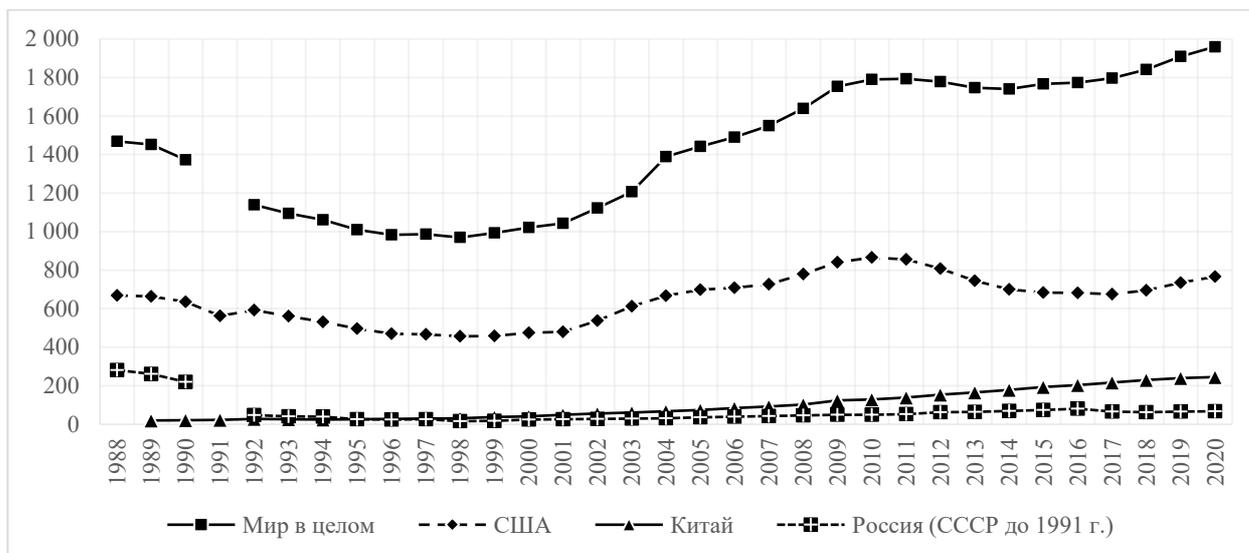
Нарастающие противоречия между ключевыми акторами мировой экономики закономерно находят свое отражение в росте общемировых военных расходов (см. график 6). Показательно, что в период бума неолиберальной глобализации в 90-е годы прошлого века мировые военные расходы сократились более чем на треть по сравнению с пиком «холодной войны» середины 1980-х годов, достигнув исторического минимума (\$970 млрд) в 1998 г. При этом такое значительное снижение объясняется не только обвальным падением расходов на оборону на постсоветском пространстве после распада СССР в 1991 г. (в 1998 г. военные расходы стран бывшего Советского Союза сократились более чем в 15 раз по сравнению с 1988 г.), но и существенным сокращением (на 32%) оборонного бюджета США.

Однако уже в течение следующего десятилетия (с 1999 по 2008 гг.) общемировые военные расходы выросли более чем в полтора раза, составив \$1,6 трлн, что на 10% превышает аналогичный показатель 1988 года. Характерно, что мировой кризис, результатом которого стало существенное падение всех общемировых показателей экономического развития, никак не повлиял на снижение величины военных расходов, которые увеличились по итогам 2009 г. еще более чем на \$100 млрд.

²⁴¹ Ленчук Е.Б. Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. – 2019. – №1. – С. 47.

²⁴² Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 19-20.

График 6. Военные расходы мира в целом, США, Китая и России, 1988-2020 гг. (в постоянных ценах 2019 г., \$ млн)

Источник: составлено автором на основании данных SIPRI²⁴³.

Примечание: данные по миру в целом и СССР / России за 1991 г. отсутствуют.

Несмотря на то, что уровень общемировых военных расходов в посткризисное десятилетие вырос более чем на 10%, доля США в общемировых военных расходах при этом уменьшилась с 48% в 2008 г. до 39% в 2019 г., что свидетельствует о наращивании военной мощи другими геополитическими акторами и, прежде всего, Китаем. Так, с 1998 по 2020 гг. расходы КНР на оборону выросли почти в 8 раз, составив по итогам 2020 г. \$245 млрд.

Расходы на оборону Российской Федерации в 2020 г. составили \$66,8 млрд, или 3,4% от общемировых (4 место в мире). По уровню военных расходов Россия уступает мировым лидерам США (39,1% от мировых расходов на оборону) и Китаю (12,5%), а также Индии (3,7%). При этом, несмотря на определенное расширение списка стран, имеющих ядерное оружие («ядерный клуб»), Российская Федерация и США остаются единственными державами, которые обладают стратегическими наступательными силами, включающими все компоненты так называемой «ядерной триады»²⁴⁴.

²⁴³ SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 15.01.2022).

²⁴⁴ Включает стратегическую авиацию, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные лодки-ракетоносцы (Никонов А. Д. Гонка вооружений: причины, тенденции, пути прекращения. – М.: Международные отношения, 1986. С. 56).

Постсоветская Россия является вторым после США крупнейшим экспортером вооружений в мире. Однако, по расчетам SIPRI, за период с 2014 по 2018 гг. объём российского экспорта вооружений сократился на 17%, в частности из-за сокращения импорта вооружений Индией и Венесуэлой. При этом доля США в общем объеме международных поставок вооружений увеличилась с 30 до 36%²⁴⁵.

Таким образом, анализ особенностей и противоречий развития российского корпоративного капитала в системе современного мирового капиталистического хозяйства позволяет сделать вывод о недостаточном уровне «транснационального» развития российского капитала не только по отношению к ведущим экономикам мира (центрами мирового хозяйства), но и в сравнении с другими крупными (полу)периферийными государствами.

3.2. Российский корпоративный капитал начала XX и XXI века: общие черты и особенности²⁴⁶

В отличие от Российской империи, в которой привлечение иностранного финансового капитала стало мощным драйвером развития отечественной промышленности, открытие в начале 1990-х гг. национальных границ для транснациональных промышленных гигантов, базирующихся в центрах мировой экономики, привело к упадку отечественных высокотехнологичных отраслей (станкостроения, приборостроения, авиастроения, микроэлектроники и пр.), которые оказались не способны противостоять мощной экспансии иностранного монополистического капитала. В результате либерализации внешнеэкономической деятельности в начале 90-х гг. прошлого века «в структуре промышленного

²⁴⁵ SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-03/sipri_at_press_release_rus.pdf (accessed: 15.01.2022).

²⁴⁶ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131; Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70; Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102.

производства резко выросла доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения», что является «характерной чертой стран сырьевой периферии»²⁴⁷.

Деиндустриализация российской экономики существенно изменила структуру внешней торговли России с различными регионами мира. Так, если характер торговли между Россией и западной Европы, традиционно представлявшей собой обмен сырья на продукцию обрабатывающей промышленности, практически не изменился, то на азиатском направлении картина резко поменялась: доля обрабатывающей промышленности в российском экспорте существенно сократилась, а доля импорта машин и оборудования возросла. При этом в торговле с Китаем произошла своеобразная рокировка: если в 1996 г. Россия экспортировала в Китай преимущественно продукцию обрабатывающей промышленности, то в 2017 г. российский экспорт состоял уже из сырьевых позиций²⁴⁸.

Как указывают российские ученые В. С. Гриценко и Р. С. Дзарасов, в соответствии с принципами сложившейся системы международного разделения труда периферия экспортирует минеральное и другие типы сырья, а импортирует продукцию обрабатывающих производств²⁴⁹. Тем самым топливно-сырьевой характер российского экспорта зеркально отражает периферийную структуру экономики постсоветской России, сформировавшуюся под давлением и в интересах глобального монополистического капитала после стремительной интеграции страны в систему международного разделения труда.

Отметим, что сырьевая (нефтегазовая) ориентация отечественного экспорта сложилась еще в советский период в 1970-х гг., а резкое падение мировых цен на нефть в середине 80-х гг. прошлого века оказало существенное влияние на замедление темпов экономического роста в Советском Союзе. Однако в результате

²⁴⁷ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. С. 125. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54544-strategija-operezhajushhego-razvitija-v-uslovijakh-global-nogo-krizisa> (дата обращения: 18.07.2019).

²⁴⁸ Melchior A. Russia in world trade: Between globalism and regionalism // Russian Journal of Economics. – 2019. – №5(4). – P. 354-384.

²⁴⁹ Гриценко В.С., Дзарасов Р.С. Потребности в информационных ресурсах в условиях полупериферийного капитализма // Вопросы политической экономии. – 2018. – №4. – С. 72.

проведения неолиберальных реформ доля минерального сырья (нефть, нефтепродукты и природный газ) в российском экспорте увеличилась с 45% в конце советского периода до без малого 72% в середине 2010-х гг. В целом, доля сырьевого экспорта (продукция топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов низкой степени передела, а также зерно) в 2018 г. составила чуть менее 90%. Доля же машин и оборудования в российском экспорте, напротив, сократилась с 10% в 1995 г. до 6% в 2018 г. (см. график 7).

График 7. Динамика структуры экспорта России, 1995 – 2018 гг.

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

Сегодня статус постсоветской России в начале XXI века как поставщика на мировой рынок продукции низкой степени передела (энергоресурсы, металл, удобрения и пр.) фактически тождественен месту и роли Российской империи в мировой империалистической системе начала прошлого века, основной статьей экспорта которой были продовольственные товары (прежде всего, хлеб) и сельскохозяйственное сырье.

Как и сто лет назад, воспроизводственный цикл российского монополистического капитала существенно зависит от передовых технологий наиболее развитых экономик мира. Так, справедливо указывая на риски

консервации отсталой структуры экономики при сохранении текущего периферийного места страны в глобальных производственных сетях, В. Г. Варнавский пишет, что сегодня у России других конкурентных преимуществ «кроме сырья и энергоносителей пока просто нет»²⁵⁰. Однако проблема заключается в том, что добыча и переработка нефти и природного газа как основных экспортных товаров постсоветской России напрямую зависят от технологий наиболее развитых экономик мира.

Так, еще в августе 2018 г. глава Совета Безопасности РФ Николай Патрушев признал, что западные санкции в отношении российских энергетических монополий «обозначили проблему уязвимости и зависимости отечественной энергетики от иностранного капитала и иностранных технологий, оборудования, программного обеспечения»²⁵¹.

В декабре 2018 г. Правительство РФ утвердило «Стратегию развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года». Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что помимо наличия объективных проблем (исчерпание запасов в легкодоступных высокорентабельных нефтегазовых месторождениях и отсутствия или дефицита определенного перечня стратегически важных полезных ископаемых) весь цикл воспроизводства российской минерально-сырьевой базы – от геологоразведки до переработки – находится в исключительной зависимости от импорта иностранных технологий, оборудования и программного обеспечения²⁵².

Тотальную зависимость российских нефтегазовых монополий от технологий западных нефтесервисных корпораций подтверждает исследование отечественного рынка нефтесервисных услуг, проведенное в 2017 г. международной аудиторско-консалтинговой компанией KPMG. Несмотря на то, что данные услуги

²⁵⁰ Варнавский В.Г. Роль России в глобальных производственных сетях. // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы Одиннадцатой междунар. конфер., 1 - 3 окт. 2018 г., Москва: в 2-х т. / Ин-т проблем упр. им. В.А.Трапезникова Рос.акад. наук; под общ. ред. С.Н.Васильева, А.Д.Цвиркуна. – Т. 1: Пленарные доклады, секции 1 - 7. – М.: ИПУ РАН, 2018. С. 97

²⁵¹ URL: <https://www.interfax.ru/russia/623771> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁵² Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/WXRSEBj6jnRWNrumRkDakLcqfAzY14VE.pdf> (дата обращения: 30.12.2019).

(геологоразведочные работы, разведочное и эксплуатационное бурение и т.д.), в основном, оказывают отечественные независимые компании или внутренние подразделения самих нефтегазодобывающих гигантов, тем не менее «российские нефтесервисные компании – это в первую очередь потребители технологий»²⁵³. При этом если рынок высокотехнологичных решений и оборудования характеризуется «тотальным господством» западных компаний (в основном, американских Schlumberger и Halliburton), то низкий и средний ценовой сегмент уже занят быстрорастущими китайскими производителями.

Отдельно отметим: крупнейшие западные нефтесервисные ТНК активно эксплуатируют отечественную научно-инженерную школу, открывая на территории России корпоративные научно-технологические центры. Так, например, Новосибирский Технологический Центр, открытый крупнейшей в мире американской нефтесервисной корпорацией Schlumberger в Новосибирском Академгородке в 2004 г., является крупнейшим в глобальной структуре компании центром по разработкам в области гидравлического разрыва пласта (основного способа интенсификации нефтедобычи) и их внедрению в производство.

Таким образом, колоссальное научно-технологическое отставание от центров мирового капиталистического хозяйства подрывает конкурентоспособность даже экспортно-ориентированных топливно-энергетических отраслей, являющихся, по выражению С. Ю. Глазьева, «витриной российского капитализма».

Точечные попытки решения проблемы научно-технологической отсталости посредством создания «высокотехнологичных» государственных корпораций закономерно «вызывают нарекания из-за многочисленных случаев неэффективного управления, нецелевого расходования бюджетных средств, связанных с этим злоупотреблений и т. д.»²⁵⁴. Отметим, что высокий уровень коррупции, характерный для царской России в начале XX века, остается одной из

²⁵³ Исследование российского нефтесервисного рынка в 2016-2017 гг. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/11/ru-ru-oilfield-service-companies.pdf>. С. 12. (дата обращения: 30.12.2019).

²⁵⁴ Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики. // Экономическое возрождение России. – 2015. – №1. – С. 15.

главных проблем российской социально-экономической системы в первой четверти XXI века. В рейтинге «Индекс восприятия коррупции», который составляется международной организацией Transparency International и измеряет уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, Российская Федерация стабильно попадает во вторую сотню списка стран, заняв в 2020 г. 129 место из 180²⁵⁵.

Подтверждением такой оценки служат результаты проверок деятельности инновационных государственных корпораций, проведенных Счетной палатой РФ за последнее десятилетие. Приведем лишь несколько примеров.

В 2012 г. Счетная палата РФ совместно с МВД России провела проверку эффективности расходования государственных субсидий, выделенных инновационному центру «Сколково», в ходе которой «были выявлены многочисленные нарушения и недостатки, связанные с деятельностью Фонда», в том числе финансовые нарушения на общую сумму 3,8 млрд рублей и отсутствие каких-либо целевых показателей в привязке к срокам их реализации на всю сумму выделенных субсидий в размере 31,6 млрд руб. По итогам проверки были возбуждены уголовные дела по фактам хищений в отношении Генерального директора и иных высших должностных лиц Фонда и дочерних обществ²⁵⁶.

Результаты проверки деятельности «Роснано» в 2013 г., по утверждению аудиторов, «свидетельствуют о ненадлежащем исполнении ОАО «РОСНАНО» возложенных на него целей и задач по развитию отечественной nanoиндустрии». В частности, 47 млрд руб. (более трети от общего объема финансирования проектов) были вложены в различные зарубежные фонды и организации при отсутствии какого-либо подтверждения эффективности данных инвестиций. При этом «некоторым ведущим российским научным организациям» в финансировании

²⁵⁵ Россия в Индексе восприятия коррупции-2020: 30 баллов и 129 место. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (дата обращения: 15.01.2022).

²⁵⁶ Счетная палата проверила инновационный центр "Сколково". URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/267/> (дата обращения: 06.08.2018); Фонд «Сколково» представил информацию об устранении нарушений, выявленных в ходе проверки Счетной палаты. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/402/> (дата обращения: 06.08.2018).

было отказано. Вообще же в результате проверки был выявлен весь спектр нарушений и злоупотреблений, характерных для постсоветской России: перечисление денежных средств «фирмам-однодневкам» на сумму более 1,2 млрд руб., расходы в размере 4 млрд рублей на различного рода сомнительные консультационные и экспертные услуги, заключение сделок с прямой и косвенной заинтересованностью менеджмента и т.д.²⁵⁷

В январе 2019 г. аудиторы Счетной палаты РФ сообщили, что Государственный инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий («Росинфокоминвест»), созданный в 2007 г. для развития российской отрасли информационно-коммуникационных технологий, за 10 лет работы инвестировал средства лишь в один проект, который оказался схемой по выводу денежных средств на Каймановы Острова (один из крупнейших мировых офшоров)²⁵⁸.

Тем самым существенные масштабы коррупции, хищений и злоупотреблений в государственных корпорациях, созданных для построения отечественной инновационной экономики, значительно тормозят в том числе и развитие высокотехнологичного производства²⁵⁹.

Таким образом, очевидно, что реализация на протяжении пореформенного периода по сути экономической стратегии «рыночного фундаментализма» привела к значительной деградации национальных производительных сил и, в частности, к упадку высокотехнологичного производства, в результате чего сегодня в структуре глобальных производственных сетей Россия выполняет незавидную роль субподрядчика и рынка сбыта для транснационального капитала центров мирового капиталистического хозяйства.

²⁵⁷ Счетная палата проверила ОАО "Роснано". URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/350/> (дата обращения: 06.08.2018).

²⁵⁸ 10 лет Росинфокоминвест не выполняет задачу развития отрасли информационно-коммуникационных технологий. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/35712 (дата обращения: 30.12.2019).

²⁵⁹ В связи с этим справедливо утверждение Г. Н. Цаголова о том, государственные корпорации, «призванные по идее служить созидательным противовесом спекулятивно-компраторской олигархии, отчасти уподобились тем, кому надлежало давать положительный пример» (Цаголов Г. Н. Новое интегральное общество – седьмая формация // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Цаголова Г.Н. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 122).

Российская экспортно-сырьевая экономика с ярко выраженным доминированием финансово-спекулятивного сектора критически зависит от мировых сырьевых и финансовых рынков, центры манипулирования которыми сосредоточены в противостоящих российскому капиталу ведущих экономиках мира. Между тем глобальный капиталистический рынок, как и сто лет назад, захвачен и поделен крупнейшими монополистическими группировками, власть которых «основана на слиянии экономической мощи ТНК с политической силой государства»²⁶⁰. Попытки активного участия российского государства в продвижении своих национальных интересов на региональном и глобальном уровнях объективно приводят к столкновению со странами «коллективного Запада», к тому же отягощенными все более нарастающими внутренними противоречиями в борьбе за «место под солнцем» с бурно развивающимися полупериферийными экономиками (прежде всего с Китаем).

3.3. Роль высокотехнологичного производства в обеспечении национальной экономической безопасности и взаимовыгодной интеграции России в мировое хозяйство²⁶¹

Фактически неолиберальная глобализация, подстегнутая распадом мировой социалистической системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., оказалась формой экономического раздела (реколонизации) стран периферии крупнейшими монополистическими группировками центров мировой экономики («триада» США, ЕС и Японии), в результате чего транснациональные финансово-

²⁶⁰ Хубиев К.А. Современные тенденции мирового экономического развития: политэкономический подход. // Проблемы современной экономики. – 2017. – №1. – С. 66.

²⁶¹ При написании данного раздела были использованы материалы из следующих ранее опубликованных работ автора: Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131; Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70; Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102; Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия Фридриха Энгельса // Вопросы политической экономии. – 2021. - № 1 (25). - С. 53-64.

промышленные корпорации монополизировали глобальные производственные отношения, взяв под тотальный контроль мировую торговлю, промышленное производство, международные финансовые потоки и научно-технологическое развитие. В результате сегодня геоэкономическое пространство оказалось структурировано в соответствии с иерархически выстроенной глобальной производственно-сбытовой системой (см. таблицу 14).

Таблица 14. Структура мирового капиталистического хозяйства в начале XXI века

Блок стран	Характеристика и модель экономического развития	Ведущие страны
Центр («Север» или «ядро»)	Субъекты глобальной гегемонии капитала, осуществляющие переход к постиндустриальному капитализму на основе эксплуатации рабочей силы и природных ресурсов стран (полу)периферии	«Старые» империалистические державы во главе с США
Периферия: индустриальный Юг	Развивающиеся страны, осуществляющие «догоняющее» развитие зависимого типа на основе экспортно-ориентированной индустриализации	Крупные новые индустриальные экономики во главе с Китаем
Периферия: рентно-сырьевые страны	Развивающиеся страны, осуществляющие развитие зависимого типа на основе экспорта энергоресурсов	Крупные поставщики энергоресурсов (напр., Саудовская Аравия)
Периферия	Слаборазвитые страны, крайне зависимые от иностранного капитала	-

Источник: составлено автором.

При этом, как указывает К. А. Хубиев, в начале XXI века разворачивается «конкурентная борьба экономических союзов стран, совокупный потенциал которых позволяет влиять на мировую экономическую конъюнктуру»²⁶². Безусловно, в первую очередь, это относится к геоэкономическому и геополитическому подъему Китая, интеграция которого в глобальную

²⁶² Хубиев К.А. Современные тенденции мирового экономического развития: политэкономический подход // Проблемы современной экономики. – 2017. – №1. – С. 63.

капиталистическую систему с началом периода «реформ и открытости» сама по себе стала одним из драйверов неолиберальной глобализации²⁶³.

Как мы уже указывали выше, в списке 2000 крупнейших корпораций по версии Forbes за 2020 г. совокупные активы крупнейших китайских компаний достигли \$50,2 трлн (второе место после США), а совокупный размер иностранных активов китайских транснациональных гигантов, среди которых «преобладают компании обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичных отраслей»²⁶⁴, сопоставим с зарубежными активами крупнейших международных монополий Японии и Франции. При этом несмотря на отставание от США по производству продукции отраслей высоких технологий, по общему объему выпуска продукции высоко- и средне-высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности Китай обогнал Соединенные Штаты уже в 2011 г.²⁶⁵

Следует отметить возрастающее влияние Китая на глобальную финансовую систему. В посткризисное десятилетие на фоне резкого сокращения трансграничной активности финансовых конгломератов стран ядра китайские государственные банки увеличили количество зарубежных филиалов в два раза, нарастив свою долю в совокупных активах 50 крупнейших транснациональных банков мира до 30%²⁶⁶. При этом, как справедливо заметил С. Амин, Китай «до сих пор не интегрировался в мировую денежно-кредитную систему»²⁶⁷. Более того, Китай предлагает свой вариант перестройки мирового торгово-экономического пространства вокруг проекта «Один пояс – один путь», впервые озвученный председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.

²⁶³ Li M. *The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy*. – London: Pluto Press, 2008. P. 107.

²⁶⁴ Лучко М.Л. Китайские ТНК на мировом инвестиционном поле // МЭиМО. – 2017. – №9. – С. 48.

²⁶⁵ Варнавский В.Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – Т. 11. – № 2. – С. 105.

²⁶⁶ World Investment Report 2017 / UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed 24.02.2021).

²⁶⁷ Амин С. Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // *Вопросы политической экономии*. – 2019. № 1. – С. 30.

Очевидно, что «старые» империалистические державы (прежде всего, Соединенные Штаты Америки), которые являлись основными бенефициарами глобализационной фритредерской волны последних 40 лет, становятся главными противниками дальнейшей либерализации мировой экономики, справедливо опасаясь дальнейшего усиления геоэкономических позиций Китая и других быстрорастущих экономик. По мнению Джагдиша Бхагвати, одного из самых известных сторонников глобализации в ее неолиберальной форме²⁶⁸, именно США и ЕС наносят самый чувствительный удар по сложившейся после Второй мировой войны системе многосторонней внешней торговли: «Ущерб, нанесенный многосторонности провалом Дохийского раунда переговоров, усугубляется существенными дискриминационными, преференциальными «региональными» торговыми инициативами Соединенных Штатов и Европейского Союза»²⁶⁹.

Следует подчеркнуть, что в условиях нарастающей конфронтации между крупнейшими экономиками мира переориентация российской экономики на активно формирующиеся политико-экономические межгосударственные блоки типа БРИКС и ЕАЭС без восстановления собственного научно-технологического потенциала и опережающего развития высокотехнологичного производства вряд ли поставит Россию в выгодную позицию. Напротив, при сохранении статус-кво наиболее вероятным вариантом представляется попадание постсоветской России в экономико-технологическую «зависимость от стран, которые сегодня выступают в роли наших союзников»²⁷⁰.

О таком варианте недвусмысленно свидетельствует структура внешней торговли России со своим основным геополитическим союзником – Китайской Народной Республикой. По итогам 2018 г. основными российскими экспортными товарами в Китай традиционно выступили минеральное сырье (нефть и газ), а также древесина (76% и 9% от всего объема российского экспорта в Китай соответственно). При этом основная статья импорта из Китая – машины,

²⁶⁸ См., например: Bhagwati J. In Defense of Globalization. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

²⁶⁹ Bhagwati J. Dawn of a New System // Finance and Development. – December 2013. – P. 11.

²⁷⁰ Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 25.

оборудование и транспортные средства, доля которых составила более 50% от всего объема китайского импорта в Россию²⁷¹.

Более того, за последнее десятилетие Россия «существенно ослабила свои позиции в Центральной Азии и беспрепятственно уступила Китаю статус главного действующего лица в регионе»²⁷². Так, например, совокупный товарооборот между Китаем и пятью среднеазиатскими государствами (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан) за 20 лет вырос более чем на порядок: с \$1,8 млрд в 2000 г. до \$45,1 млрд в 2019 г. Сегодня Китай является главным торговым партнером Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана и вторым партнером Казахстана.

Нельзя сказать, что проблема постепенного дрейфа страны на периферию мирового капиталистического хозяйства вследствие реализации экспортно-сырьевой экономической модели полностью игнорируется российским правительством. Так, например, в декабре 2018 г. на основе очередных «майских указов» Правительство РФ утвердило отдельный национальный проект «Международная кооперация и экспорт», согласно которому к 2024 г. экспорт конкурентоспособной промышленной продукции, сельскохозяйственной продукции и услуг должен составить в целом не менее 20% от ВВП²⁷³.

Важно, что развитие собственного научно-технологического ядра является необходимым условием сохранения лидирующих позиций постсоветской России в производстве и мировой торговле вооружениями. Как отмечали еще советские экономисты в 80-х годах прошлого века, «государственная военная машина ныне не может существовать с опорой на одну лишь изолированную военную промышленность»²⁷⁴.

²⁷¹ Торговля между Россией и Китаем в 2018 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2018-g/> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁷² Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – №2. – С. 50.

²⁷³ Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://government.ru/info/35564/> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁷⁴ Империи финансовых магнатов: транснациональные корпорации в экономике и политике империализма. – М.: Мысль, 1988. С. 129.

С крушением колониальной системы страны периферии оказались в состоянии технологической зависимости от центров мирового капиталистического хозяйства²⁷⁵. Сегодня мировое капиталистическое хозяйство характеризуется «технологическим колониализмом» высокоразвитых стран, который представляет собой извлечение последними дополнительной «технологической» ренты за счет монополизации достижений научно-технического прогресса²⁷⁶.

В этих условиях, как справедливо указывает С. Д. Бодрунов, «одной из основных стратегических задач современной России является завоевание и удержание технологического лидерства»²⁷⁷. Между тем за годы неолиберальных реформ отечественное высокотехнологичное производство существенно деградировало, а в планах российского правительства отсутствует какое-либо упоминание о реиндустриализации российской экономики как системе взаимоувязанных мероприятий по долгосрочному комплексному развитию высокотехнологичного производства в интеграции со сферами науки и образования.

Характерно, что в условиях резкого сокращения государственных расходов на науку после распада СССР частнокапиталистические структуры, оказавшиеся собственниками крупнейших обломков советских производственно-технологических отраслевых комплексов, не спешат вкладывать деньги в инновационное развитие. В отличие от стран ОЭСР и Китая, где частный капитал финансирует более 60% (в Китае – более 75%) научных исследований, в России доля корпоративного капитала в финансировании расходов на НИОКР в 2019 г. составила чуть более 30%²⁷⁸.

²⁷⁵ Белоус Т.Я. Международные промышленные монополии. – М.: Мысль, 1972. С. 274.

²⁷⁶ Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 19.

²⁷⁷ Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики. // Экономическое возрождение России. – 2018. – №3. – С. 5.

²⁷⁸ Main Science and Technology Indicators. Vol. 2021. Issue 1. 2021. OECD. P. 22. URL: [Main Science and Technology Indicators, Volume 2021 Issue 1 | READ online \(oecd-ilibrary.org\)](https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators-volume-2021-issue-1) (accessed: 30.12.2019).

Выпуск станков с числовым программным управлением в 2015 г. составил 1,2% от уровня 1990 г.²⁷⁹ При этом, согласно данным РАНХГНИС, по состоянию на июль 2017 г. 93% российских промышленных компаний заявили о своей зависимости от импорта иностранных сырья, машин и оборудования, так как российские аналоги или не производятся вообще (о чем заявили 69% опрошенных), или представляют собой продукцию низкого качества (37% опрошенных). Лишь 7% российских промышленных предприятий «сообщили о сокращении или о полном обнулении физической доли импорта в закупках машин и оборудования» в IV квартале 2017 г.²⁸⁰

Приоритетным направлением развития современного высокотехнологичного производства является внедрение комплексных роботизированных систем в производственные процессы. Однако, по уровню внедрения промышленных роботов Россия, которая в советский период была одним из мировых лидеров робототехники²⁸¹, за годы либеральных реформ была отброшена на обочину мирового рынка, отставая от передовых промышленных держав на десятилетия. По состоянию на 2015 г. плотность роботизации в России составляла менее двух роботов на 10 000 рабочих мест, в Китае – 49, в США – 176, в Германии – 301, в Японии – 305, в Южной Корее – 531²⁸². Примечательно, что «в 2015 г. был закрыт Волжский машиностроительный завод, который был единственным производителем промышленных роботов в стране»²⁸³.

Доля отечественных поставщиков на российском рынке микроэлектроники составляет менее одного процента. По плану Минпромторга доля импорта к 2020

²⁷⁹ Колганов А.И. Структура российской экономики: потенциал адаптации цифровых технологий // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»: сборник статей. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 152.

²⁸⁰ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. №2 (63). Февраль. С. 18. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_2-63_February.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

²⁸¹ Колганов А.И. Структура российской экономики: потенциал адаптации цифровых технологий // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»: сборник статей. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 153.

²⁸² Варшавский А.Е. Проблемы развития прогрессивных технологий: робототехника // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т.8. – № 4(s). С. 686.

²⁸³ Там же. С. 695.

г. должна была снизиться до 97,6%, что, по мнению российских чиновников, являлось бы «большим прогрессом»²⁸⁴. Однако в октябре 2019 г. завод по производству микрочипов «Ангстрем-Т» (один из крупнейших в постсоветской России проектов по развитию микроэлектроники, включенный Правительством РФ в план развития радиоэлектронной промышленности и получивший кредит от государственной корпорации «Внешэкономбанк» на сумму более 800 млн евро) был официально признан банкротом²⁸⁵.

В результате реализации неолиберальных реформ в пореформенный период в стране, которая в середине прошлого века первой в мире запустила искусственный спутник Земли, к началу XXI века производство космических спутников оказалось под угрозой вследствие критической зависимости от импортных поставок и технологий: современное поколение отечественных спутников ГЛОНАСС-М более чем на три четверти состоит из иностранных компонентов²⁸⁶.

Несмотря на несомненные успехи российской науки в борьбе против COVID-19 (разработка вакцин), пандемия выявила колоссальную зависимость России от импорта лекарственных субстанций и оборудования для фармацевтического производства. В постсоветской России производится всего лишь 15% субстанций, остальное ввозится из-за рубежа. Основными поставщиками являются Китай и Индия. При этом «практически все технологическое оборудование закупается за рубежом», так как в России «нет ни одной специализированной компании, выпускающей оборудование для фармацевтического производства»²⁸⁷. Также следует отметить, что бюджетные средства затрачиваются в основном на закупку импортных медикаментов, «то есть за счет средств российских

²⁸⁴ Отечественную радиоэлектронику простимулируют низким процентом // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/11/23/617874-otechestvennuyu-radioelektroniku-prostimuliruyut-nizkim-protsentom> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁸⁵ Арбитражный суд признал банкротом завод «Ангстрем-Т» // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/10/28/814844-angstrem-t?utm> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁸⁶ Россия отказывается от серийного выпуска спутников ГЛОНАСС // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2019/5d10ef6d9a79476950dcf15e> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁸⁷ Лин А.А., Слепнев Д.М., Румянцева М.С. Тотальная импортозависимость фармацевтического рынка – угроза национальной безопасности России // Экономическое возрождение России. – 2014. – №1 (39). – С. 141–149.

налогоплательщиков финансируются зарубежные фармацевтические производители»²⁸⁸.

В результате деиндустриализации постсоветской экономики произошла существенная деградация ключевого элемента производительных сил любого общества – человеческого потенциала. Профессиональная структура занятости в России оказалась смещена в сторону неквалифицированных и полуквалифицированных профессий, для получения которых достаточно неполного среднего образования: каждый шестой в постсоветской России работает водителем, продавцом или охранником; еще более пяти миллионов человек трудятся в качестве неквалифицированных рабочих (грузчики, уборщики, комплектовщики, сторожа и пр.)²⁸⁹. Неудивительно, что «у значительной части российских работников полученное образование является избыточным по отношению к той квалификации, которая реально необходима для работы»²⁹⁰.

В таких условиях преодоление научно-технологической отсталости как основное условие вхождения в группу наиболее развитых экономик на основе реализации нелиберальной «догоняющей» модели капиталистического развития не имеет каких-либо перспектив. Поэтому отдельные проекты или стратегии экономического развития без комплексного изменения проводимой ранее экономической политики «рыночного фундаментализма», характерной для стран периферии мирового капиталистического хозяйства, обречены на имитационный характер реализации.

В связи с этим преодоление ловушки деиндустриализации на основе развития высокотехнологичного производства, на наш взгляд, возможно, посредством «отключения» (delinking в терминологии С. Амина) российской экономики от «глобальной гегемонии корпоративного капитала» стран центра мирового хозяйства с целью структурной перестройки существующей периферийной

²⁸⁸ Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов А.С. Фармацевтический рынок: структурные особенности фармацевтического рынка в России // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4(44). – С. 338.

²⁸⁹ Профессии на российском рынке труда: аналит. докл. НИУ ВШЭ / отв. ред. Н. Т. Вишневская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 57-58.

²⁹⁰ Там же. С. 40.

экспортно-сырьевой модели экономики, ориентированной сегодня на мировые рынки сырья и капитала, а не на внутреннее развитие страны.

При этом в условиях глобального обобществления производственных отношений, ставшего сегодня объективной реальностью, такое «отключение» должно быть органично дополнено генезисом и развитием проекта международной интеграции и кооперации на условиях, качественно отличных от существующих ныне в рамках центр-периферийной модели «нового империализма», основанной, как и сто лет назад, на отношениях господства и подчинения.

В первой четверти прошлого века смена зависимого общественно-экономического вектора развития страны позволила Советской России изменить «положение страны на мировой арене, характер воздействия внешних факторов на развитие России, на решение задач по модернизации экономики, всех социальных институтов»²⁹¹. Поэтому сегодня выстраивание системы «знаниеинтенсивного производства» (в терминологии С. Д. Бодрунова²⁹²) или «креатосферы» (термин А. В. Бузгалина и А. И. Колганова²⁹³) требует смены вектора социально-экономического развития страны и выхода за рамки империалистической системы координат.

Суммируя выводы третьей главы, акцентируем внимание на следующих признаках экстравертного или экспортно-ориентированного типа накопления российского корпоративного капитала, характерного в целом для периферии мирового капиталистического хозяйства.

Во-первых, небольшое количество крупных отечественных транснациональных корпораций, несущественный размер их зарубежных активов по сравнению даже с сопоставимыми по уровню развития и масштабам экономики (полу)периферийными странами, а также ярко выраженная экспортно-сырьевая ориентация российской экономики. При этом даже в самой благополучной –

²⁹¹ Шевченко В.Н. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России // Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, П. Линке; Предисл. А.В. Бузгалина. – М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 379.

²⁹² Бодрунов С. Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. С. 66.

²⁹³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 89-140.

нефтегазовой – отрасли российской промышленности наблюдаются фундаментальные проблемы, связанные с тотальной зависимостью от иностранных технологий, оборудования и программного обеспечения, абсолютной недостаточностью инвестиций в НИОКР.

Во-вторых, подчиненное положение отечественного финансового капитала на международном валютно-финансовом рынке вкупе с проведением кредитно-денежной политики в интересах экспортно-сырьевого капитала (существенно заниженный официальный курс и периодическое обесценение рубля для поддержания конкурентоспособности экспортно-сырьевых отраслей, а также в «стерилизация» валютных поступлений посредством вложений в ценные бумаги и долги развитых стран и т.п.).

В-третьих, необходимость поддержания активного сальдо торгового баланса для покрытия систематически отрицательного сальдо платежного баланса вследствие значительных размеров ежегодного вывоза капитала из страны.

В то же время в постсоветской России сохраняется значительный военно-промышленный и научно-технологический потенциал, а российский капитал сохраняет контроль за природными ресурсами, удерживая по определенным отраслям промышленности лидирующие позиции.

Между тем формирование в результате развертывания неолиберальной глобализации глобальной производственной системы на основе глобальных производственных сетей привело к определенной деиндустриализации стран центра и усилению крупнейших стран периферии, что породило феномен *нового империализма*, для которого характерна борьба в сфере научно-технологического развития. В этих условиях развитие отечественного высокотехнологичного производства, существенно деградировавшего после интеграции российской экономики в систему международного разделения труда, становится неотложной задачей для постсоветской России.

Заключение

В данной работе место и роль российского корпоративного капитала в мировом хозяйстве показана посредством использования теоретико-методологического аппарата современной политэкономической теории, в рамках которой исследование социально-экономических систем опирается на формационный подход, то есть смены способов производства как диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений. При этом анализ пространственного измерения места национального капитала в мировом капиталистическом хозяйстве во многом основан на системе категорий школы мир-системного анализа, который рассматривает любую национальную социально-экономическую систему не изолированно, а как часть капиталистической мир-системы.

Как указывал К. Маркс, «движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала»²⁹⁴. Тем самым капитализм как социально-экономическая система имеет своей целью бесконечное накопление капитала. С этой точки зрения способность обеспечивать и поддерживать непрерывное накопление капитала в конкретной социально-экономической системе является ключевой характеристикой центра мирового хозяйства, позволяющего отличить его от стран периферии капиталистической мирохозяйственной системы.

При этом такая способность обеспечивается генезисом, становлением и развитием национального монополистического капитала (сегодня в форме международных монополий), который участвует в экономическом разделе мира и регулировании мирохозяйственных связей, тем самым перераспределяя потоки капитала в пользу центров мирового капиталистического хозяйства.

В данной работе показано, что интеграция российской экономики в мировое хозяйство как в дореволюционный, так и в постсоветский периоды происходила в

²⁹⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. С. 342.

условиях формирования капиталистических производственных отношений в национальной социально-экономической системе. Следует отметить, что исходным пунктом трансформационных процессов являлись некапиталистические экономические системы (в Российской империи конца XIX века – позднефеодальная экономика с узким капиталистическим укладом, в Российской Федерации конца прошлого века – экономика «реального социализма»), а сам трансформационный процесс был направлен на формирование социально-экономических отношений, аналогичных сложившимся в соответствующий период времени в развитых капиталистических экономиках. При этом, однако, трансформационные процессы в российской экономике оказались сопряжены с качественными изменениями в самой капиталистической системе, которая с первой волной экономической глобализации достигает к началу XX века мировых масштабов, а с распадом мировой социалистической системы и развертыванием неолиберальной глобализации в конце XX века становится всемирной. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в становлении российского варианта капитализма и, соответственно, закрепления специализации России в системе международного разделения труда в качестве поставщика товаров низкой степени передела.

В частности, развитие монополистического капитализма в Российской империи происходило в период генезиса и становления мирового капиталистического хозяйства и осуществлялось во многом с опорой на иностранный финансовый капитал. После начала реформ 1860-х годов стремительная интеграция страны в систему международного разделения труда в качестве поставщика продовольственного сырья (прежде всего зерна), а в сферу международных финансовых отношений – в качестве крупнейшего в мире заемщика, с одной стороны, обеспечила приток золота, столь необходимого для оплаты услуг иностранного капитала (в виде процентов и дивидендов) и непроизводительного потребления правящей элиты; с другой – привела к консервации полуфеодальных, полукрепостнических производственных

отношений, той самой «азиатчины», которая тормозила социально-экономическое развитие страны.

Основным противоречием социально-экономического развития Российской империи в пореформенный период стало проведение экономической политики, направленной на перевод помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы без какого-либо ущемления экономико-политической власти помещиков, выступавшего опорой русского самодержавия. Описывая пропасть между выращенной с помощью иностранного финансового капитала и казенных заказов «промышленной» (буржуазно-помещичьей) и «сельскохозяйственной» (крестьянской) Россией начала XX века, русский экономист И. Х. Озеров писал, что «золотая одежда, в которую мы одели Россию с падающими избенками и голодающим населением, – очень хорошая одежда, но несколько дорога для нас, и чтобы удержать на себе это богатое украшение, нам приходится во многом отказывать себе, вывозить и вывозить хлеб, яйца, самих себя...»²⁹⁵.

В конечном счете финансовая несамостоятельность царского правительства и национального монополистического капитала привела к существенной зависимости внешнеполитического курса страны от интересов империалистических держав и обеспечила ее вступление в Первую Мировую войну.

Интеграция постсоветской России в систему международного разделения труда в конце XX – начале XX вв., последовавшая вслед за распадом СССР и крушением мировой социалистической системы, существенно изменила место и роль России в мировом капиталистическом хозяйстве. Эти изменения были также обусловлены трансформационными процессами в самой мирохозяйственной системе.

Еще раз подчеркнем: по мере развертывания процессов неолиберальной глобализации качественно более высокий по сравнению с началом прошлого века уровень обобществления производства породил феномен «коллективного

²⁹⁵ Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. С. 3.

империализма», в рамках которого правящие «элиты» старых империалистических держав («триада» США, Западной Европы и Японии) осознали необходимость координации своих действий в целях уравнивания противоречивых интересов различных транснациональных монополистических группировок и сохранения социально-политической стабильности мирохозяйственной системы²⁹⁶.

Однако в рамках капиталистического способа производства «совместные действия интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них»²⁹⁷. Обратной стороной процесса переноса промышленного производства в страны периферии стала быстрая индустриализация ряда крупных периферийных стран (Китай, Индия, Бразилия и др.), в результате которой последние превратились в самостоятельный мощный фактор международных отношений. Кормовая база для транснационального монополистического капитала стран «триады» относительно сокращается, что приводит к расколу и фрагментации казавшегося прежде единым геоэкономического пространства. Стабильное снижение интенсивности мировой торговли и международных инвестиций, а также рост протекционизма и торговых войн в посткризисное десятилетие свидетельствуют о нарастающих дисбалансах и противоречиях в мировой капиталистической системе.

В рамках современной политэкономии тектонические сдвиги в мирохозяйственной системе можно охарактеризовать как трансформацию неолиберального этапа позднего капитализма в новый империализм, в рамках которого захват и удержание гегемонии в сфере научно-технологического прогресса является основополагающим фактором в борьбе за сферы влияния и за передел уже «освоенных хозяйственных территорий».

В этих условиях само геополитическое противостояние постсоветской России и «коллективного Запада» является, на наш взгляд, особенной формой всеобщего кризиса неолиберальной глобализации, проявляющегося в

²⁹⁶ Amin, S. *Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism*. – New York: Monthly Review Press, 2016. P. 32.

²⁹⁷ Маркс К. *Капитал*. Том III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25 ч.1. – М.: Политиздат, 1961. С. 212.

противоречии между развернувшимся в полный рост процессом глобального обобществления производства и нарастающей в посткризисное десятилетие конкуренцией «национальных империализмов».

В ходе исследования было выявлено, что воспроизводство российского корпоративного капитала, во многом основанное на извлечении природной ренты посредством реализации экспортно-сырьевой модели экономики, снова, как и сто лет назад, натывается на пределы, определенные догоняющей моделью капиталистического развития. При этом подчинение процессов воспроизводства российской экономики потребностям транснационального монополистического капитала центров мирового хозяйства вследствие существенной зависимости от мировых сырьевых и финансовых рынков идет на пользу лишь небольшой группе собственников экспортно-ориентированного капитала и связанной с ним государственной бюрократии. В этих обстоятельствах, как отмечал В. Т. Рязанов, «давно назревшая диверсификация российской экономики тормозится недостатком экономической заинтересованности в ней со стороны как сырьевого комплекса, так и государственного аппарата»²⁹⁸.

В результате исследования были выявлены общие для Российской империи и Российской Федерации признаки, характеризующие двойственность российской экономики: с одной стороны, наличие определенного промышленного и существенного военно-политического потенциала, позволяющего оказывать влияние на систему международных отношений, а с другой – сырьевой характер товарного экспорта, усиленный вывоз капитала из страны, существенная зависимость от иностранного капитала и технологий, непроизводительное потребление доходов от сырьевого экспорта в ущерб инвестированию в развитие высокотехнологичного производства.

При этом очевидно, что развитие отношений капиталистической планомерности вследствие глобального обобществления и гигантского роста производительных сил привело к интенсификации глобальных проблем и угрозе

²⁹⁸ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. С. 430.

дестабилизации глобальной системы социально-экономических отношений. Как это ни парадоксально, но исторический опыт (например, опыт мировых войн или глобальных финансово-экономических кризисов) показывает: чем теснее взаимосвязь и глубже взаимозависимость различных частей глобального капиталистического хозяйства, тем глубже и острее противоречия его собственного развития, разрешение которых посредством конфликта между глобальными центрами силы может привести к катастрофическим последствиям вплоть до распада отдельных государств и деградации всей глобальной системы социально-экономических отношений.

В этих условиях упадок отечественного высокотехнологичного производства в пореформенный период априори не позволяет России эффективно конкурировать как со странами «коллективного Запада», так и с государствами периферии, претендующими сегодня на передел геоэкономического пространства. Российской экономике необходима реиндустриализация, понимаемая как система взаимоувязанных мероприятий по долгосрочному комплексному развитию высокотехнологичного производства в интеграции со сферами науки и образования.

Список литературы

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 162 с.
2. Амин С. Современный империализм // Вопросы политической экономии. - 2016. – №1. – С. 9-20.
3. Амин С. Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 23-33.
4. Арбитражный суд признал банкротом завод «Ангстрем-Т» // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/10/28/814844-angstrom-t?utm>
5. Астапович А.З. Международные корпорации США: тенденции и противоречия развития. – М.: Наука, 1978. – 192 с.
6. Астапович А.З. Транснациональный капитал США в мировом хозяйстве. – М.: Наука, 1990. – 198 с.
7. Белоус Т.Я. Международные промышленные монополии. – М.: Мысль, 1972. – 279 с.
8. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. – 318 с.
9. Бовыкин В.И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861-1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М: РОССПЭН, 2003. – С. 9-32.
10. Бодрунов С.Д. Государство и революция // Экономическое возрождение России. – 2019. – №2. – С. 9-16.
11. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. – 2015. – №1. – С. 7-22.
12. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

13. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. – 2018. – №3. – С. 5-12.
14. Большая разница: сравнение РБК 500 и Fortune 500 // РБК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2017/59c100d19a794716034fff05>
15. Будрейко Е.Н. Химическая наука в XX столетии. 1900 г. – 1940-е гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/impressionism/43278.php>
16. Бузгалин А.В. Империализм в XXI веке: протоимперии и восстание периферии // Экономическое возрождение России. – 2017. – №3. – С. 32-38.
17. Бузгалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается) // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 10-41.
18. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния) // Вопросы политической экономии. – 2015. – №4. – С. 8-23.
19. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
20. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. – М.: Проспект, 2016.
21. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 912 с.
22. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.
23. Валетов Т.Я. Структура экспорта Российской империи по ежегодникам внешней торговли 1802—1915 гг. // Электронный научно-образовательный журнал

«История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001954-8-1/>

24. Варнавский В.Г. Роль России в глобальных производственных сетях. // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы Одиннадцатой междунар. конфер., 1 - 3 окт. 2018 г., Москва: в 2-х т. / Ин-т проблем упр. им. В.А.Трапезникова Рос.акад. наук; под общ. ред. С.Н.Васильева, А.Д.Цвиркуна. – Т. 1: Пленарные доклады, секции 1 - 7. – М.: ИПУ РАН, 2018. – С. 94-98.

25. Варнавский В.Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 11. – № 2. – С. 100-112.

26. Варшавский А.Е. Проблемы развития прогрессивных технологий: робототехника // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8. – № 4(s). С. 682-697.

27. Воейков М.И. Великая российская революция: экономическое измерение: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017. – 57 с.

28. Воейков М.И. Противоречия развития капитализма в России к 1917 году // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – С. 42-57.

29. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 536 с.

30. Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 480 с.

31. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М. 1948. – 454 с.

32. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 48 с.

33. Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар.: Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 304 с.

34. Гобсон Дж. Империализм: Пер. с англ. / Предисл. В.Б. Беленко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 288 с.

35. Грановский Е.Л. Монополистический капитализм в России. – Л.: Прибой, 1929. – 168 с.
36. Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 255 с.
37. Гринберг Р.С. Экономическая теория в кризисе: возможен ли выход без смены парадигмы? // Мир Перемен. – 2018. – №6. – С.
38. Гриценко В.С., Дзарасов Р.С. Потребности в информационных ресурсах в условиях полупериферийного капитализма // Вопросы политической экономии. – 2018. – №4. – С. 57-77.
39. Гузикова Л.А., Люкевич, И.Н., Колесников А.М. Российский капитал: бегство или дорога домой? // Экономическое возрождение России. – 2016. – №1. – С. 101-112.
40. Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №1. – С. 17-30.
41. Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. – Петроград, 1922. – 168 с.
42. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. – 2013. – №1. – С. 49-60.
43. Ерофеев П.В. Экономические отношения России и Франции в конце XIX века - начале XX века в донесениях агента Министерства финансов А.Г. Рафаловича: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – СПб, 2007. – 213 с.
44. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
45. Затраты на науку в России и ведущих странах мира // Бюллетень ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/209009455.html>
46. Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное. – М.: Канон+, 2019. – 464 с.

47. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
48. Империи финансовых магнатов: транснациональные корпорации в экономике и политике империализма. – М.: Мысль, 1988. – 212 с.
49. Исследование российского нефтесервисного рынка в 2016-2017 гг. // KPMG. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/11/ru-ru-oilfield-service-companies.pdf>
50. Кагарлицкий Б.Ю. От империй - к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
51. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
52. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. – Л., 1978. – 287 с.
53. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб: Дмитрий Буланин, 2011. – 594 с.
54. Кокошин А.А. О прогнозах Энгельса относительно Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2019. – №12. – С. 3-16.
55. Колганов А.И. Предреволюционный кризис российского общества // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под общей ред. Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. – С. 84-92.
56. Колганов А.И. Путь к социализму: пройденный и непройденный. От октябрьской революции к тупику «перестройки». Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 400 с.
57. Колганов А.И. Структура российской экономики: потенциал адаптации цифровых технологий // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. «Цифровая экономика: человек, технологии, институты»: сборник статей. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. – С. 150-157.

58. Колганов А.И. Эволюция соотношения денег и капитала: как положенное превращается в предпосылку // Вопросы политической экономии. – 2020. – №4. – С. 39-52.
59. Комолов О.О. Кризис глобализации как отражение пределов капиталистического развития // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 3. – С. 42-57.
60. Кульжный А.Е. Может ли русский земледелец выгодно продавать свой хлеб? Устройство хлеботорговли и товарищеский сбыт хлеба в России. – М.: И. Горбунов-Посадов, 1913. – 126 с.
61. Кульков В.М. Научный потенциал теории национальной экономики // Проблемы современной экономики. – 2021. – №3 (79). – С. 51-54.
62. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. В 2-х тт. Т. 2. Изд. 3-е: переработ. и доп. – М.: Экономика, 1973. – 831 с.
63. Лан В.И. США: От испано-американской до Первой мировой войны. – М.: Наука, 1979. – 368 с.
64. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1973.
65. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 24. – М.: Политиздат, 1973.
66. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – М.: Политиздат, 1973.
67. Ленин В.И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973.
68. Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. – М.: Политиздат, 1973.
69. Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.27. – М.: Политиздат, 1973.

70. Ленчук Е.Б. Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. – 2019. – №1. – С. 46-52.
71. Лин А.А., Слепнев Д.М., Румянцева М.С. Тотальная импортозависимость фармацевтического рынка – угроза национальной безопасности России // Экономическое возрождение России. – 2014. – №1. – С. 141-149.
72. Лучко М.Л. Китайские ТНК на мировом инвестиционном поле // МЭиМО. – 2017. – №9. – С. 45-53.
73. Люксембург Р. Накопление капитала. / Пер. под. ред. М. Двойлацкого с предисл. В. Мотылева. Изд. 5-е. – М. СОЦЭКГИЗ, 1934. – 478 с.
74. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: [учебное пособие для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов]. Т. 2: Капитализм / П. И. Лященко. - Изд. 3-е. – Москва: Политиздат, 1952. – 735 с.
75. Лященко П.И. История русского народного хозяйства. – М., Ленинград: Госиздат, 1927. – 518 с.
76. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Политиздат, 1957. – 391 с.
77. Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – №2. – С. 40-57.
78. Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960
79. Маркс К. Капитал. Том III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25 ч.1. – М.: Политиздат, 1961.
80. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46 ч. II. – М.: Политиздат, 1969.
81. Меньшиков С.М. Анатолия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004. – 428 с.

82. Место России среди ведущих стран мира: ресурсы науки // Бюллетень ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/482453668.html>
83. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. №2 (63). Февраль. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_2-63_February.pdf
84. Никонов А.Д. Гонка вооружений: причины, тенденции, пути прекращения. – М.: Международные отношения, 1986. – 302 с.
85. Овинников Р.С. Сверхмонополии – новое орудие империализма. – М.: Международные отношения, 1978. – 216 с.
86. Озеров Н.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. – 259 с.
87. Отечественную радиоэлектронику простимулируют низким процентом // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/11/23/617874-otechestvennuyu-radioelektroniku-prostimuliruyut-nizkim-protsentom>
88. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47-66.
89. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/info/35564/>
90. Патрушев заявил о проблемах в энергетике из-за отсутствия доступа к иностранным технологиям // Интерфакс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/623771>
91. Петров Н.Н. Интернационализация монополистического накопления и развивающиеся страны. – М.: Наука, 1986. – 296 с.
92. Плетнев Э.П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. – М.: Международные отношения, 1974. – 158 с.

93. Попов Г.Г., Чибисова Е.И. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // Terra Economicus. – 2016. – №3. – С. 87-100.
94. Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). – М.: Мысль, 1985. – 207 с.
95. Пороховский А.А. Глобализация, экономический цикл и будущее капитализма. // США и Канада: экономика, политика и культура. – 2012. – №3. – С. 3-18.
96. Пороховский А.А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении современной экономики // Вопросы политической экономии. – 2016. – №4. – С. 8-22.
97. Профессии на российском рынке труда: аналит. докл. НИУ ВШЭ / отв. ред. Н. Т. Вишневская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 155 с.
98. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. – 382 с.
99. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. – М.: Политиздат, 1955.
100. Розенталь М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. – М.: Политиздат, 1955. – 424 с.
101. Ронин С.Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. – 144 с.
102. Россия в Индексе восприятия коррупции-2020: 30 баллов и 129 место. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiyi/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsiyi-2020-30-ballov-i-129-mesto.html>

103. Россия отказывается от серийного выпуска спутников ГЛОНАСС // РБК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/25/06/2019/5d10ef6d9a79476950dcf15e>

104. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. – СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995. – 415 с.

105. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.

106. Рязанов В.Т. Капитализм и кризисы: становление и развитие политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. – 2015. – №1. – С. 48-63.

107. Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия Фридриха Энгельса // Вопросы политической экономии. – 2021. - № 1 (25). - С. 53-64.

108. Сергеев Г.С. Кризис неолиберального миропорядка сквозь призму ленинской теории империализма // Свободная мысль. - 2020. - № 5 (1683). - С. 23-36.

109. Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. - 2020. - № 2. - С. 122-131.

110. Сергеев Г.С. Российская империя перед Первой мировой войной: империалистическая держава или полуколония? // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 1. - С. 96-108.

111. Сергеев Г.С. Российские транснациональные корпорации в глобальной системе капитализма XXI века: геополитэкономический аспект // Проблемы современной экономики. - 2019. - №2 (70). - С. 66-70.

112. Сергеев Г.С. Строительство цифровой экономики в России: геополитэкономический аспект // Экономическое возрождение России. - 2018. - №3 (57). - С. 92-102.

113. Сергеев Г.С. Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 4. – С. 50-63.

114. Сифакис-Капитанакис К. Новые акторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 82-93.

115. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2009. – 959 с.

116. Современный империализм: тенденции и противоречия / ИМЭМО АН СССР; Под. ред. Е. М. Примакова, В. А. Мартынова. – М.: Мысль, 1988. – 686 с.

117. Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов А.С. Фармацевтический рынок: структурные особенности фармацевтического рынка в России // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4(44). – С. 336-341.

118. Статистика внешней торговли Российской империи // Проект Исторического факультета МГУ имени Ломоносова: «Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв.». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm

119. Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/WXRSEBj6jnRWNrumRkDakLcqfAzY14VE.pdf>

120. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1894. – 291 с.

121. Счетная палата проверила инновационный центр "Сколково". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/267/>

122. Счетная палата проверила ОАО "Роснано". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/350/>

123. Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. – 470 с.

124. Торговля между Россией и Китаем в 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2018-g/>
125. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Корпоративный рабочий, 1922. – 428 с.
126. Тягуненко В.Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
127. Фонд «Сколково» представил информацию об устранении нарушений, выявленных в ходе проверки Счетной палаты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/402/>
128. Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в русском Туркестане и британской Индии: сходства и различия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2010. – №6. – С. 28-44.
129. Ханин Г.И. Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1917) // Альтернативы. – 2013. – № 4. – С. 76-95.
130. Хессин Н.В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 191 с.
131. Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы политической экономии. – 2017. – №3. – с. 115-131.
132. Хромов П.А. Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. – 240 с.
133. Хубиев К.А. Современные тенденции мирового экономического развития: политэкономический подход // Проблемы современной экономики. – 2017. – №1. – С. 62-67.
134. Худокормов А.Г. Новые данные о «третьем кризисе» экономик // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 1. – С. 103-125.

135. Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество – седьмая формация // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Цаголова Г.Н. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 250 с.

136. Черковец В.Н. Природа империализма и современный капитализм: особенности исследования их взаимосвязи // Вопросы политической экономии. – 2017. – №2. – С. 87-96.

137. Чибриков Г.Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – 172 с.

138. Шевченко В.Н. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России // Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, П. Линке; Предисл. А.В. Бузгалина. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 560 с.

139. Шевченко В.Н. Россия: историческая судьба «второго мира» // Философские науки. – 2014. – №7. – С. 7-24.

140. Шепелев Л.Е. Проблема промышленного развития России в финансовой политике царизма начала XX века // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX - начале XX в.: К пробл. ист. предпосылок Великой Окт. соц. Революции. – Л.: Наука, 1987. – 238 с.

141. Щетинина Г.И. И.Х. Озеров и его воспоминания // История и историки. Историографический сборник. – М.: Наука, 1981. – 265 с.

142. Энгельс Ф. Биржа. Дополнения к третьему тому «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25 ч. II. – М.: Политиздат, 1962.

143. Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Госполитиздат.

144. Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 39. – М.: Политиздат, 1966.

145. Энгельс Ф. Предисловие к англ. изд. «Положения рабочего класса в Англии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Политиздат, 1962.

146. 10 лет Росинфокоминвест не выполняет задачу развития отрасли информационно-коммуникационных технологий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/35712
147. Amin S. Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. – New York: Monthly Review Press, 2016. – 144 p.
148. Amin S. The Law of Worldwide Value. – New York: Monthly Review Press, 2010. – 160 p.
149. Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. – Hassocks, England: The Harvester Press, 1976.
150. Arrighi G. The Geometry of Imperialism. – London, 1978. – 160 p.
151. Baran P., Sweesy P. Monopoly Capital. – New York: Monthly Review Press, 1966. – 416 p.
152. Bhagwati J. Dawn of a New System // Finance and Development. – December 2013. – P. 8-13.
153. Bhagwati J. In Defense of Globalization. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 326 p.
154. Boron A. Empire and Imperialism. A Critical Reading of Michael Hardt and Antonio Negri. – London: Zed Books, 2005. – 160 p.
155. Callinicos A. Imperialism and Global Political Economy. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 288 p.
156. Carstens A. Global Market Structures and the High Price of Protectionism. Overview panel remarks // Bank of International Settlements. [Electronic resource]. Available at: <https://www.bis.org/speeches/sp180825.pdf>
157. Cleland D. The Core of the Apple: Dark Values and Degree of Monopoly in Global Commodity Chains // Journal of World-Systems Research. – 2014. – №20(1) – P. 82-111.
158. Cope Z. Divided World Divided Class, Global Political Economy and the Stratification of Labour Under Capitalism. – Montreal: Kersplebedeb, 2012. – 471 p.
159. Desai R. Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. – London: Pluto, 2013. – 328 p.

160. Dzarasov R. The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World-System. – London: Pluto Press, 2014. – 294 p.
161. Epstein G. Introduction: Financialization and the World Economy. In Gerald Epstein, ed., Financialization and the World Economy. – Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2006. – 456 p.
162. Erästö T., Cronberg T. Opposing Trends: The Renewed Salience Of Nuclear Weapons And Nuclear Abolitionism // SIPRI Insights on Peace and Security. September 2018. URL: <https://www.sipri.org/publications/2018/sipri-insights-peace-and-security/opposing-trends-renewed-salience-nuclear-weapons-and-nuclear-abolitionism>
163. Fortune Global 500. URL: <https://fortune.com/global500/>
164. Foster J.B. The New Imperialism of Globalized Monopoly-Finance Capital. Monthly Review, 2015. [Electronic resource]. Available at: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/the-new-imperialism-of-globalized-monopoly-finance-capital/>
165. Global Financial Integrity. Illicit Financial Flows to and from Developing Countries: 2005-2014. 2017.
166. Global Trade Alert. Global Dynamics. [Electronic resource]. Available at: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_0214
167. Harvey D. Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. – New York: Oxford University Press, 2014. – 352 p.
168. Harvey D. The New Imperialism. – New York: Oxford University Press, 2003. – 253 p.
169. IMF WEO database of April 2021. [Electronic resource]. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>
170. Kahan A. Government Policies and the Industrialization of Russia // Journal of Economic History. – 1967. – Vol. 27. – №4. – P. 460-477.
171. Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. – Chicago; London: University of Chicago press, 1989. – 244 p.

172. Kautsky K. Ultra-Imperialism. Die Neue Zeit. September 1914. [Electronic resource]. Available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>
173. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House, 1987. – 677 p.
174. Komolov O. Capital Outflow and the Place of Russia in Core–Periphery Relationships // World Review of Political Economy. – 2019. – Vol.10. – №3 – P. 328-341.
175. Kotz D. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. – Harvard University Press, 2015. – 288 p.
176. Krippner G.R. The financialization of the American economy // Socio-Economic Review. – 2005. – Vol.3. – №2. – P. 173-208.
177. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. – New York: W.W. Norton and Company, 2009. – 205 p.
178. Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy. – London: Pluto Press, 2008. – 240 p.
179. Main Science and Technology Indicators. Vol. 2021. Issue 1. 2021. OECD. [Electronic resource]. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/volume-2019/issue-1_g2g9fb0e-en#page24
180. McKinsey Global Institute. “Playing to Win: The New Global Competition for Corporate Profits”. 2015. [Electronic resource]. Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-new-global-competition-for-corporate-profits>
181. Melchior A. Russia in world trade: Between globalism and regionalism // Russian Journal of Economics. – 2019. – №5(4). – P. 354-384.
182. Milberg W., Winkler D. Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
183. Moniz E.J., Nunn S. Sleepwalking Toward the Nuclear Precipice: the World Needs a Wake-Up Call. // Foreign Affairs. December 15, 2020. [Electronic resource].

Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-12-15/sleepwalking-toward-nuclear-precipice>

184. OXFAM. “10 biggest corporations make more money than most countries in the world combined”. September, 2016. [Electronic resource]. Available at: <https://www.globaljustice.org.uk/news/2016/sep/12/10-biggest-corporations-make-more-money-most-countries-world-combined>

185. Ozawa T. The Rise of Asia. The “Flying-Geese” Theory of Tandem Growth and Regional Agglomeration. – Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2009. – 256 p.

186. Panitch L., Gindin S. The Making of Global Capitalism: The Political Economy of the American Empire. – Verso, 2013. – 480 p.

187. Patnaik P., Patnaik U. A Theory of Imperialism. – New York: Columbia University Press, 2017. – 256 p.

188. Peetz D., Murray G. The Financialization of Global Corporate Ownership. In: Financial Elites and Transnational Business: Who Rules the World? – Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2012. – 269 p.

189. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1962.

190. S&P Market Intelligence: The world's 100 largest banks. [Electronic resource]. Available at: <http://www.snl.com/web/client?auth=inherit#news/article?id=40223698&cid=A-40223698-11568>

191. Schwab K., Malleret T. COVID-19: Great Reset. – Forum Publishing, 2020.

192. Screpanti E. Global Imperialism and the Great Crisis. – Monthly Review Press, 2014. – 288 p.

193. SIPRI database. [Electronic resource]. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-03/sipri_at_press_release_rus.pdf

194. Smith J. Imperialism in the Twenty-First Century: The Globalization of Production, Super-Exploitation, and Capitalism’s Final Crisis. – Monthly Review Press, 2016. – 382 p.

195. Suwandi I, Jonna J. and Foster J. Global Commodity Chains and the New Imperialism. Monthly Review. 2019. [Electronic resource]. Available at: <https://monthlyreview.org/2019/03/01/global-commodity-chains-and-the-new-imperialism/>
196. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. 2011. PLoS One. No. 6. [Electronic resource]. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0025995&type=printable>
197. Wallerstein E. Dependence in an Independent World: the Limited Possibilities of Transformation within the Capitalist World Economy // African Studies Review. – 1974. – Vol.17. – №1. – P. 1-26.
198. Willis Towers Watson. The World's 500 Largest Asset Managers, 2018. [Electronic resource]. Available at: https://www.willistowerswatson.pl/aktualnosci/pdf/2018.10.29-TAI-PI-500_2018.pdf
199. World employment and social outlook 2015: The changing nature of jobs / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2015. [Electronic resource]. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_368626.pdf
200. World Investment Report 2013 / UNCTAD. [Electronic resource]. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2013_en.pdf
201. World Investment Report 2017 / UNCTAD. [Electronic resource]. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf
202. World Investment Report 2020 / UNCTAD. [Electronic resource]. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf
203. World Trade Statistical Review 2021 / WTO. [Electronic resource]. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf